

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ВАВТ МИНЭКОНОМРАЗВИТИЯ РОССИИ)

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА**

*Коллективная монография
кафедры международного права
ВАВТ Минэкономразвития России*

Под редакцией В.М. Шумилова

Москва

ВАВТ

2024

УДК 341.241.8
ББК 67.911.221
М 432

Рецензенты:

Данельян А.А. — доктор юридических наук, профессор
Дипломатической академии МИД РФ

Калининченко П.А. — доктор юридических наук,
профессор Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

М 432 Международно-правовые проблемы современного международного экономического правопорядка: коллективная монография кафедры международного права ВABT Минэкономразвития России / под ред. В.М. Шуилова. — М.: ВABT, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-9547-0233-0

Цель коллективной кафедральной монографии — выявление международно-правовых проблем международного правопорядка в контексте международных экономических отношений в современных условиях перехода международной системы к многополярному мироустройству.

В работе представлены и рамочный взгляд на международно-правовую систему, и картина международного экономического правопорядка на макро-уровне, и кажущиеся локальными проблемы международно-правового регулирования наиболее актуальных сфер межгосударственных отношений — торговых, финансовых, инвестиционных, интеграционных. Дополнительно рассмотрено состояние нормативных режимов в ЕС, ЕАЭС. Уделено внимание проблеме пробелов в международном праве; договорной практике государств; международной законности и международному правосознанию.

Монография призвана помочь в правотворческой и правоприменительной работе юристов-международников, в толковании международно-правовых норм и принципов, в выборе методов международно-правового регулирования, в решении выявленных проблем; стимулировать изыскания в международно-правовой науке.

Для юристов-международников, преподавателей вузов, ученых, студентов и аспирантов, практических работников, управленческого звена соответствующих государственных органов России и всех, кто интересуется международным правом и проблемами международных отношений (международных экономических отношений).

Ключевые слова: проблема; международное право; международное экономическое право; международный правопорядок; международный экономический правопорядок; международная система; международно-правовая система, глобальная нормативная система; международная экономическая система; международное торговое право; международное финансовое право; международное инвестиционное право; право международной экономической интеграции; право международных договоров; право международных организаций; международная законность; международное правосознание; эволюция международного (экономического) правопорядка; решение международно-правовых проблем.

ISBN 978-5-9547-0233-0

Авторский коллектив

- Ищенко Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент — глава 8 (в соавторстве)
- Кицмаришвили Давид Элгуджаевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель — глава 5
- Комендантов Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент — глава 7
- Лифшиц Илья Михайлович, доктор юридических наук, профессор — глава 3
- Мазаева Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент — глава 8 (в соавторстве)
- Монокин Егор Николаевич, кандидат юридических наук — глава 8 (в соавторстве)
- Никифоров Святослав Вадимович, аспирант ВАВТ МЭР РФ — глава 9
- Салия Марианна Романовна, кандидат юридических наук, доцент — глава 6
- Смбалян Анаит Сергеевна, доктор юридических наук, профессор — глава 2
- Толстых Владислав Леонидович, доктор юридических наук, профессор — глава 10
- Шулятьев Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент — глава 4
- Шумилов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор — глава 1

Оглавление

Предисловие.....	7
------------------	---

Глава 1

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК	9
--	---

В.М. Шумилов

Глава 2

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВОПОРЯДКА	35
---	----

А.С. Смбастьян

Глава 3

КРИПТА, КЛИМАТ, НАЛОГИ И ПРОЧЕЕ — О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ПРАВОПОРЯДКА.....	50
---	----

И.М. Лифшиц

Глава 4

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.....	63
---	----

И.А. Шулятьев

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ПРАКТИКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ	72
--	----

Д.Э. Кицмаришвили

Глава 6 МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС	82
---	-----------

М.Р. Салия

Глава 7 ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ ИНСТИТУТОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (СНГ, СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ, ЕАЭС)	96
--	-----------

С.В. Комендантов

Глава 8 ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО РЕЖИМА В ЕС	110
---	------------

Н.Г. Ищенко, Н.Н. Мазаева, Е.Н. Монокин

Глава 9 ПРОБЛЕМА ПРОБЕЛОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ГЛОБАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ)	128
---	------------

С.В. Никифоров

Глава 10 ПРОБЛЕМНЫЙ (КРИТИЧЕСКИЙ) АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	139
--	------------

В.Л. Толстых

Сведения об авторах и их основных трудах	155
---	------------

Предисловие

Настоящая коллективная монография кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации посвящена выявлению проблем современного *международного экономического правопорядка*, находящегося в стадии кардинальной трансформации, — перехода к многополярному мироустройству.

Международный экономический правопорядок предстает как определенный результат функционирующей международной экономической системы и международного экономического права. При этом международный экономический правопорядок — часть международного правопорядка в целом, и, следовательно, какие-то черты и характеристики целого присущи этой части. Многие *проблемы* международного *экономического* правопорядка являются производными от *проблем* общего международного правопорядка.

Структурно международный экономический правопорядок можно рассматривать в различных аспектах. Например, видеть в нем две составляющие: *стабильную* и *динамичную*. Матрицей правопорядка служат фундаментальные основы мироустройства; основополагающие принципы международного права; специальные принципы международного экономического права; *динамичная* составляющая представлена постоянно возникающими — длящимися и/или реализующимися — правоотношениями¹.

Можно увидеть в правопорядке великое множество более дробных правопорядков, которые, в свою очередь, образуют двусторонний, многосторонний, региональный, универсальный уровни; или, в предметном разрезе, — правопорядки в торговой, финансовой, инвестиционной и других подсистемах. Различаются в явлении правопорядка и две стороны: нормативная и институциональная (организационная). Первая обеспечивает функционирование правопорядка нормативной основой; вторая — определенной конфигурацией субъектов международного права: государств и международных организаций.

¹ Кичкинев В.Н., Перевезенцева Н.Д. Правопорядок в классической и постклассической интерпретации // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 26–31.

Качественные характеристики международного экономического правопорядка имеют довольно условные и субъективные показатели: устойчивость, справедливость, эффективность и т. п. Свидетельством и иллюстрацией этих показателей служат, в частности, очаги международно-правовых пробелов и правонарушений.

Основным научным методом исследования является *системный* подход². Вся *международная система* рассматривается как целостный комплекс взаимосвязанных систем, элементы которых тоже взаимодействуют друг с другом. Надстроечной частью *международной системы* является *глобальная нормативная система*, в которой воплощены все важные явления, регулятивные инструменты, специальная терминология: международное право, внутреннее право, мягкое право, международный правопорядок, международное правосознание и т. п. Проблемы могут находиться и находятся в любой точке представленной картины; приобретать различные формы.

Монография состоит из авторских глав, посвященных проблемам международно-правового регулирования мировой торговли; финансовых и инвестиционных отношений; региональных интеграционных процессов, включая особое внимание к международно-правовым режимам ЕАЭС и ЕС; проблемам международной договорной практики и реализации основополагающих принципов международного права в международной экономической системе.

Ученые кафедры международного права ВАВТ МЭР РФ выявляют и исследуют проблемы теоретического и прикладного характера, касающиеся всего многообразия указанных сфер отношений и правопорядков.

Монография предназначена для научных работников, специализирующихся на вопросах международного права (международного экономического права), для преподавателей вузов, студентов, аспирантов, сотрудников органов власти и всех, кому интересна тема международных экономических отношений и международного экономического права.

² Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. С. 157.

Глава 1

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАВООПОРЯДОК

В.М. Шумилов

Международный (экономический) правопорядок как проблемное явление и международно-правовая категория

Международный экономический правопорядок — категория многогранная и многоаспектная: к ней примыкает большое число разного рода аспектов теоретического и прикладного свойства³. Эта категория является частью более широкого понятия: *международного правопорядка*.

Доктринальной основой для исследования проблематики международного правопорядка могут служить уже имеющиеся в науке международного права статьи, диссертации, монографии российских юристов. Необходимо выделить, в частности, следующие известные работы:

- *Василенко А.В.* Стратегия международного обеспечения миропорядка // Вестник Киевского университета: Международные отношения и международное право. 1981. Вып. 18.
- *Евинтов В.И.* Международное сообщество и правопорядок. — Киев: Наукова думка. 1990.
- *Мовчан А.П.* Международный правопорядок. — М.: ИГП РАН, 1996.
- *Решетов Ю.А.* Современный международный правопорядок // Советский ежегодник международного права. 1986. — М.; 1987.
- *Сандровский К.К.* Проблемы законности и правопорядка в международных отношениях // Вестник Киевского университета: Международные отношения и международное право. 1986. Вып. 23.

³ Кичкинев В.Н., Перевезенцева Н.Д. Правопорядок в классической и постклассической интерпретации // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 26–31.

- Тюрина Н.Е. *Международный правопорядок*. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1991.
- Шаов И.К. *Международный правопорядок и пути его совершенствования* // автореф. кандидата юридических наук. — М.: РУДН, 2004.

Понятию *международного правопорядка* уделяли внимание и другие юристы-международники: Вельяминов Г.М., Каламкарян Р.А., Колосов Ю.М., Курдюков Г.И., Лазарев М.И., Лихачев В.Н., Лукашук И.И., Мингазов Л.Х., Мюллерсон Р.А., Смбалян А.С., Тункин Г.И., Ушаков Н.А., Фельдман Д.И., Черниченко С.В., Шестаков Л.Н. и многие другие. Среди обширной зарубежной научной литературы можно выделить неоднократно переиздававшийся фундаментальный труд: *International Law and World Order* (Burns H. Weston, Richard A. Falk, Anthony D'Amato. West Publishing Co., St. Paul, Minn., 1990).

Общим вопросам, связанным с *правопорядком* и с примыкающими к нему категориями, много места отведено в теории права (Алексеев С.С., Борисов В.В., Явич Л.С. и др.).

Международный правопорядок — это порядок международных отношений, который установлен и осуществляется на основе принципов и норм международного права.

Этапы развития международного правопорядка в XX–XXI вв.

В XX веке *международный правопорядок* прошел несколько этапов развития. В первой половине века он складывался в условиях биполярного мироустройства — в противостоянии двух миров: капиталистического и социалистического (Запада и Востока). Во второй половине XX века прошел этап *деколонизации*, и в международной системе появились новые субъекты международного права — более ста развивающихся государств, объединившихся в «Группу 77». В результате обозначились еще два «полюса»: развитые и развивающиеся государства («север» и «юг»). Порядок держался в неустойчивом равновесии — на взаимных уступках; носил компромиссный характер: права, обязанности, риски, выгоды, государственные интересы были состыкованы с учетом фактора силы, в том числе экономической.

Нормативной стороной международного правопорядка явились нормы международных договоров всех уровней, нормы международных обычаев, «общие принципы права», «внутреннее право международных организаций»⁴; международно-правовые принципы, в том числе региональные, локальные, отраслевые и т. п. Источником, скрепляющим международное право в целостную систему, стал Устав ООН и его нормы. Устав нацеливает государства на «сотрудничество в разрешении международных *проблем*», в том числе и прежде всего *экономических* (ст. 1).

Фактически международное право «цивилизованных народов» (т. е. западных государств) превращалось в *общее международное право*, формально отражавшее — с соответствующей условностью — общечеловеческое правосознание. Укреплению *общего международного права* способствовало признание за рядом норм международного права качества императивных принципов *jus cogens* и норм *erga omnes*. Объединяющей идеей в условиях биполярного мироустройства служила идея мирного сосуществования, принимаемая прямо или по умолчанию, которая уравнивала международное правосознание холодной войны между Западом и Востоком. Фактором равновесия, сдерживающим применение военной силы, стала доктрина взаимного гарантированного уничтожения ведущих противостоящих держав и неделимости безопасности.

Развивающиеся государства вписались в международную систему⁵ автономно организованной группой государств и в то же время были разделены притяжением либо к социалистическому, либо к капиталистическому полюсу. Они присоединились к универсальным международным договорам, заключили множество двусторонних и многосторонних договоров друг другом и с государствами Запада и Востока. Добились преференциального международно-правового режима в международной торговле и в отдельных вопросах международных

⁴ Сарвири Ю.А. Юридическая природа внутреннего права международных организаций // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 2. С. 90–98.

⁵ О понятии и структуре *международной системы* см.: Шумилов В.М. Международное право: учебник. — М.: Велби, 2007. С. 50–53; Шумилов В.М. Международное право: учебник / 3-е изд. М: Юстиция, 2016. С. 40–50.

экономических отношений. Средствами мягкого права потребовали «перестройки международных экономических отношений»⁶.

В *институциональной* части международного правопорядка в bipolarном мире, помимо капиталистических, социалистических, развивающихся государств, появились свои и общие *международные организации*, нацеленные на сотрудничество и экономическую интеграцию. Социалистические страны создали, в частности, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и оборонительную Организацию Варшавского договора; капиталистические страны опирались на Организацию Североатлантического договора (НАТО), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), Европейское экономическое сообщество — ЕЭС (позднее — Европейский союз, ЕС) и др. Общими международными организациями стали ООН и организации системы ООН, прочие специализированные, отраслевые организации (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ; Организация стран-экспортеров нефти — ОПЕК) и т. п.

В международной системе и международном правопорядке следует видеть и еще одну сторону — общественное сознание, а применительно к международным делам — международное правосознание, которое включает в себя мировоззренческую, идеологическую, социальную составляющие, разного рода официальные и неофициальные доктрины, концепции.

В 1991 году произошел распад СССР, а с ним и всей социалистической мировой системы (для нашей страны это стало геополитической катастрофой⁷). Запад приступил к формированию однополярного мироустройства посредством управляемой *глобализации* — создания целостной экономической, социокультурной и политической суперсистемы под эгидой группы государств Запада во главе с США,

⁶ Декларация об установлении нового международного экономического порядка (принята на Генеральной Ассамблее ООН (1974); Заявление советского правительства о перестройке международных экономических отношений // Внешняя политика СССР. 1976. М., 1976. С. 116.

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г. // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>.

с их доктриной глобальной гегемонии «Pax Americana»⁸. Россия присоединилась к МВФ, вступила в ВТО и в ряд других международных организаций, начала переговоры о вступлении в ОЭСР, подписала Основопологающий акт Россия — НАТО, однако так и не была воспринята западным цивилизационным пространством на равных. Большинство других социалистических государств стали членами ЕС и НАТО, то есть частью Запада.

После распада СССР западные государства использовали весь инструментарий ускоренного нормативного регулирования процессов глобализации в обеспечение своих интересов — макроэкономического, военного, политического, международно-правового характера. Легализовывался международный правопорядок, при котором весь остальной — незападный — мир стал служить источником ресурсов, рынком сбыта, окраинным придатком западной цивилизации, обязанным перенять западные ценности — вестернизировать национальные публичные порядки. Цивилизационные особенности других государств и групп государств не принимаются во внимание.

В этот период явственно обозначилась тенденция на взаимное переплетение международного права и национальных правовых систем — на формирование определенного их двуединства: *глобальной правовой системы*. Многие универсальные и многосторонние (региональные) международные договоры, а также международные организации прямо или косвенно ведут к унификации внутренних законодательств, к их конвергенции, к дальнейшей кодификации на этой основе самого международного права.

Примером служит «право ВТО», требующее от государств-членов адаптации законов и прочих нормативных актов к соглашениям «пакета ВТО» (ст. XVI, п. 4 Соглашения об учреждении ВТО)⁹. «Право ВТО» построено на правосознании свободной торговли, устранения торговых барьеров или их согласованного регулирования — все это

⁸ Соколов Н.Н., Шебалкина И.Е. Анализ парадоксов политики Pax Americana в исторической ретроспективе (дискуссии в «мозговых центрах» США). // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 133–135.

⁹ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации: сборник / коллектив составителей. М.: Юстицинформ, 2018. С. 34.

при формальном равноправии государств-участников на самом деле обеспечивает приоритет в конкуренции на рынках товарам технологичных западных стран. Именно так международное право в преимущественную очередь обслуживает интересы западных государств. Именно так западные государства подбирают подходящие им международно-правовые инструменты и методы регулирования. Развитие международного права в эпоху глобализации приняло наиболее управляемый и специфический характер¹⁰.

Создание интеграционных объединений привело к возникновению и ускоренному развитию многих международно-правовых институтов и отраслей, к появлению «права интеграции» и присущего ему метода *наднационального* регулирования. Обнаружилась дифференциация международно-правовых режимов, которые оказались не вполне согласованными друг с другом (что обозначено термином «фрагментация» международного права). «Право интеграции», по сути, стало еще одной правовой системой, наряду с международным правом и национальным правом сообщества государств их двуединство становится триединством в *глобальной правовой системе*.

В глобализованном по стандартам Запада мире нет нужды соблюдать международное право в полном его объеме, поэтому Соединенными Штатами и европейскими союзниками была принята к применению концепция «миропорядка, основанного на правилах»¹¹. Это правила, которые США и западные страны в духе превосходства формулируют самостоятельно (в рамках G-7, ЕС, НАТО) применительно к тем или иным обстоятельствам и государствам, присвоив себе право наказывать за их нарушение. Правила отодвигают в сторону международное право, заменяют его. Требования выполнять «правила» являются условием любого последующего разговора с незападным государством (прежде всего с Россией и Китаем) на паритетной основе; требования сопровождаются угрозами и «предупреждениями». Концепция

¹⁰ Международное экономическое право в эпоху глобализации: сб. ст. — Вып. 54. / коллектив авторов; отв. ред. — Боклан Д.С., Лифшиц И.М. — М.: БАВТ, 2014.

¹¹ *Лаверов С.В.* О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/>; Международное право: учеб. для вузов / под ред. А.А. Даниельяна, С.А. Егорова. М.: Проспект, 2023. С. 17.

миропорядка, основанного на правилах, — это элемент группового правосознания, нацеленного на сохранение главенства Запада в международной системе, на вмешательство во внутренние дела, применение двойных стандартов, на глобальный тоталитаризм в межгосударственных отношениях. Посредством этой концепции в международное правосознание заложено противопоставление демократических и авторитарных режимов при заведомо ложной интерпретации большинства событий.

Нельзя не обратить внимание на еще одно опасное и дезорганизующее явление и проблему — практику неправомерного экстратерриториального применения законодательства США: принимаются национальные законы, которые распространяют свое действие непосредственно на физических и юридических лиц в других странах. Такие законы в одностороннем порядке регулируют отношения международного характера в банковской, налоговой, трудовой, торговой, антимонопольной, уголовной и иных областях, хотя касаются интернационализированных проблем, требующих, по сути, двустороннего или многостороннего регулирования. Международно-правовой метод регулирования интернационализированных проблем подменяется национально-правовым методом в ущерб международному правопорядку.

В результате согласованных западными странами действий по глобальному управлению сознательно оставляются без международно-правового регулирования большие группы и сферы международных отношений. Пробельные пространства отношений восполняются разными методами.

Один из таких методов — регулирование посредством мягкого права: преимущественно путем принятия разного рода политических актов и рекомендательных норм — на двустороннем и многостороннем уровнях. В том числе в виде резолюций ГА ООН, в рамках «мягких международных структур», параорганизаций: «Большой двадцатки» (G-20), объединения БРИКС и т. п. Нормы мягкого права представляют собой необязательные, неформальные правила, которые так или иначе вносят элемент упорядоченности в международные отношения. Часто они адресуются государствам и международным организациям приме-

нительно к экономическим, налоговым, банковским и другим областям взаимодействия. Нормы *мягкого права* при необходимости прокладывают путь нормам жесткого права и тем самым тоже целенаправленно используются в стратегии управляемого воздействия на международный правопорядок.

Второй метод нормативного заполнения международно-правовых пробелов и обеспечения желаемого порядка — это *транснациональное регулирование*, то есть регулирование отношений международного характера, которое осуществляют — с позволения соответствующих государств — сами юридические лица разных стран (транснациональные корпорации) своими локальными актами или договорами между собой¹², своего рода саморегулирование. Примером современной сферы международных отношений, где преобладает транснациональное регулирование, служит вся глобальная цифровая сфера. Правила поведения в этой сфере задают интернет-корпорации, информационно-коммуникационные частные или частно-государственные структуры; национальное право и международно-правовое регулирование также присутствуют в глобальном цифровом пространстве, но не являются определяющими.

Отмеченная выше совокупность инструментов/методов регулирования превращает глобальную *правовую* систему в глобальную *нормативную* систему.

В качестве диалектического противодействия линии западных стран на выстраивание однополярного миропорядка на континентах ясно проявился цивилизационный фактор: заявили о себе прочие (не-западные) цивилизации — китайская, индийская, арабская, иранская, латиноамериканская, африканская и др.¹³. В локальных и региональных правовых системах возникли нормы и институты международного права, основанные на цивилизационных ценностях и охраняющие их. В рамках данной тенденции на постсоветском пространстве возник Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В глобальной *нормативной*

¹² Внешнеторговая энциклопедия // коллектив авторов/ отв. ред. С.И. Долгов. М: Экономика, 2011.

¹³ Дугин А.Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник Московского университета. Серия 18. 2013. № 1. С. 33–41; Шумилов В.М. О периодизации международного права в контексте цивилизационного подхода: Россия и Запад // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 44–50.

системе, обслуживающей интересы Запада, появляются международно-правовые очаги, несущие в себе «разноцветье» различных незападных цивилизаций.

Вместе с тем в процессе взрачивания глобальной нормативной системы действия государств Запада перешли все границы. Не осталось, например, ни одного универсального международно-правового принципа, который бы соблюдался, по крайней мере, в отношении незападных государств. Западными государствами во главе с США совершены десятки тягчайших международных преступлений. Международная обстановка стала напоминать обстановку, предшествующую Второй мировой войне и Великой Отечественной войне (1939–1945), когда объединенная Европа во главе с Германией готовилась к нападению на нашу страну, при злонамеренных дипломатических маневрах США и Великобритании, и в конце концов совершила вероломное нападение с целью захвата «восточных земель» и уничтожения «лишнего» народа. Это был настоящий, невиданный в истории, геноцид русского и других народов СССР¹⁴.

И в XXI веке Запад проигнорировал российские предложения о безопасности в Европе и в мире, отбросил принцип неделимости безопасности, открыто — доктринально — объявил Россию врагом, окружил нашу страну военными базами и оружием нападения, разработал стратегические планы разрушения России путем ее раздела на мелкие государственные образования. Цель — уничтожить Россию как цивилизацию, взять под контроль ее ресурсы. Пробным камнем стал организованный США государственный переворот на Украине (2014) и превращение этой страны, некогда входившей в состав СССР, в русофобский форпост западной цивилизации¹⁵. На Украине началась гражданская война, после народных референдумов на части Украины были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики; Крым

¹⁴ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». <http://duma.gov.ru/news/56676/>

¹⁵ Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Вооруженный конфликт на Украине и международное право // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 265–271.

снова воссоединился с Россией¹⁶. Со стороны западных государств последовали первые санкции; Россия официально заявила о своем повороте на Восток¹⁷.

Не желая повторить исторический опыт внезапного нападения на нашу страну со стороны фашистской Европы, Россия в феврале 2022 года со ссылкой на статью 51 Устава ООН (применение силы в порядке самообороны) объявила Специальную военную операцию (СВО) на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации¹⁸. В ответ западные страны ввели против России согласованные множественные и многоуровневые санкции с целью задуть российскую экономику, нарушить внутреннюю стабильность и изолировать Россию в международных делах. Россия объявила западные страны недружественными и приняла адекватные контрмеры. В октябре 2022 года ДНР, ЛНР, а также Херсонская и Запорожская области были приняты в состав России. Запад развернул против России прокси-войну, используя в качестве основной военной силы украинскую армию. Начался новый этап в мировой истории, коренной слом старого миропорядка, трансформация глобализированного однополярного мироустройства в многополярный мир¹⁹.

Эта фундаментальная трансформация международной системы и глобального международного правопорядка сопровождаются перестройкой всей нормативной (в том числе международно-правовой) надстройки. Мир вновь разделился на группы государств: западные и незападные государства, и в незападной части возвращаются новые

¹⁶ *Пряхина Т.М.* Признание факта принятия в Российскую Федерацию Республики Крым // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 5. — С. 16–22; *Томсинов В.А.* «Крымское право» или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета, Серия 11: Право. 2014. № 5. С. 3–32; *Кремнев П.П.* Вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины: правовая квалификация и последствия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23, № 3. С. 394–412.

¹⁷ *Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В.* Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>

¹⁸ Обращение Президента Российской Федерации о начале специальной военной операции на Украине, 24 февраля 2022 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843>; *Исполинов А.С.* Нормы международного права о применении силы и СВО России // Закон. 2022. № 8. С. 30–41.

¹⁹ *Дугин А.Г.* Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.

центры силы, опирающиеся на интеграционные объединения и близкие цивилизационные ценности.

В целях сохранения своей гегемонии Запад провел новое расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции (которая ждет очереди) и обозначил выход НАТО за пределы традиционной зоны ответственности; принял очередные пакеты санкций против России и Белоруссии, объединенных в Союзное государство; осуществляет массированное внедрение в общественное сознание в своих государствах и в международное правосознание русофобии как идеологической основы призываний.

В апреле 2023 года в России была утверждена Концепция внешней политики РФ²⁰, которая отразила национальные интересы нашего государства в современный период и взгляды на новое мироустройство. В документе Россия впервые квалифицируется как «государство-цивилизация», «евразийская и евро-тихоокеанская держава», для которой характерна культурно-цивилизационная общность народов России и Русского мира. Констатируются: формирование справедливого многополярного мира; структурная перестройка мировой экономики и кризис экономической глобализации; создание разноформатных партнерств для решения общих проблем. Ставится задача укрепления правовых основ международных отношений и цель развития взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с конструктивно настроенными иностранными государствами; формирования в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического пространства в Евразии, большого евразийского партнерства.

В качестве принципов существования многополярной системы перечислены: суверенное равенство государств; неприятие гегемонии в международных делах; сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды; невмешательство во внутренние дела; верховенство международного права и отказ от политики двойных стандартов; неделимость безопасности на глобальном и региональном уровнях; многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества; ответственное лидерство ведущих государств; самостоятельная

²⁰ Текст: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

роль суверенных государств в принятии решений, касающихся международного мира и безопасности. Применительно к европейским государствам декларируется «формирование новой модели сосуществования» (п. 59/3), что является явной аллюзией на принцип мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем, который определял суть взаимоотношений между государствами двух блоков в биполярную эпоху времен СССР. Подтверждается также «мирное сосуществование с США» (п. 63).

В концепции уделено внимание устранению условий неокOLONиалистских и гегемонистских амбиций Запада, восстановлению роли ООН и укреплению роли БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и других межгосударственных объединений с участием России, повышению устойчивости и прогрессивному развитию международно-правовой системы.

Вместе с тем в концепции обозначены некоторые аспекты, которые вызывают дополнительные размышления и замечания. Так, представляются противоречивыми задачи «поддержания глобальной стабильности» (п. 20) и трансформации мироустройства, задачи «недопущения фрагментации международно-правовой системы» (п. 23) и укрепления роли полюсов в многополярном мире. «Адаптация мировых торговой и валютно-финансовой систем к реалиям многополярного мира» (п. 39/1) неизбежно означает создание дополнительных, частично альтернативных, региональных торговых и финансовых правопорядков в каждом незападном полюсе.

Ряд поставленных задач представляется практически неисполнимым, например противодействие произвольному толкованию принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН и в Декларации 1970 года (п. 23/1): основополагающие принципы международного права не соблюдаются, их содержание искажено практикой западных государств, толкования каждого принципа часто низводят сами принципы на нет. Прогрессивное развитие международного права «с учетом реалий многополярного мира» (п. 23/2) с неизбежностью предполагает новый взгляд на основополагающие принципы международного права, формирование новых специфических принципов внутри каждого полюса в складывающемся миропорядке или снабжение традиционных

принципов новым содержанием, новыми исключениями и толкованиями. Уже в самой концепции наряду с традиционными основополагающими принципами международного права стоят, например, принципы неприятия гегемонии в международных делах или отказ от политики двойных стандартов, которых нет в Декларации принципов 1970 года.

Таким образом, главной проблемой формирования нового глобального правопорядка является незавершенный слом старого правопорядка. Баланс между *правом* и *силой* нарушился: на первый план вышла *сила*. В институциональной части правопорядка не преодолена гегемония западного блока государств и его структур; в *нормативной* части весь набор инструментов регулирования по-прежнему все еще пока используется преимущественно в интересах Запада. Задача международно-правовой науки — высветить проблемы трансформации однополярного мироустройства в многополюсный мир и в доктринальном плане содействовать этой трансформации на пользу России и ее внешней политики.

Теоретический взгляд на механизм международно-правового регулирования в свете международного правопорядка

В международной системе во все времена одной из главных *проблем* на всех уровнях была проблема обеспечения *порядка* в условиях, когда *право* в своей регулятивной функции отстает от реальных отношений, а *отношения* развиваются быстрее, чем поспевает за ними *право*. Эту объективно существующую проблему сопровождает другая, порождаемая субъективными обстоятельствами: *букве*, а часто и *духу права*, созданного правотворцем, не соответствуют *политика* самого правотворца, его *правопонимание*, методы регулирования/упорядочивания отношений. И получается, что закон или международный договор имеют в виду формирование одного правопорядка, а поведение государства или государств на практике ведет этот правопорядок в какую-то другую сторону. Указанные две проблемы характерны как для национальных систем права, так и для международно-правовой системы, что особенно очевидно сегодня. Причины, порождающие сбой в правотворчестве и правореализации находятся в сфере государственной *воли* и государственных *интересов*.

В международно-правовой системе (а шире — в современной глобальной *нормативной* системе) прослеживаются две тенденции. Первая — на стремление государств обеспечить свою *политику*, свои национальные *интересы* (тактические и стратегические) юридическими нормами. Другими словами, «вложить *интересы* в *право*» и затем опираться на право, реализуя эти интересы. Термин «интересы» охватывает, среди прочего, и экзистенциальные понятия, касающиеся мира и войны, безопасности и цивилизационных ценностей; общественного сознания; экономической эффективности, благосостояния общества и т. п.

Вторая тенденция — это представить сообществу государств свои *интересы* как общие. Часто это так и есть, например, в том, что касается международно-правовых режимов охраны природы или борьбы с международным терроризмом и т. п. Но даже и в таких случаях содержание и методы регулирования определяют западные государства, делая иногда в переговорных процессах уступки в обмен на сохранение нужной линии развития.

Все указанные явления, элементы, понятия и зависимости между ними можно изобразить следующей формулой (которая, по сути, является формулой механизма международно-правового регулирования):

хаос/беспорядок — интересы — воля — норма — юридический факт — правоотношение (юридическая обязанность, субъективное право) — реализация нормы — порядок.

Это формула трансформации/перевода *беспорядка* в *порядок*. Расшифровывается формула следующим образом. Разрозненные *интересы*, направляемые *волей* государств, воплощаются в выработанных между ними *нормах* международного права; нормы международного права под влиянием *юридических фактов* «открывают» *правоотношения*, содержащие *субъективные права* и *юридические обязанности* государств; если юридические обязанности исполняются, происходит реализация нормы, правоотношение «закрывается»; в итоге государства получают необходимый им «*порядок*» и устраняют сферу неурегу-

лированности (или «беспорядка», «хаоса», «пробелов»). Центральной деталью международного правопорядка — и самого этого механизма — являются *правоотношения*.

Если юридическая обязанность не исполняется, то налицо юридический факт *нарушения* нормы международного права, который «открывает» правоотношение *ответственности*. Противостояние правонарушениям в международном праве породило ряд международных договоров и международных организаций, в том числе международных судебных учреждений, — возникла процессуальная составляющая международно-правовой системы. Впрочем, она оказалась недостаточной и подверглась эрозии по причине ее политизации в практике западных стран.

Массовое неисполнение международно-правовых обязанностей характерно для современного международного правопорядка. Этот показатель состояния дел с реализацией норм в теории права определяется термином «законность». В научной литературе применительно к международному праву используется термин «международная законность»²¹. Взаимообусловленность законности и правопорядка очевидна, как очевидна зависимость уровня международной законности от соблюдения или несоблюдения принципа *res sunt servanda*. Одна из причин низкого уровня «международной законности» кроется в правосознании правящих элит государств. Для правосознания управленческих аппаратов западных стран присущ практический международно-правовой скептицизм и нигилизм.

Таким образом, *проблемами* могут стать десятки фактов, явлений и обстоятельств: правопонимание, правотворчество, правоприменение, толкование норм; институт ответственности; состояние дел с законностью и международным правосознанием. Иногда проблемой предстает и различное понимание того или иного термина.

Все вышеизложенное с определенными допущениями и коррективами применимо и к механизмам регулирования международных отноше-

²¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть // учеб. для вузов. Изд. 3-е. М.: Волтерс Клувер. 2005. С. 214–217; Трикоз Е.Н. Международно-правовая законность: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2008. С. 564–611.

ний с помощью «*неправовых*» норм мягкого права и транснационального права. Результатом также будет упорядоченность отношений, только с другими параметрами.

Вспомогательные аспекты общего взгляда на проблематику международного правопорядка

Итак, проблемы межгосударственного регулирования отношений могут заключаться не только в механизме регулирования, но и в самом правопорядке и его составляющих. Есть и другие аспекты проблематики международного правопорядка, играющие дополнительную, вспомогательную роль или по-другому освещающие отмеченные ранее явления и закономерности.

Например, с одной стороны, правопорядок рассматривают как *состояние* правоотношений, а с другой стороны — как постоянное их изменение, как *движение* к новому состоянию. Возникает диалектическая связь между суммарным *состоянием* упорядоченности международных отношений и одновременным *движением* к этой упорядоченности через правомерную реализацию международных правоотношений. Проблема может заключаться в разрыве между «статикой» и «динамикой», когда матрица устаревает, не дает нужного эффекта, а постоянно текущие правоотношения по разным причинам дрейфуют или направляются не в том направлении, которое было задано матрицей изначально. Примером может служить правопорядок, существующий под воздействием права ВТО: нормы соглашений пакета ВТО остаются теми же, но прежний эффект регулирования слабеет; реальные международные торговые правоотношения под влиянием несоблюдения юридических обязанностей целым рядом государств или своеобразного толкования отдельных норм соглашений движутся в сторону не прогнозируемой трансформации права ВТО или даже его разрушения; альтернативой служит смещение акцентов в международно-правовом регулировании международной торговли с права ВТО на альтернативные правопорядки. Подобную картину мы сегодня видим повсюду — во многих областях отношений.

Еще один аспект. Современный международный правопорядок структурно предстает как совокупность множества более мелких

правопорядков — с присущими им международно-правовым режимами, — взаимодействие которых дает итоговый результат. Так, в рамках международного *экономического* правопорядка сопрягаются, как минимум, международный *торговый*, международный *финансовый*, международный *инвестиционный* правопорядки; к ним так или иначе примыкают и многие другие. Итоговый результат, то есть баланс или дисбаланс правопорядков, зависит от состояния и эволюции каждой составляющей. Если будет переиначен международный *торговый* правопорядок (изменен, например, набор соглашений ВТО или их содержание), то это, несомненно, отзовется на международном *финансовом* и международном *инвестиционном* правопорядках. Таким образом, *проблема* поддержания целостного качественного правопорядка может заключаться в том, насколько сбалансированно стыкуются друг с другом более дробные правопорядки.

Отдельную проблему составляют *методы* регулирования международных отношений, которые избирают государства, а также сочетания таких *методов*. Эта тема недостаточно изучена в международно-правовой науке. В качестве *методов* регулирования — в крупном разрезе — выступают *право* и *сила*. В зависимости от приоритетных интересов и конкретных ситуаций государства предпочитают, например, *правовые* и *политические методы* воздействия на отношения (при том понимании, что *право* — это тоже *политика*: ее закрепление и отражение). Понятно, что применение неправомерной *силы* не обеспечивает должного правопорядка, и сам такой факт — это *проблема*: «в современном международном правопорядке нет альтернативы правопослушанию»²². *Проблемой* во многих случаях становится неадекватное соотношение между *правовыми* и *политическими* методами регулирования; недостаток *правовой* составляющей²³.

Несколько слов о терминологии применительно к организации глобальной международной системы: используются, в частности, понятия

²² Вылегжанин А.В. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права // Сб. ст. «Современная наука о международных отношениях за рубежом» в 3 томах. Том 2 / под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Российский совет по международным делам, 2015. С. 418–433; Каламкарян Р.А. Господство права в международных отношениях. М.: Наука, 2004. 492 с.

²³ Гончаров И.В. Соотношение права и политики в международных отношениях // Труды академии управления МВД России. 2013. № 2 (26). С. 120–123.

международный порядок, международный правопорядок, мировой порядок. Существует множество точек зрения на этот счет²⁴. Есть мнение, что понятия *международного порядка* и *мирового порядка* — синонимы. Более распространенные взгляды сводятся преимущественно к тому, что *международный порядок* — это порядок в отношениях между государствами, а *мировой порядок* — слагаемое из межгосударственных и внутригосударственных порядков²⁵. При этом считается, что понятие *международный порядок* — шире, чем понятие *международный правопорядок*, так как первое из них вбирает в себя как политические (неправовые), так и международно-правовые средства воздействия; второе — только международно-правовые. Международный правопорядок нуждается в нормах международного права и поддерживается ими; мировой порядок обеспечивается всеми доступными государствам средствами и регулятивным инструментарием, включая силу. В научной литературе используется также термин *мировой правопорядок*; в этом случае дополнительно подчеркивается, что речь идет о глобальном измерении правопорядка — глобальном правопорядке.

Творцами, обеспечителями, гарантами, бенефициарами международного правопорядка выступают субъекты международного права, однако в ряде научных трудов содержатся рассуждения о том, что международный правопорядок — это не просто *межгосударственный* порядок, а порядок всего «сообщества государств»²⁶, «международного сообщества», «мирового сообщества», всего человечества, «международного/глобального гражданского общества»²⁷. Считается, что «международное сообщество» возникло по причине усиления взаимозависимости государств с появлением ООН.

Современное состояние глобальной международной системы ставит новые задачи перед международно-правовой наукой и об-

²⁴ Тюрина Н.Е. Международный правопорядок. (Современные проекты совершенствования и преобразования): монография. Казань: Казанский государственный университет. 1991. С. 8–43.

²⁵ В рамках одного из взглядов на понятие *мирового порядка* предлагается включать в него отношения между всеми людьми, что косвенно ведет к признанию индивида субъектом международного права.

²⁶ В Венской конвенции о праве международных договоров (ст. 53) говорится, что императивная норма международного права принимается и признается «*международным сообществом государств* в целом».

²⁷ Гашенко А.Ю. Эволюция концепции международного гражданского общества в XX веке: дис. канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014.

разовательной сферой. Как представляется, назрела задача, как минимум, пересмотреть взгляды на систему международного права и на структуру учебников по международному праву. Традиционный взгляд на систему международного права, как состоящую из множества отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов, следует подправить. В системе выделены уже десятки отраслей, и их количество продолжает увеличиваться, что давно уже сделало неподъемным материал учебников международного права для юридических факультетов вузов. Пора ввести еще одну структурную единицу в систему международного права — понятие *суперотрасли*, или что-то подобное.

В таком случае система международного права будет представлена несколькими *суперотраслями*: военно-политической, экономической, социально-культурной; в качестве отдельных «суперотраслей» можно представить «международно-правовое регулирование различных пространств — морского, воздушного, космического и т. д., а также процессуальную суперотрасль».

Соответственно, и учебники международного права должны строиться с учетом этой системы: их главная задача — дать картину международно-правового регулирования в соответствующей сфере отношений, подверстывая необходимые отрасли в зависимости от профиля вуза и поставленных задач.

О понятии «проблема» применительно к международному правопорядку

Указав на целый ряд *проблем*, связанных с международным (экономическим) правопорядком, уместно и целесообразно уточнить, что именно нужно/можно считать *проблемой*; в каких случаях мы имеем дело с ней; каким образом проблемы решаются²⁸.

Существует множество определений и классификаций понятия *проблема*, в том числе под углом зрения различных ситуаций реальности, наук и областей познания. Конкретным *проблемам* международно-

²⁸ Романенко Ж.А. Феномен проблемы в научном познании: философско-методологический аспект: дис. канд. философ. наук. 2003. 166 с.

го права, международно-правового регулирования, международного правапорядка и связанным с ними посвящены бесчисленные труды²⁹.

Проблема — это противоречивое отношение между субъектом/субъектами и некоей реальностью, когда действительный правапорядок не совпадает с представлениями о нем, воспроизводится с отступлениями от норм международного права, международного экономического права. В самом широком смысле *проблемой* принято считать ситуацию, когда в предмете регулирования (в отношении) нет того, что необходимо, и, наоборот, присутствует что-то лишнее, то, что мешает.

Конкретизируют подобное понимание другие пояснения/определения: *проблема* — это противоречивая ситуация; противоположные позиции; непонятный вопрос; отсутствие видимого решения; задача, требующая разрешения; некая неопределенность; недостаток знания/понимания; препятствие и т. п.

Как всякое объективное *противоречие*³⁰, проблема свидетельствует о положительном или отрицательном потенциале развития отношений, системы — порядка, в конце концов. Примером такого противоречия служит интернационализация все более разрастающейся сферы отношений, все новых и новых нюансов, требующих совместного регулирования, и в то же время нехватка такого регулирования, недостаток нужных норм. Остро стоит эта проблема и в международных экономических отношениях, о чем говорилось выше. Проблема может разрастаться, развиваться, повторяться (*проблема «инвариантности проблем»*³¹). Примером инварианта *проблемы*, связанной с международным (экономическим) правапорядком, является «проблема обеспечения самого международного (экономического) право-

²⁹ Парамузова О.Г. К вопросу философского осмысления международного права в условиях современных реалий международных отношений // Материалы научной конференции «Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях». СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого. Политех-пресс. 2020. С. 140–151; Нурулин А.Р. Актуальные проблемы современного международного права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 20–22.

³⁰ Богданов В.В. Эвристический потенциал категории противоречия в социально-философском анализе // Философия права. 2009. № 2. С. 99–103.

³¹ Седова Н.В. Инвариантное мышление и топика в юриспруденции // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87. Ч. 1. С. 120–124.

порядка»³²: правопорядок меняется, а аналогичные *проблемы* остаются; скажем, *проблема* обеспечения международной законности.

Осознание проблемы, ее определенность — необходимые условия для ее решения. Выявление проблем — это путь к познанию; увидеть проблему и ее суть — значит осознать какой-то элемент реальности при необходимости смоделировать ее и двинуться в сторону осмысленного управления этой реальностью. Задача осложняется тем, что правопорядок существует как бы в трех ипостасях:

- а) правопорядок реальный как он есть;
- б) правопорядок «идеальный» — каким он должен быть, если бы все нормы и принципы МЭП соблюдались как положено, как предусмотрено в соответствующих источниках (то есть при соблюдении «международной законности»);
- в) правопорядок «эвентуальный» — такой, каким его хотели бы видеть соответствующие государства; при этом многие государства видят его совершенно по-разному (в ракурсе своего уровня международного правопонимания).

Государства (государственные аппараты), определяя методы регулирования международных отношений и управления правопорядком, видят правопорядок в этих трех измерениях.

Для целей настоящего коллективного исследования можно выделить, как минимум, три вида *проблем*, связанных с международным экономическим правопорядком:

- 1) проблемы, касающиеся организации такого порядка (*институциональной* его стороны);
- 2) проблемы, касающиеся его *нормативной* (надстроечной) стороны, главным образом системы международного экономического права;
- 3) проблемы, касающиеся научного, доктринального осмысления реалий — достаточности международно-правовой науки.

³² Абукарова М.У. Актуальные проблемы международного права в ракурсе современного международного правопорядка // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2. С. 17–18.

Детали эволюции международного (экономического) правопорядка с элементами прогноза

Выявление *проблем* международного (экономического) правопорядка, их формулирование, анализ, оценка уже сами по себе побуждают государства к действию — к решению выявленных проблем, к преодолению противоречий и взаимосвязанных препятствий. Это касается как текущих *проблем*, в том числе зависящих от конкретных обстоятельств, так и *проблем* «инвариантных» — возобновляемых на всех этапах развития международного правопорядка. Для решения многих *проблем* нужны соответствующие ресурсы и знания. И научные соображения юристов-международников с высоким уровнем профессионального правосознания являются хорошим ментальным подспорьем для практического решения целого ряда важнейших *проблем*.

Для выявления и понимания *проблемы* необходимо видеть не только *факты*, но и цепочки фактов, складывающиеся в *тенденции*, *закономерности*. А на основе последних путем научной экстраполяции в будущее можно в некотором смысле «предсказывать» это будущее — в этом и состоит прогнозная (прогностическая) функция науки³³. Краткий тезисный прогноз эволюции международного (экономического) правопорядка позволит юристам-международникам указать как на очевидные *проблемы*, так и на завуалированные *проблемы*, которые еще только могут обнаружиться.

Какие же черты, особенности, тенденции, закономерности международного (экономического) правопорядка можно увидеть или спрогнозировать сегодня, в условиях коренной трансформации мироустройства?³⁴ Вот некоторые соображения на этот счет.

1. На базе первичного разделения международной системы на «запад-незапад» будут юридически оформляться устойчивые «полюса» новой конфигурации сообщества государств. Произойдут кардинальные изменения в глобальной нормативной надстройке и в междуна-

³³ Хлестов О.Н. Прогнозы развития международного права в XXI веке // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 24–38.

³⁴ Теория и стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций (Ялтинского мира-2). В 2 т. / сост. и ред. Ю.В. Яковец, А.А. Акаев, С.Ю. Малков. М.: МИСК-ИНЭС, 2020.

родно-правовой системе. «Международное право Запада» будет дополняться, а местами и замещаться «международным правом Востока».

2. Соединительную роль между «полюсами» по-прежнему будут играть с *нормативной* стороны универсальные императивные принципы международного права; с *институциональной* стороны — ООН и некоторые другие международные организации (ВТО, МВФ, ЮНКТАД)³⁵. Вместе с тем акцент в управлении международно-правовым регулированием во многих секторах международных отношений, особенно в международных экономических отношениях, будет смещаться с универсального уровня в нормативно-надстроечную часть «полюсов». Необходимо на всех уровнях продвигать и закреплять в качестве основы международного правопорядка в новых условиях принцип мирного сосуществования государств.

3. В международной экономической системе, прежде всего в «полюсе/полюсах незапада», заметно расширится набор интернационализированных отношений, требующих международно-правового регулирования в приоритетном порядке. Это, в свою очередь, потребует новых международных договоров и создания новых международных организаций на региональном и межрегиональном уровнях. Ускорится переход к полноценным региональным зонам свободной торговли, свободным инвестиционным зонам, международным платежным и валютным союзам в рамках интеграционных объединений. Необходимо укрепить международно-правовыми нормами право государств на владение, добычу, переработку, использование полезных ископаемых, на их свободный экспорт и импорт на основе взаимной выгоды. А также на соответствующие формы национальной экономики без вмешательства других государств.

4. Одна из целей трансформации международного (экономического) правопорядка состоит в том, чтобы вернуть государствам полный суверенитет и суверенное равенство (равноправие)³⁶. Главной

³⁵ Абашидзе А.Х. Современные проблемы и парадоксы в межгосударственных отношениях и значение международного права в их решении // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 11.

³⁶ Тиунов О.И. Суверенное равенство государств системе основных принципов международного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 5–21; Дорская А.А. Принцип формального равенства в системе принципов права международных организаций // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 62–72.

проблемой международной системы остается проблема безопасности, а в экономической сфере — проблема *экономической* безопасности, поскольку процветает практика неограниченного международным правом применения экономической силы, использования неправомерных «санкций»³⁷ в качестве экономической агрессии и приемов нечестной конкуренции, методы одностороннего решения проблем, требующих на деле международно-правового регулирования.

5. В международном экономическом правопорядке, как ни в каком другом, заметна тесная взаимосвязь международного права и внутреннего права государств, сложилось неразрывное двуединство этих правовых систем, составляющее основу глобальной нормативной системы. В национальных правопорядках можно констатировать высокую степень унификации законодательства под воздействием глобализации и требований соответствующих международно-правовых норм. Трансформация международного правопорядка приведет к корректировке внутреннего права десятков государств. Такая корректировка затронет и экономическую функцию государств.

6. Новый импульс получает развитие «права экономической интеграции» (как элемент «права интеграции» в более широком смысле). Процесс глобализации примет форму межинтеграционных/межрегиональных связей. Международные интеграционные объединения на континентах являются экономической и организационной базой «полюсов», только теперь в дальнейшей эволюции региональных правопорядков усилится цивилизационный фактор.

7. Более осмысленным, дифференцированным и целенаправленным станет выбор государствами *методов* нормативного регулирования межгосударственных отношений и отношений международного характера. Такими *методами* служат в зависимости от ситуации следующие средства, механизмы, инструменты, нормативные блоки: международное право, внутреннее право, мягкое право, прочие неправовые нормы (например, международная мораль), наднациональное право, транснациональное право и т. п., либо их сочетание. При этом государства используют их на различных уровнях отношений: универсальном,

³⁷ Кехлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций. 2019. Т.14. № 3. С. 27–43.

региональном, многостороннем (групповом), двустороннем. Во многих сферах отношений, приобретающих интернационализированный характер, нормативное регулирование будет начинаться с мягкого права, которое прокладывает путь другим видам регулирования.

8. В нормативном регулировании отдельных секторов международного правопорядка, особенно в международных экономических отношениях, государствам все более жестко противостоят транснациональные корпорации (многонациональные предприятия) западных государств; большие области отношений международного характера (по сути, требующие международно-правового регулирования) находятся в сфере воздействия правил, создаваемых самими транснациональными корпорациями, то есть *транснационального права*. В многополюсном мире такое положение изменится: зоны действия *транснационального права* будут сужаться.

9. Глобальная нормативная система продолжит свое развитие как целостное явление, несмотря на усиливающуюся, в том числе на основе противостоящих ценностей, дифференциацию правопорядков. Объективная необходимость ведет так или иначе к образованию унифицированного социального пространства — «сообщества государств» («международного сообщества», состоящего из реального большинства по-настоящему суверенных государств, а не только западных). «Международное сообщество» в далекой перспективе будет приобретать элементы самостоятельной правосубъектности. Такие элементы уже просматриваются, например, в Уставе ООН, в наличии принципов *jus cogens* и норм *erga omnes*, международно-правовом институте «общего наследия человечества», в совместном согласованном решении «глобальных проблем современности». Человечество конституируется в качестве самостоятельного субъекта глобальной нормативной системы, а вся глобальная нормативная надстройка будет ставить, по крайней мере формально и в разном понимании, человека в центр правопорядков, несмотря на имеющуюся тенденцию усиления контроля государств за личностью.

10. Перестройка институционально-организационной стороны международного экономического правопорядка затронет среди прочего изменение статуса многих государств и групп государств, прежде всего в среде развивающихся стран. Новые государства примкнут к «мягким

организациям» (параорганизациям) типа БРИКС, будут созданы новые параорганизации. Возрастет число неправительственных организаций международного характера, а также качество сотрудничества с ними со стороны государств и межгосударственных организаций.

11. Требуется укрепление режима международно-правовой законности, разработка процессуальной части международного права, дополнительные меры по привитию и развитию международного правосознания, включая специальные международные конференции. Вестернизация международного правосознания прекращается. Необходимо разворачивать во многих сферах отношений между государствами системы международного контроля в качестве гарантий соблюдения законности³⁸; интенсифицировать процессы кодификации и прогрессивного развития международного права. Только такие меры могут повысить эффективность международно-правового регулирования³⁹. Происходящие в международной системе изменения можно квалифицировать как «коренное изменение обстоятельств» (*rebus sic stantibus*), однако, согласно известной норме (ст. 62) Конвенции ООН о праве международных договоров, государства должны соизмерять свои действия с этой нормой и исключениями из нее.

12. Россия продолжит формирование своего «полюса» в новом мироустройстве, используя потенциал ЕАЭС, СНГ, связи с Китаем, Индией, развивающимися государствами разных континентов, государствами-членами ШОС, БРИКС, «Большой двадцатки»; двигаясь в сторону «Большого евразийского партнерства», и другие средства. Обеспечение мирной трансформации международного правопорядка на деле должно стать одной из главных функций Российского государства⁴⁰. В связи с этим разработки юристов-международников, касающиеся перехода к новому — многополярному — мироустройству, могут быть полезны нашей стране.

³⁸ Фастов А.Г., Нистратов С.Г. Международный контроль как гарантия соблюдения законности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. С. 1–8.

³⁹ Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. Казань: Издательство Казанского университета, 1999. 375 с.

⁴⁰ Терехин Д.В. Охрана международного правопорядка как функция современного Российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006.

Глава 2

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВООПОРЯДКА

А.С. Смбалян

В настоящее время остро стоит вопрос о том, каким будет будущее многосторонней торговой системы и международной торговли в целом. Удастся ли обуздать протекционизм, который стал обретать все более и более изощренные и агрессивные формы? Примечательно, что высокие импортные тарифы применяются сейчас редко; протекционизм искусно «вшит» в климатическую повестку и призывы к гендерному равенству. Границы между правом и этикой намеренно стираются. Это создает угрозу расшатывания основ международного торгового правопорядка. От выбранного вектора развития зависит многое. Произойдет либо откат в средневековые (это, к сожалению, не преувеличение), или все же удастся подняться на более высокий, нежели существующий, уровень правовой дисциплины и предсказуемости развития международных торговых отношений в интересах всех государств.

РНБ: от торгово-политического принципа до мерила всеобщего равноправия

Международная торговля — источник доходов и одно из условий благополучия людей. Обеспеченность продовольствием, энергией, промышленными и другими товарами не роскошь, но необходимость. Между торговлей и политикой существуют тесные взаимосвязи. Именно с этим в том числе связан тот факт, что режим наибольшего благоприятствования (далее — РНБ) исторически появился как торгово-политический принцип. Для закрепления условий торговли с давних времен заключались международные соглашения: «Соглашения (международные торговые договоры) появились уже с самых ранних времен. Мы их находим в отдельных государствах Древней Греции, нам известны договоры между Римом и Карфагеном; договоры Карла Великого; северо-итальянские города с XIII столетия вступают в мно-

гочисленные соглашения, предоставляющие частью взаимно, частью одной лишь стороне право торговли с другими итальянскими и неитальянскими городами и со странами Востока; ганзейцы путем договоров выговаривали себе значительные привилегии в Англии, Фландрии, Брабанте, Скандинавских государствах, Новгороде, северо-западной Руси...»⁴¹. Указанные договоры по своей юридической природе были политико-торговыми. Договоры, всецело касающиеся торговли, появились гораздо позже. На протяжении веков постепенно выкристаллизовывались принципы наибольшего благоприятствования и взаимности, ставшие впоследствии столпами системы международных торговых отношений⁴². Изначально при договорном закреплении РНБ его действие не охватывало будущие привилегии и льготы. Впоследствии другие государства могли заключать аналогичные договоры, содержащие большие привилегии, которые не распространялись на участников предыдущих торговых договоров. Прорыв произошел в 1667 г., когда был подписан испано-нидерландский торговый договор со следующей формулировкой: «Подданные обоих государств должны пользоваться теми же преимуществами, которые предоставлены в настоящем или были бы предоставлены в будущем Христианнейшему [Французскому] королю, ганзейским городам или любому другому королевству или государству в такой же широкой, полной и полезной мере, как если бы они были специально установлены или включены в настоящий трактат»⁴³. Европейские страны постепенно стали включать в свои торговые договоры безусловный РНБ, не обуславливая его предоставление какими-либо условиями. Позиция США была иной: практически во всех торговых договорах США содержалось условие о том, что предоставляемые РНБ преимущества должны носить эквивалентный характер, так называемое «условное наибольшее благоприятствование»⁴⁴.

⁴¹ Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929. С. 322.

⁴² См.: Смбалян А.С. Правовой анализ некоторых актуальных вопросов международных торговых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. — Дип. академия МИД России, Москва, 2001. 181 с.

⁴³ Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. Л.: Прибой, 1929. С. 435.

⁴⁴ Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929. С. 430.

Начало XIX в. было ознаменовано наполеоновскими войнами. Развитие внутриконтинентальной торговли в Европе пришло в упадок. Попытки, направленные на взаимное снижение торговых барьеров, не приносили ожидаемого результата. «Торговые договоры потеряли свое бывшее значение, стали невостребованными и недостижимыми, и любое усилие, направленное на заключение торгового договора, было обречено на провал как абсолютно непродуктивное»⁴⁵. Ситуация стала постепенно улучшаться лишь с 40-х гг. XIX в. Толчком, побудившим европейские государства к заключению торговых договоров, стал англо-французский торговый договор 1860 г. О влиянии этого договора на развитие торговых отношений в Европе восторженно отзывался И.М. Кулишер: «Эта система равноправия всех государств, система всеобщности, равенства тарифов для всех и каждого находилась в тесной связи с идеями свободной торговли, универсальным характером фритредерской политики. Наибольшее благоприятствование облегчало борьбу с протекционизмом, закрепляло результаты, достигнутые в этой области. Каждая уступка пробивала брешь в таможенных тарифах, а наибольшее благоприятствование распространяло ее на все другие страны. Так постепенно при помощи уступок и наибольшего благоприятствования срывались те укрепления, которыми успели замкнуться европейские государства в предыдущую эпоху»⁴⁶. В конце XIX века благодаря большому количеству двусторонних договоров, содержащих РНБ, произошло значительное снижение тарифных барьеров.

Тенденция либерализации международной торговли была прервана в 1914 г. С началом Первой мировой войны РНБ был вытеснен протекционизмом и дискриминацией. В 1927 г. под эгидой Лиги Наций в Женеве была проведена Всемирная экономическая конференция⁴⁷, однако результатов не принесла. Наступление Великой депрессии еще больше потрясло основы мировой экономики. Финансовый кризис и безработица свели на нет усилия в области снижения тарифов и иных торговых

⁴⁵ New Dimension in Regional Integration. Ed. By Jaime de Melo and Arvind Panagariya. 1993. P. 94.

⁴⁶ Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929. С. 453.

⁴⁷ Continental Trading Blocks, The Growth of Regionalism in the World Economy. Ed. By Richard Gibb, Wiesław Michalak. New York, London etc. 1994. P. 3.

барьеров. Протекционизм и нежелание государств идти на компромиссы привели к изоляционизму. Под эгидой Лиги Наций предпринимались безуспешные попытки по либерализации торговли и восстановлению РНБ. Однако страны, применявшие высокие тарифы, отказывались идти на уступки на безвозмездной основе, в результате чего протекционизм достиг невиданных масштабов. Этот период истории можно смело назвать периодом экономического национализма. Стало понятно, что потенциал двусторонних инструментов регулирования торговли исчерпан.

В октябре 1943 г. представители США и Великобритании провели в Вашингтоне неформальные переговоры с целью обмена мнениями относительно построения поствоенного экономического порядка. По оценкам экспертов, «результат встречи был потрясающим»⁴⁸. Удалось достичь понимания относительно институциональной структуры будущего многостороннего регулирования, снижения тарифов, отмены количественных ограничений, государственной торговли и иных вопросов. Результатом этих усилий стало Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 года (далее — ГАТТ) — первый в истории многосторонний торговый договор. Документ был подписан 30 октября 1947 г. и вступил в силу 1 января 1948 г. ГАТТ заложило основы многосторонней торговой системы. Профессор В.М. Шумилов отмечает: «Важная особенность ГАТТ, заложенная в его конструкцию, состоит в чрезвычайной гибкости его положений, возможности саморазвития этой правовой системы, совершенствования правовой и организационной инфраструктуры ГАТТ в соответствии с меняющимися условиями МТ»⁴⁹. Основными принципами ГАТТ стали необусловленный РНБ и принцип национального режима. РНБ был включен в первую статью ГАТТ, что является подтверждением фундаментальной значимости этого принципа. РНБ в статье I ГАТТ звучит так: «...любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет... должны немедленно и безусловно предоставляться аналогичному товару, происходящему из или предназначенному для территорий всех других дого-

⁴⁸ Hudec R. The GATT Legal System and World Trade Diplomacy. N.Y., Wash., London. 1975. P. 8.

⁴⁹ Шумилов В.М. Международное экономическое право. М., 1999. С. 272.

варивающихся сторон». Произошла, буквально, революция — впервые в истории РНБ не только был закреплен в многостороннем торговом соглашении, но носил необусловленный характер. В тексте ГАТТ этот принцип получил наивысшее воплощение, стал подлинным олицетворением равноправия государств. После учреждения Всемирной торговой организации (далее — ВТО) ГАТТ в неизменном виде было перенесено в систему ВТО и стало интеллектуальной основой этой международной организации.

Всемирная торговая организация: долгожданное дитя и несбыточные ожидания

Марракешское соглашение об учреждении ВТО было подписано 15 апреля 1994 г. и вступило в силу 1 января 1995 г. Создание ВТО стало прорывом: впервые в истории появилась не только полноценная институциональная основа многосторонней торговой системы, но и не имеющий аналогов нормативный свод общеобязательных правил, обеспечиваемых процедурами разрешения споров. Правила ВТО распространяются на международную торговлю сырьевыми, промышленными и сельскохозяйственными товарами, торговлю услугами, санитарные и фитосанитарные меры, технические барьеры в торговле и любые иные меры нетарифного характера, антидемпинговые, компенсационные, специальные защитные меры, охрану интеллектуальной собственности, защиту инвестиций, правила происхождения, лицензирование, субсидирование и многие другие области внешне-торгового и, что самое главное, внутреннего регулирования. Правовые инструменты и механизмы ВТО направлены на обеспечение применения многосторонних торговых соглашений посредством правил нотификации, регулярных обзоров торговой политики, постоянной работы советов, комитетов и иных рабочих органов; торговых переговоров, правил и процедур разрешения споров.

После учреждения ВТО имел место целый ряд встреч Министерской конференции. Первые встречи (в 1996 г. Сингапуре и в 1999 г. в Сиэтле⁵⁰) были сорваны уличными протестами антиглобалистов. Причи-

⁵⁰ Между ними состоялась встреча в Женеве в 1998 г.

ной послужили предложения США и их союзников включить в охват правил ВТО так называемые социальную и экологическую оговорку. Реализация этих предложений дала бы возможность расширить основания ограничения импорта по причине несоблюдения соответствующими странами социально-трудовых и экологических стандартов. Протекционистская подоплека этих предложений видна невооруженным взглядом. Примечательно, что некоторые уважаемые международные организации всячески пытаются проталкивать подобные идеи под вполне благовидными предлогами. Так, в материалах ЮНКТАД отмечается: «Важно содействовать включению в торговые соглашения положений о труде, чтобы учесть тот факт, что, как в развитых, так и в развивающихся странах, работники, включая такие группы трудящихся, как женщины и молодежь, зачастую не получают справедливой доли выгод от участия в глобальной торговле. Включение таких положений часто соотносится с сокращением числа нарушений трудовых прав»⁵¹. В материалах ЮНКТАД умалчивается об инструментах давления на развивающиеся и наименее развитые страны и принуждение для «обеспечения» этих самых трудовых прав.

Следующая встреча Министерской конференции была намечена на ноябрь 2001 г. в Дохе (Катар). За два месяца до этого события, 11 сентября 2001 г., террористы захватили американские пассажирские лайнеры и протаранили на них два небоскреба в Нью-Йорке. Погибли три тысячи человек. На фоне этого контекста представлялось важным не сорвать встречу в Дохе, продемонстрировать международную солидарность и прочность общих основ. Этот позыв оказал решающее влияние на итоги встречи Министерской конференции: была не только одобрена беспрецедентная по своей амбициозности повестка переговоров, но и инициирован Дохийский раунд многосторонних торговых переговоров⁵². Раунд получил название «Раунд развития». Видимо, для того чтобы «умаслится» развивающиеся и наименее развитые

⁵¹ Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Торговая политика и ее воздействие на неравенство. Записка секретариата ЮНКТАД. Совет по торговле и развитию Шестидесят шестая сессия. Женева, 24–28 июня 2019 года. С. 5. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdb66_d4_ru.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

⁵² Ministerial Declaration adopted on 14 November 2001. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/ddec_e.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

страны, создать видимость того, что развитые страны в этот раз действительно готовы к равноправному диалогу и учету интересов беднейших стран. Дохийская повестка включала такие вопросы, как: правила в области торговли продукцией сельского хозяйства; переговоры по торговле услугами с целью содействия экономическому росту развивающихся и наименее развитых стран; обеспечение доступа на рынок для промышленных товаров; вопросы на стыке торговли, с одной стороны, и инвестиций, конкуренции и экологии — с другой; обеспечение прозрачности государственных закупок; выработка правил в области электронной торговли и международного трансфера технологий; разработка комплекса мер по облегчению экономической адаптации наименее развитых стран; переосмысление специального и дифференцированного режима; выработка правил по упрощению процедур торговли и многие другие вопросы. За прошедшие с тех пор более 20 лет повестка Раунда развития так и осталась на уровне многообещающих бумажных формулировок. После 2001 г. имели место встречи в 2003 г. Канкуне (Мексика), в 2005 г. в Гонконге, в 2009 и 2011 гг. в Женеве (Швейцария), в 2013 г. на Бали (Индонезия), в 2015 г. в Найроби (Кения), в 2017 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина). В качестве действительно значимых за все эти годы итогов можно выделить только Соглашение об упрощении процедур торговли (Trade Facilitation Agreement)⁵³. Относительно прогресса по реализации повестки Раунда развития не осталось никаких иллюзий. Переговорный кризис усугубляет спровоцированный США кризис системы разрешения споров ВТО ввиду нефункционирующего с декабря 2019 г. апелляционного органа. Формально США недовольны деятельностью арбитров (часть предъявляемых претензий имеет основания)⁵⁴. Реальная же причина — сильные позиции Китая в спорах с США. Заблокировав деятельность апелляционного органа, США тем не менее, на все проигрываемые ими решения подают апелляцию «в пустоту» (in void), нанося тем самым еще больший урон системе разрешения споров ВТО.

⁵³ Принято по результатам встречи Министерской конференции на Бали в 2013 г.

⁵⁴ См.: Report on the Appellate Body of the World Trade Organization. Office of the United States Trade Representative Ambassador Robert E. Lighthizer. February 2020. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Report_on_the_Appellate_Body_of_the_World_Trade_Organization.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

Двенадцатая Министерская конференция ВТО состоялась в Женеве 12–17 июня 2022 г. По итогам был принят пакет документов, в том числе по таким важнейшим системным вопросам, как запуск реформы ВТО и начало консультаций по восстановлению системы разрешения споров. В контексте реформы ВТО в итоговом документе говорится: «Мы признаем необходимость использовать имеющиеся возможности, решать стоящие перед ВТО проблемы и обеспечивать надлежащее функционирование ВТО. Мы обязуемся работать над необходимой реформой ВТО. Подтверждая основополагающие принципы ВТО, нам видятся необходимыми реформы для улучшения всех ее функций. Работа должна осуществляться по инициативе членов, быть открытой, прозрачной, инклюзивной и должна учитывать интересы всех членов, включая вопросы развития. Генеральный совет и его вспомогательные органы проведут работу, проанализируют прогресс и при необходимости рассмотрят решения, которые будут представлены на следующей Министерской конференции»⁵⁵. Переговорная повестка по направлению реформы ВТО пока не согласована. Палитру идей для будущей реформы проиллюстрировал Общественный форум ВТО.

Общественный форум ВТО – кузница идей для развала организации

В сентябре 2022 г. в Женеве состоялся Общественный форум ВТО. Тема форума «На пути к устойчивому и инклюзивному восстановлению: стремление к действию»⁵⁶. Форум ВТО является платформой для глав государств, парламентариев, межправительственных и неправительственных организаций, экспертов, бизнесменов, представителей академических кругов для обсуждения широкого круга вопросов ВТО и международной торговли в целом. На протяжении 144 сессий, некоторые из которых транслировались в реальном времени, обсуждался впечатляющий спектр вопросов. Многие из них, по мнению участников форума, должны быть тем или иным образом интегрированы в систе-

⁵⁵ MC 12 Outcome Document adopted in 17 June. Ministerial Conference Twelfth Session Geneva, 12–15 June 2022, WT/MIN(22)/24.

⁵⁶ Public Forum 2022 “Towards a sustainable and inclusive recovery: ambition to action”. URL: https://www.wto.org/english/forums_e/public_forum22_e/pf_programme22_e.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

му ВТО. Среди них: (1) вовлечение бизнес-сообщества, включая микро, малые и средние предприятия (ММСП), в переговорные процессы ВТО; (2) упрощение процедур лицензирования и увеличение количества цифровых торговых площадок для ММСП; (3) обеспечение свободной торговли продовольственными товарами с развивающимися странами; (4) предоставление технической и финансовой помощи развивающимся странам; (5) идентификация вредных для окружающей среды субсидий и установление пороговых значений выделения субсидий, по аналогии с сельским хозяйством; (6) внедрение практики предоставления контрнотификаций в сфере зеленого субсидирования; (7) сокращение цифрового разрыва между развитыми и развивающимися странами; (8) выравнивание условий участия в электронной торговле и оказание поддержки тем, у кого нет доступа к цифровым технологиям; (9) разработка правил регулирования электронной торговли; (10) поиск решений обеспечения доступа к технологиям, особенно в интересах развивающихся стран; (11) активизация переговоров по либерализации торговли экологическими товарами и услугами; (12) обеспечение вклада технических регламентов и стандартов в достижение устойчивого развития; (13) разработка согласованного подхода по вопросу утечки углерода; (14) выработка общих подходов по идентификации скрытых торговых потоков пластмасс («встроенных» пластмасс); (15) отказ от торговли вредными пластиками; (16) снижение нетарифных барьеров для товаров и услуг, необходимых для производства альтернатив пластику; (17) проведение переговоров по либерализации торговли услугами по переработке пластика; (18) разработка торговых мер, стимулирующих сохранение и восстановление биоразнообразия (отмена тарифов и нетарифных мер на «зеленые» товары, упрощение стандартов и экологической маркировки и пр.); (19) повышение роли ВТО в мобилизации ресурсов и обеспечении выполнимости климатических обещаний и многие другие вопросы.

Что мы видим? Прикрываясь красивыми лозунгами и призывами, развитые страны втягивают развивающиеся и наименее развитые страны во враждебный им дискурс. Защита окружающей среды, спасение планеты от пластика, повышение доступа наименее развитых стран к Интернету, обеспечение продовольственной безопасности — эти во-

просы, несомненно, важны. В действительности все эти предложения направлены на то, чтобы сохранить позиции собственных экономик, получить дополнительные возможности для применения протекционистских мер в отношении конкурентоспособного импорта, притормозить промышленное развитие других стран. В этой связи к этим и подобным им «красивым» идеям следует относиться с большой осторожностью. Особенно это касается климатической и так называемой гендерной повестки.

Климатическая и гендерная повестка — изохренные формы колониализма?

В декабре 2022 г. на площадке ВТО состоялся первый в истории этой международной организации конгресс по так называемым гендерным вопросам⁵⁷. Мероприятие было посвящено содействию участия женщин в мировой торговле. Цель — обеспечение гендерного равенства в глобальной экономике (пока речь идет о равенстве прав мужчин и женщин). По итогам дискуссий и эмоциональных призывов к срочной защите прав женщин ясно, что «гендер» становится неотъемлемой частью международной торговой повестки, причем на всех уровнях — двустороннем, региональном и многостороннем. На практике это означает, что уже в самое ближайшее время торговые партнеры будут выбираться в том числе по критерию приверженности идеалам «гендерного равенства» (в прочтении стран Запада), а в торговые соглашения будут внедряться «прогрессивные» положения по защите прав женщин (пока только женщин). Нет никаких сомнений, что этот тренд уже через пару лет станет новым видом протекционизма и навязывания отдельными странами собственных ценностей и правил. Понятно, что острое этого инструмента направлено против развивающихся и наименее развитых стран. Произойдет то, что мы уже наблюдаем в отношении так называемой зеленой повестки, когда под предлогом сохранения климата и спасения планеты группа стран (прежде всего — ЕС и США) навязывают мировому большинству изобретенные ими в одностороннем порядке методологии, системы расчетов, псев-

⁵⁷ World Trade Congress on Gender (5–7 December 2022). URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/womenandtrade_e/women_05122022_e/women_05122022_e.htm (дата обращения: 10.03.2023).

донаучные сентенции и разработанные собственными корпорациями технологии, которым по вполне понятным причинам необходим сбыт. Ярким примером такой политики является «Зеленая сделка» ЕС («The European Green Deal»), которая описывается Комиссией ЕС как «новая стратегия роста, направленная на преобразование ЕС в современную, ресурсоэффективную и конкурентоспособную экономику, в которой не будет чистых выбросов парниковых газов (выбросы за вычетом абсорбции) в 2050 г. и где экономический рост не связан с использованием ресурсов»⁵⁸. Цель — климатически устойчивое развитие экономики ЕС посредством перехода к климатической нейтральности⁵⁹ к 2050 г. Где же подвох? Элементом «Зеленой сделки» является механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ)⁶⁰. Его цель — предотвращение утечки углерода и сокращение глобальных выбросов для достижения целей Парижского соглашения. Каким образом планируется ее достичь? Традиционно — предусмотрен многоступенчатый и весьма дорогостоящий административно-финансовый механизм, который тяжким бременем ляжет на плечи иностранных производителей и экспортеров. ЕС соглашается с тем, что реализация СВАМ приведет к повышению административной нагрузки на экономических операторов, увеличению административного бремени, дополнительным проверкам, контролю и аудиту, в том числе в третьих странах. ЕС также допускает, что механизм СВАМ прямо либо косвенно «может оказать влияние на цепочки поставок и что СВАМ «приведет к удорожанию импорта углеродоемких товаров»⁶¹. Но решение принято. Вопреки правилам Парижского соглашения по климату 2015 г., предусматривающего в том числе принцип общей, но дифференцированной ответ-

⁵⁸ European Commission, Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism, 4 March 2020, p. 2, Section C (Likely economic impacts). Проект регламента СВАМ, Преамбула, первый абзац.

⁵⁹ Климатическая нейтральность (углеродная нейтральность, нулевая эмиссия углерода, нулевые углеродные выбросы) — устранение вредного воздействия выбросов углерода.

⁵⁹ European Commission, Communication from the Commission, The European Green Deal, COM(2019) 640 final, 11.12.2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN#footnote9>. (дата обращения: 10.03.2023).

⁶⁰ European Commission, Communication from the Commission, The European Green Deal, COM(2019) 640 final, 11.12.2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN#footnote9>. (дата обращения: 10.03.2023).

⁶¹ European Commission, Inception Impact Assessment, Carbon border adjustment mechanism, 4 March 2020, p. 3, Section C (Likely impacts on simplification and/or administrative burden).

ственности и других многосторонних международных документов, ЕС позиционирует себя в качестве мирового арбитра в вопросах амбициозности и достаточности усилий других стран в вопросе внесения вклада в борьбу с изменением климата. Способы этой борьбы хорошо известны — незаконные торговые ограничения в отношении импорта.

Торговать и инвестировать дозволено только «единомышленникам»

Реальные намерения и чаяния крупнейших экономик Запада хорошо видны на примерах, иллюстрирующих подлинную готовность к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству с остальным миром.

Как известно, США сейчас не проводят торговых переговоров в смысле обсуждения допуска на свой рынок. США предпочитают создавать «новаторские» механизмы и прецеденты в области торгово-экономического сотрудничества. В октябре 2021 г. США и ЕС договорились⁶² начать переговоры о глобальном соглашении с целью решения проблемы углеродоемкости стали и избыточных производственных мощностей, а также приостановления споров в Органе по разрешению споров ВТО. Как ожидается, соглашение между ЕС и США станет «первым в мире углеродным секторальным соглашением по торговле сталью и алюминием»⁶³. Соглашение будет открыто для всех заинтересованных стран, разделяющих взгляды США и ЕС на рыночные принципы и сокращающих торговлю неэкологичной сталью и алюминием. Обращает на себя внимание совместный план действий США и ЕС в заявленном направлении: (1) ограничить доступ на свои рынки для стран, которые не соответствуют рыночным принципам; (2) ограничить доступ на рынок для стран, производство стали и алюминия которых не соответствуют стандартам низкой углеродоемкости; (3) обеспечить соответствие внутренней политики целям соглашения и поощрять снижение углеродоемкости производства; (3) проверять

⁶² EU-US Trade Relations on steel and aluminium EU-US Joint Statement (europa.eu) (дата обращения: 10.03.2023).

⁶³ FACT SHEET: The United States and European Union To Negotiate World's First Carbon-Based Sectoral Arrangement on Steel and Aluminum Trade / The White House (October 31, 2021) (дата обращения: 10.03.2023).

входящие инвестиции от «нерыночных участников» в соответствии с внутренними правовыми рамками. Иными словами, план действий включает вполне понятный набор инструментов по отсечению с рынка неугодных поставщиков стали и алюминия. Как сейчас принято говорить, *not like-minded countries*. В фактическом плане происходит преднамеренный откат к обусловленному РНБ и ренессанс двусторонних инструментов регулирования торговли. Приведем следующий пример. В августе 2022 г. Президент США подписал так называемый «CHIPS and Science Act»⁶⁴, предусматривающий выделение порядка 280 млрд долларов США на поддержку исследовательских и образовательных программ, из которых 52,7 млрд — гранты и налоговые льготы на развитие производственной инфраструктуры полупроводников на территории США. Претенденты на получение указанного финансирования обязаны заключить с Министерством торговли США особое соглашение. И здесь начинается самое интересное: соглашение будет содержать запрет на участие такой компании-бенефициара в любой «значительной сделке», способствующей «существенному расширению производства полупроводников» в закрытом перечне стран, где указаны: Иран, Китай, Россия, Северная Корея⁶⁵. Таковы они, идеалы свободной торговли? Еще пример. В начале октября 2022 г. Министерство торговли США объявило о радикальных правилах, направленных на то, чтобы лишить Китай возможностей получения или производства ключевых чипов и компонентов американского происхождения (прежде всего полупроводников) для суперкомпьютеров⁶⁶. Предусмотрено, в частности, что компании должны подать заявку на получение лицензии, если они хотят продать передовые вычислительные полупроводники или связанное с ними производственное оборудование в Китай. Это самые масштабные меры экспортного контроля за последние 10 лет, свидетельствующие о стремлении США установить контроль над пе-

⁶⁴ View The Chips Legislation. U.S. Senate. URL: <https://www.commerce.senate.gov/2022/7/view-the-chips-legislation> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶⁵ Chipping Away at Trade: New Tool Could Bring Big Changes. JD Supra. URL: // <https://www.jdsupra.com/legalnews/chipping-away-at-trade-new-tool-could-5628881/> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶⁶ America's 'once unthinkable' chip export restrictions will hobble China's semiconductor ambitions. — URL: <https://www.cnbc.com/2022/10/12/us-chip-export-restrictions-could-hobble-chinas-semiconductor-goals.html> (дата обращения: 10.03.2023).

редовыми вычислительными и полупроводниковыми технологиями. Налицо попытка технологической блокады.

Мы не утверждаем, по крайней мере пока, что рассмотренные выше примеры перерастут во всеобщую практику. Но факт в том, что на фоне жестких, политически окрашенных регуляторных установок, диктующих, с какими странами и на каких условиях можно торговать, а с какими — нет, перспективы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, подобно шагреновой коже, необратимо сжимаются.

Заключение

На всех этапах истории государства были движимы национальными интересами. Лейтмотивом принимаемых решений всегда было и будет укрепление собственных позиций. Реальность такова, что торговля тесно связана с политикой, как бы нам ни хотелось иного. Эволюция РНБ является ярким тому подтверждением. Появившись как политико-торговый принцип, обуславливающий преимущества получением взаимных уступок, РНБ в Статье I ГАТТ стал воплощением идеалов свободной торговли. Однако в конце первой четверти XXI века мы наблюдаем откат в далекое прошлое. Политика крупнейших экономик Запада свидетельствует о том, что даже право торговли и инвестирования постепенно становится привилегией; это право, оказывается, нужно заслужить, попасть в категорию *like-minded countries*. Насколько распространенной станет такая практика, покажет время. Все это происходит в условиях ослабления многосторонней торговой системы. Трудности, с которыми сегодня сталкивается ВТО, примерно те же, что надломили ГАТТ в начале 80-х годов прошлого столетия: массовое игнорирование обязательств, отставание нормативных правил от реального уровня развития торгово-экономических отношений, пробуксовка принятия решений, кризис системы разрешения споров, экономическое давление и односторонние ограничения торговли. На фоне всего этого развитые страны проталкивают в повестку ВТО фантастические идеи «сохранения и восстановления биоразнообразия» и гендерного равенства. Подобные предложения вызывают недоумение. Постановка перед ВТО недостижимых целей — лозунги инклюзивной торговли, за-

щиты окружающей среды, сокращения цифрового разрыва и пр. — направлена на то, чтобы усыпить бдительность мирового большинства, сформировать утопические ожидания, которым никогда не суждено сбыться. На наших глазах международное право в целом и международное торговое право превращаются в моральную утопию. Лозунги о защите все новых ценностей в интересах отдельных групп, смешение права и этики, отказ от формализма, обход согласованных процедур, попытки посредством интерпретационных технологий вписывать в правила отсутствующие в них положения — все это не только наносит урон авторитету международного права, но разрушает его нормативность⁶⁷. Правила перестают быть правилами. Если в этом процессе точка невозврата будет пройдена, то, как показывает исторический опыт и русская классика, есть риск оказаться у разбитого корыта.

В этих непростых условиях Российской Федерации предстоит взять на себя лидерство, предложить миру новую идеологию, форматы и международно-правовые инструменты торгово-экономического сотрудничества, основанные на справедливости и подлинном равноправии. Нет никаких сомнений, что эта сложная задача будет решена и весьма успешно.

⁶⁷ Смбатьян А.С. Международное право не должно превращаться в моральную утопию // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152).

Глава 3

КРИПТА, КЛИМАТ, НАЛОГИ И ПРОЧЕЕ — О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ПРАВООПОРЯДКА

И.М. Лифшиц

Введение

Развитие права почти всегда следует за развитием общественных отношений и, соответственно, право почти всегда отстает, запаздывает: сначала возникают отношения, и лишь потом «подтягивается» их регулирование. Срок такой задержки может быть очень кратким, а может быть и весьма продолжительным, более того — в достаточно большом количестве случаев отношения могут оставаться неурегулированными десятки и сотни лет. Такое «запаздывание» особенно характерно для международного права, поскольку здесь для принятия решения о регулировании тех или иных отношений недостаточно воли одного государства⁶⁸.

Решение о необходимости регулирования тех или иных отношений зависит от целого ряда факторов: от степени развитости самих отношений, их влияния на общественную жизнь, необходимости достижения определенных целей государственной политики, уровня развития науки, «созревания» общественного сознания и пр. Последний фактор в значительной степени определяется текущим пониманием в обществе соотношения ценностей, их баланса. Так, например, ставший уже, кажется, международным стандартом запрет курения в общественных местах был бы невозможен всего двадцать-тридцать лет назад, и лишь к началу нынешнего века общество «созрело» к тому, чтобы ограничить права курильщиков публичным запретом.

⁶⁸ Шумилов В.М. Международное право: учебник / В.М. Шумилов. — Москва: Юстиция, 2020. С. 44. ISBN 978-5-4365-3342-1. URL:<https://book.ru/book/932084> (дата обращения: 15.02.2023); Malcolm N. Shaw. International Law. Eighth Edition. 2017. Cambridge University Press. P. 8; Attila M. Tanzi. A concise Introduction to International Law. Eleven international publishing. 2019. P. 11. Klabbers J. International Law. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 43.

Особенно интересно следить за формированием правового регулирования в целом и международно-правового регулирования, в частности, в финансовой сфере, поскольку финансы, проникая во все области человеческой жизни, нередко ставят перед обществом сложные вопросы баланса ценностей, необходимости государственного регулирования, то есть публичного вмешательства в повседневные отношения людей. Нередко новое понимание современного подхода к регулированию, зарождаясь на уровне гражданского общества и национальных систем права, провозглашается на международном уровне и становится направлением, трендом развития международно-правовой системы. Так, в 2007 г. на антикризисном саммите Группы-20 в Лондоне был объявлен конец эры банковской тайны⁶⁹, что привело к созданию новых международно-правовых форматов обмена налоговой информацией⁷⁰. В итоге ценность банковской тайны, казавшейся ранее незыблемой основой финансовых операций, была решительно «отвергнута» и уступила в шкале ценностей соображениям финансовой стабильности и фискальным интересам государства. Обозначим в данной статье некоторые современные проблемы международного финансового права (первый раздел), а потом постараемся показать, как такие проблемы решаются на нормативном (второй раздел статьи) и институциональном (третий раздел статьи) уровне. В заключении подведем итоги.

⁶⁹ Например, одним из решительных заявлений государств, участвовавших в лондонском саммите «Группы-20» в 2009 г., была декларация об окончании «эры банковской тайны»: London Summit — Leaders' Statement 2 April 2009. Para. 15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/2009-1/communique.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

⁷⁰ Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией См. официальный сайт ОЭСР: <https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf> Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене страновыми отчетами См. официальный сайт ОЭСР <https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/about-automatic-exchange/cbc-mcaa.pdf>. Подписание данных соглашений предусмотрено Многосторонней конвенцией ОЭСР о взаимной административной помощи по налоговым делам. См. официальный сайт ОЭСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/convention-on-mutual-administrative-assistance-in-tax-matters.htm> (дата обращения: 15.02.2023).

1. Современные проблемы международного финансового права

Два первых десятилетия нынешнего века характеризуется несколькими важными изменениями в подходах к регулированию финансовых отношений. *Во-первых*, следует назвать значительное расширение правового регулирования финансовых рынков по итогам финансовых кризисов первого десятилетия XXI века. Глобальная встряска мировой финансовой системы по итогам краха цифровых компаний, громких банкротств американской компании Enron и итальянской Parmalat из-за злоупотреблений менеджеров и, наконец, глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг. привели к окончательному отказу от модели саморегулируемого финансового рынка. Более того, стало очевидно, что эффективное государственное регулирование рынков капитала является залогом финансовой стабильности не только в отдельной стране, но и во всем мире.

Во-вторых, именно в рассматриваемый период была создана система международного обмена финансовой информацией в целях противодействия оптимизации налогообложения. Банковские операции стали прозрачными для финансовых регуляторов. *В-третьих*, с начала нынешнего века в повседневную практику вошел публичный контроль за финансовыми операциями в целях противодействия отмыванию доходов. Банкам и другим частным организациям были фактически делегированы государственные функции по осуществлению контроля за финансовыми операциями на рынке. Данный инструментарий стал широко использоваться в санкционной политике.

В-четвертых, изменился подход к налогообложению транснациональных компаний: в 2013 г. был запущен международный проект по противодействию обхода налоговых законов для сокращения налоговой базы⁷¹. В процессе реализации этого проекта уже в 2021 г. в рамках рабочей группы под эгидой ОЭСР было объявлено о реформе международного налогообложения, предусматривающей включение в налоговую базу многонациональных предприятий дохода от реализации услуг в определенной юрисдикции независимо от фактического

⁷¹ См. официальный сайт ОЭСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/> (дата обращения: 15.02.2023).

присутствия в этих юрисдикциях⁷². Таким образом, существовавший более 150 лет принцип обложения компаний по месту резидентства или нахождения постоянного представительства уходит в прошлое.

Проблема глобального потепления предопределила значительное усиление международного сотрудничества в сфере борьбы с изменением климата в последнее десятилетие. Одним из существенных направлений такого сотрудничества является формирование индустрии устойчивых или «зеленых» финансов⁷³. Финансовые аспекты взаимодействия сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата⁷⁴ и Парижского соглашения⁷⁵ включают целый ряд составляющих, которые затрагивают торговые, инвестиционные, бюджетные вопросы, регулирование рынка капиталов, а также корпоративное управление. Можно утверждать, что на наших глазах формируется достаточно заметный комплекс международно-правовых норм в сфере устойчивых финансов. Эти новеллы составляют *пятое* заметное изменение международного финансового правопорядка.

Среди вызовов в финансовой сфере, с которыми столкнулось мировое сообщество, следует назвать и необходимость регулирования выпуска и обращения новых, доселе неизвестных объектов финансовых операций, в частности, криптоактивов. Эти вызовы формируют *шестое* направление реформ.

Рассмотрим ниже, как реагирует международная финансовая система на перечисленные явления начала XXI века, какие институциональные и нормативные изменения стали следствием этих вызовов.

⁷² Проект ОЭСР/G20 по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли. Заявление о двух основополагающих элементах налоговой политики в связи с внедрением цифровых технологий в экономику. См. официальный сайт ОЭСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021-russian-version.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷³ Ситник А.А. «Зеленые» финансы: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. 2022, Т. 17. № 2. С. 63–80.

⁷⁴ СЗ РФ. 11 ноября 1996 г. N 46. Ст. 5204. См. текст Конвенции на сайте ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 15.02.2023).

⁷⁵ БМД. 2020. N 4. См. текст Соглашения на сайте Конференции ООН по вопросам изменения климата [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

2. Институциональная составляющая реформ международного финансового правопорядка

Вторая половина XX в. — это эпоха международных организаций как постоянно действующих форумов для международного сотрудничества. В каждом сегменте межнационального взаимодействия существует институт, служащий основой не только для встреч и переговоров представителей государств, но и для международного нормотворчества и даже в отдельных случаях — для разрешения споров (как ОРС ВТО или Международный центр по урегулированию инвестиционных споров в Группе Всемирного банка). По итогам глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. сформировался целый институциональный механизм, призванный выработать меры по борьбе с последствиями кризиса и недопущению новых финансовых потрясений.

Своеобразной вершиной данного механизма является форум «Группы-20», который с 2008 г. стал функционировать в формате встреч глав государств и правительств. Такой формат, а также состав членов группы, превратил встречи «Большой двадцатки» в самый авторитетный международный саммит, в компетенцию которого входят уже не только финансовые проблемы современного мира, но и общие экономические и даже политические вопросы. Резолюции и коммюнике «Группы 20» дают старт многим инициативам, призывают к действиям правительства, одобряют решения других международных институтов. Так, например, на саммите «G-20» в Санкт-Петербурге в 2013 г. был одобрен план по противодействию размыванию налоговой базы и перемещению прибыли (Addressing Base Erosion and Profit Shifting), в рамках которого уже 10 лет осуществляется реформа международного налогообложения. Особенностью юридического статуса «Группы 20» является отсутствие международного договора и любого другого документа, оформляющего ее деятельность. У группы нет даже постоянно действующего сайта, а организатором встреч является ежегодно меняющаяся страна-хозяйка⁷⁶. Тем не менее отдельные постоянно действующие органы все же создаются: так, в 2016

⁷⁶ См. более подробно: *Лифшиц И.М.* G-20: спасение от кризиса или кризис легитимности? // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 12. С. 49–58.

г. во время председательства Китая была создана Исследовательская группа по «зеленым» финансам⁷⁷.

Своеобразным рабочим органом группы в финансовой сфере является Совет по финансовой стабильности (СФС или FSB) — ассоциация по швейцарскому праву⁷⁸, членами которой являются финансовые регуляторы стран «Большой двадцатки» и нескольких финансовых центров, а также несколько авторитетных международных организаций⁷⁹. В.Е. Понаморенко указывает, что Совет по финансовой стабильности является «центральным субъектом посткризисной мировой финансовой архитектуры»⁸⁰. Основной задачей СФС является организация взаимодействия надзорных финансовых органов ведущих стран мира в целях имплементации в национальные правовые системы лучших мировых финансовых практик. Такие практики разрабатываются в виде рекомендаций самим СФС, а также несколькими международными институтами, «ответственными» за определенное направление международного финансового сотрудничества. Так, например, в банковской сфере таким институтом является Базельский комитет банковского надзора, в фондовой — Международная организация комиссий по ценным бумагам (IOSCO), а в страховании — Международная ассоциация страховых надзоров (MACH или IAIS). В налогах функции института, устанавливающего стандарты, взяла на себя ОЭСР, а в области противодействия отмыванию доходов — ФАТФ. Интересно, что авторитетность и значимость стандартов практически не зависят от правового статуса «нормотворца»: Базельский комитет банковского надзора, например, не является юридическим лицом, ФАТФ также

⁷⁷ См. основные задачи и полномочия Группы на ее сайте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://g20sfwg.org/about-us/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷⁸ См. п. 1 Устава СФС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/FSB-Articles-of-Association.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷⁹ Члены СФС — финансовые регуляторы стран «Группы 20», БРИКС, а также Гонконга, Нидерландов, Сингапура, Испании, Швейцарии, а также МВФ, МБРР, БМР, ОЭСР, Европейский центральный банк в качестве монетарного органа и органа банковского надзора, Комиссия ЕС, БКБН, MACH, IOSCO, Совет по МСФО, Комитет по глобальной финансовой системе и Комитет по платежам и рыночной инфраструктуре. См. официальный сайт Совета по финансовой стабильности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fsb.org/about/organisation-and-governance/members-of-the-financial-stability-board/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁸⁰ Понаморенко В.Е. Концептуально-правовые основы интеграции в денежно-кредитной сфере в ЕС и ЕАЭС: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. М., 2021. С. 82.

не является организацией, а IOSCO зарегистрирована как ассоциация по испанскому праву, то есть не является международной межправительственной организацией. СФС является своеобразным «зонтиком» для всех международных институтов, устанавливающих стандарты, на сайте Совета приведен их список, а также список ключевых международных финансовых стандартов⁸¹.

Важнейшей составляющей созданной институциональной структуры является механизм мониторинга имплементации международных финансовых стандартов в национальные правовые системы. Такой механизм существует как на базе СФС, так и на базе отдельных организаций, в частности, МВФ и МБРР, Базельского комитета, ФАТФ и ОЭСР.

Таким образом, можно заключить, что важнейшим средством реагирования на текущие проблемы международного финансового правопорядка является создание и функционирование международных институтов для организации сотрудничества национальных финансовых регуляторов. Такое сотрудничество выражается в разработке, принятии и контроле имплементации в национальные правовые системы рекомендательных актов. Для разработки таких организаций могут использоваться старые, классические международные организации (МВФ, МБРР и ОЭСР), но чаще всего нормоустановители функционируют в виде организаций, сочетающих в себе признаки межправительственных и неправительственных организаций. Определенную роль в международном нормотворчестве могут получить и чисто неправительственные организации, объединяющие участников или экспертов рынка, например, Совет по международным стандартам финансовой отчетности.

3. Нормативная составляющая реформ международного финансового правопорядка

Как было отмечено в предыдущем разделе статьи, реформы финансовой отрасли в мире по итогам финансового кризиса в значительной степени были основаны на рекомендациях, вырабатываемых международными институтами. Такие рекомендации под контролем этих

⁸¹ См. официальный сайт Совета по финансовой стабильности [Электронный ресурс]: <https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/about-the-compendium-of-standards/> (дата обращения: 15.02.2023).

институтов имплементировались в национальные правовые системы. Так, например, в 2016 г. была проведена проверка имплементации Российской Федерацией международного финансового стандарта Базельского комитета «Ключевые принципы эффективного банковского надзора», а соответствующий отчет опубликован на сайте МВФ⁸².

Примером имплементации рекомендаций международных организаций является также изменение российского налогового законодательства под влиянием инициативы ОЭСР по противодействию размыванию налоговой базы и перемещению прибыли. Так, например, в 2014 г. в российский Налоговый кодекс были введены глава 3–4 «Контролируемые иностранные компании» и другие изменения, отражающие мероприятие 3 данной инициативы.

Таким образом, изменение национальных правовых систем в финансовой сфере осуществляется не столько вследствие подписания международных договоров, а под влиянием рекомендаций, вырабатываемых международными институтами с разным правовым статусом (международные межправительственные, неправительственные организации и организации со смешанным статусом). Обязанность «доброжелательно рассмотреть» такие рекомендации следует из их уставов, здесь действует общее правило «соответствуй или объясни» (*comply or explain*). Однако уставы международных финансовых институтов не являются международными договорами, следовательно, не могут возлагать на государства международно-правовые обязательства. Соответственно, имплементацию международных финансовых стандартов можно отнести к феномену мягко-правового (то есть неправового) воздействия на национальные правовые системы.

С другой стороны, можно предположить, что обязанность доброжелательного рассмотрения рекомендаций международных финансовых институтов формирует международный обычай. Практика государств здесь достаточно обширна, они действуют с пониманием обязанности либо внедрить правила, содержащиеся в рекомендациях международ-

⁸² Russian Federation: Financial Sector Assessment Program: Detailed Assessment of Observance Basel Core Principles for Effective Banking Supervision (BCP) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2016/12/31/Russian-Federation-Financial-Sector-Assessment-Program-Detailed-Assessment-of-Observance-44285> (дата обращения: 15.02.2023).

ных финансовых институтов в национальную правовую систему, либо объяснить, почему это не сделано. Думается, что мягко-правовой механизм, действующий в сфере обеспечения международной финансовой стабильности, а также формирующийся обычай доброжелательного рассмотрения рекомендаций международных финансовых институтов составляют особенность международного финансового правопорядка первых десятилетий нынешнего века.

Вместе с тем нормы, разработанные после финансового кризиса 2007–2009 гг. в результате международного сотрудничества в финансовой сфере, не исчерпываются, конечно, только правилами, содержащимися в мягко-правовых актах. Наиболее заметное достижение государств в договорном правотворчестве в этот период — это заключение Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (далее — Многосторонний инструмент)⁸³.

Многосторонний инструмент представляет собой международный договор, предполагающий изменение почти 2000 двухсторонних соглашений об избежании двойного налогообложения. Суть правового механизма этой конвенции состоит в следующем: каждому государству предложено либо сделать оговорку о неприменении отдельных положений конвенции, либо выбрать один из указанных в Многостороннем инструменте вариантов изменения соглашений об избежании двойного налогообложения, а после и уведомить их об этом Депозитария конвенции (и таким образом все другие государства, с которыми такие соглашения заключены)⁸⁴. Если другое государство выберет для себя тот же вариант, то считается, что двухстороннее соглашение об избежании двойного налогообложения между данными государствами изменено в соответствии с условиями, содержащимися в Многостороннем инструменте.

Так, например, Российская Федерация при ратификации конвенции сделала, в частности, следующие оговорки и заявления. Действие Мно-

⁸³ Собрание законодательства РФ. 9 марта 2020 г. № 10. Ст. 1281. Бюллетень международных договоров. 2020. № 5.

⁸⁴ Своеобразный выбор из международно-правового «меню».

гостороннего инструмента распространено на 71 Соглашение об избежании двойного налогообложения⁸⁵; преамбула всех этих соглашений изменена в соответствии со статьей 6 конвенции⁸⁶. Кроме того, Россия заявила, что будет применять к своим налоговым соглашениям упрощенное положение о применении льгот, то есть такой режим, по которому льготы в большинстве случаев предоставляются только так называемым квалифицированным лицам (например, компаниям, акции которых обращаются на биржах) или в отношении дохода от активной предпринимательской деятельности⁸⁷. После выбора такого же варианта об упрощенном применении льгот другими участниками налоговых соглашений с участием России соответствующие положения этих соглашений заменяются упрощенным положением об ограничении льгот в редакции Многостороннего инструмента⁸⁸. Если другие участники *не выбрали* такой же вариант, то сохраняет силу действующее соглашение⁸⁹.

Весьма заметной составляющей регулятивной компоненты международной финансовой системы являются также правовые акты интеграционных образований, в том числе Европейского союза. Например, готовящийся регламент ЕС по рынкам криптоактивов степени будет

⁸⁵ Федеральный закон от 01.05.2019 № 79-ФЗ «О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения», п. 1/СЗ РФ, 06.05.2019, N 18, ст. 2203.

⁸⁶ Федеральный закон от 01.05.2019 № 79-ФЗ, п. 5. Добавлено важное положение о цели соглашений в следующей редакции: «Намереваясь устранить двойное налогообложение в отношении налогов, на которые распространяется настоящее соглашение, **не создавая возможности для неналогообложения или пониженного налогообложения** посредством **избежания** или **уклонения** от уплаты налогов (в том числе путем использования **схем**, направленных на получение косвенным образом **резидентами третьих юрисдикций** льгот и преимуществ, предусмотренных таким соглашением)» (выделение мое — ИЛ).

⁸⁷ Федеральный закон от 01.05.2019 № 79-ФЗ, п. 9.

⁸⁸ Текст таких соглашений в редакции Многостороннего инструмента с названием «Синтезированный текст» публикуется на сайте Министерства финансов Российской Федерации. См. официальный сайт Минфина России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/tax_relations/international?id_66=132752-spisok_sintezirovannykh_tekstov_mnogostoronnei_konventsii_po_vypolneniyu_mer_otnosyashchikhsya_k_nalogovym_soglasheniyam_v_tselyakh_protivodeistviya_razmyvaniyu_nalogovoi_bazy_i_vyvodu_pribyli_iz-pod_nalogooblozheniya_mli_i_mezhdunarodnykh_dogovorov_ob_izbezhanii_dvoynogo_nalogooblozheniya_mezhdu_rossiiskoi_federatsiei_i_drugimi_gosudarstvami (дата обращения: 15.02.2023).

⁸⁹ Многосторонний инструмент более точно указывает следующую норму для такого случая: «Упрощенное положение об ограничении льгот заменяет собой положения Налогового соглашения, на которое распространяется настоящая Конвенция, только в той мере, в какой такие положения несовместимы с Упрощенным положением об ограничении льгот» (выделение мое. — ИЛ).

интересным примером правового регулирования этого нового предмета финансовых операций⁹⁰. Введение такого регулирования призвано будет разрешить базовый конфликт между децентрализованным и анонимным характером выпуска и обращения криптоактивов и очевидным желанием законодателя индивидуализировать каждую операцию с данным объектом⁹¹.

Среди регуляторов финансовых отношений трансграничного характера необходимо также упомянуть правила, принимаемые самими участниками рынка. Такие правила В.М. Шумилов относит к блоку трансграничного права и указывает, что «в подобных нормах заложена скоординированная воля частных лиц из разных стран, и этим они отличаются и от норм внутреннего права, и от норм международного права»⁹². В качестве примера таких правил можно привести Унифицированные правила по документарным аккредитивам МТП⁹³, Вольфсбергские стандарты по самым разным сферам банковских операций (борьба с финансированием терроризма, операции с кредитными картами, использование искусственного интеллекта в противодействии финансовым преступлениям и пр.), принятые Вольфсбергской группой из 13 банков⁹⁴, или комплект типовых контрактов Международной ассоциации рынков капитала (ICMA)⁹⁵. Последняя является

⁹⁰ Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 COM/2020/593 final. Правовой портал ЕС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹¹ См. более подробно о базовом конфликте регулирования криптоактивов: *Lifshits I. Cryptocurrencies in the Regulatory Field of International Organizations*. In: *Ashmarina S., Mantulenko V.* (eds) *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021. Vol. 133. P. 857–864; *Давудих Я.* Правовой статус эмитентов криптоактивов с точки зрения проекта регламента MiCA // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15, № 2. С. 259.

⁹² *Шумилов В.М.* Глобальная нормативная система и ее составляющие // *Государство и право*. 2017. № 4. С. 76. См. также: с. 76–77.

⁹³ См. сайт Международной торговой палаты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://2go.iccwbo.org/ucp-600-uniform-rules-for-documentary-credits-config+book_version-eBook/ (дата обращения: 15.02.2023).

⁹⁴ См. сайт Вольфсбергской группы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wolfsberg-principles.com/wolfsberg-group-standards> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹⁵ См. Handbook на сайте ICMA: <https://www.icmagroup.org/market-practice-and-regulatory-policy/primary-markets/ipma-handbook-home/icma-primary-market-handbook-amendments-archive/> (дата обращения: 15.02.2023).

также базой для выработки правил в отношении устойчивых финансов⁹⁶ и финансовых технологий⁹⁷.

Заключение

В XXI веке мир столкнулся с несколькими существенными вызовами, главными из которых являлись глобальный финансовый кризис, кризис суверенного долга, финансовый кризис в связи пандемией коронавируса, глобальное потепление и пр. Все эти потрясения потребовали выработки международно-правового инструментария, который мог бы в достаточно короткие сроки обеспечить изменение национальных правовых систем в целях обеспечения финансовой стабильности. Такие изменения охватывали достаточно широкий спектр финансовой деятельности государства, в частности, более совершенные правила банковского, страхового и фондового надзора, страхование вкладов, правила финансового оздоровления банков, правила корпоративного управления и т. д.

Сегодня можно утверждать, что в сфере обеспечения международной финансовой стабильности за последние годы был выработан мягко-правовой механизм воздействия, который включает в себя следующие составляющие: нормативная — формально необязательные рекомендации; институциональная — нормоустановители; контрольная составляющая — проверки и оценки имплементации стандартов, проводимые силами данных институтов, а также взаимные, горизонтальные проверки; обеспечительная составляющая — создание стимулов, побуждающих имплементировать международные финансовые стандарты в национальные правовые системы, а также установление неблагоприятных последствий отказа от имплементации⁹⁸.

Этот механизм дополняют правовые формы сотрудничества государств в интеграционных объединениях и международных организа-

⁹⁶ См. материалы о выпуске зеленых и социальных облигаций на сайте ICMA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹⁷ См. материалы о финансовых технологиях на сайте ICMA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icmagroup.org/market-practice-and-regulatory-policy/fintech-and-market-electronification/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹⁸ См. более подробно: Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние: монография / И.М. Лифшиц. М.: Юстиц-информ, 2020. С. 35–36, 66–86.

циях (в том числе заключение многосторонних конвенций), а также в рамках соглашений о зонах свободной торговли, которые, как правило, содержат весьма широкий спектр взаимодействия. Практика показывает, что в настоящее время практически все новые объекты имущественного оборота, будь то криптоактивы или «зеленые» финансовые инструменты, прежде чем получить полноценное правовое регулирование, «обрабатываются» с помощью мягко-правового механизма. Эффективно или нет — покажет будущее.

Глава 4

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

И.А. Шулятьев

Как сказано в главе 1 настоящей монографии: «Перестройка институционально-организационной стороны международного экономического правопорядка затронет, среди прочего, изменение статуса многих государств и групп государств, прежде всего в среде развивающихся стран. Новые государства примкнут к «мягким организациям» (параорганизациям) типа БРИКС; будут созданы новые параорганизации. Возрастет число неправительственных организаций международного характера, а также качество сотрудничества с ними со стороны государств и межгосударственных организаций».

Одной из международно-правовых форм институционально-организационной стороны международного экономического правопорядка выступает региональное интеграционное экономическое объединение. Сама формулировка этого понятия предполагает довольно широкий круг различных форматов группового сотрудничества государств в международных экономических отношениях. Объединение не сводится к международной организации как объединению, созданному исключительно на основе международного права и имеющему международную правосубъектность. Одно можно сказать точно, такие объединения имеют межгосударственный характер, поскольку служат политическим фундаментом трансграничных хозяйственных связей и правовым механизмом согласования интересов государств. Иллюстрацией такого объединения на двустороннем уровне можно назвать механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, созданный с целью координации сотрудничества двух государств в торговой, экономической, военной, научно-технической, энергетической, транспортной, в сфере ядерной энергетики и других областях, в том числе по крупным проектам и долгосрочным программам сотрудничества, имеющим стратегическое значение (Соглашение между прави-

тельствами Российской Федерации и Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая 1997 года).

Для современного периода развития международных отношений в условиях нестабильности и турбулентности региональное сотрудничество является страховочным механизмом от попыток изолировать отдельные государства от мирового рынка и производственной кооперации. Предпосылки сотрудничества государств одного географического региона гораздо шире, чем на универсальном уровне, к ним можно отнести цивилизационное и культурное сходство народов, близкие правовые традиции и даже общий язык. Выбор форм такого сотрудничества становится шире в силу того, что глобализация создала единое планетарное пространство, состоящее из разных правовых систем и семей. Средства коммуникации и связи обеспечивают практически мгновенный обмен любой информацией между регионами мира, поэтому важным элементом, влияющим на правовые формы и механизмы регионального экономического сотрудничества, становится культурное своеобразие отдельных государств и регионов. Если в конце XX и начале XXI в. мы явились свидетелями монополии западноевропейской модели регионального сотрудничества, и многие государства стремились ее скопировать, то сегодня есть понимание, что такая модель не может быть универсальной, то есть игнорирующей особенности и специфику культурно-исторического развития Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки, Азии, Евразии, постсоветского пространства, АСЕАН, АТЭС, субрегиональных форумов.

И в этом смысле перед наукой международного права встает проблема исследования как общего понятия «регионального интеграционного экономического объединения», так и отдельных видов этого понятия на примере различных международных экономических организаций. Решение этой проблемы позволит выработать различные правовые средства регулирования процессов региональной экономической интеграции, подобрать наиболее оптимальные формы и уровни регионального сотрудничества для конкретного региона, предложить оптимальные механизмы урегулирования международных экономических споров, сформулировать позицию о необходимости имплементации

актов региональных интеграционных экономических объединений в национальные правовые системы. В таком научном подходе к изучению интеграционного характера институционально-организационной стороны международного экономического правопорядка содержится элемент равновесия между знаниями об универсальных и региональных международных организациях и баланс между абстрактным пониманием глобализации как унификации регулирования и регионализации как проявлением самобытности и уникальности международно-правового институционального творчества народов.

В Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 года есть понятие «региональная организация экономической интеграции», которое означает организацию, учрежденную суверенными государствами данного региона, в компетенцию которой входят вопросы, регулируемые настоящей Конвенцией или протоколами к ней, и которая должным образом уполномочена в соответствии с ее внутренними процедурами подписывать, ратифицировать, принимать и утверждать соответствующие документы или присоединиться к ним». Из этого классического нормативного определения следует главный смысл международной организации интеграции — расширенная правосубъектность за счет делегирования государствами-членами такой организации определенных прав, в данном случае право подписывать, ратифицировать, принимать и утверждать соответствующие документы или присоединяться к ним. Иными словами, права и обязанности возникают у самой региональной организации экономической интеграции, а государства-члены обязаны следовать соглашениям, заключенным международной организацией.

В отечественной международной-правовой литературе высказана обоснованная позиция о том, что особенности предметной компетенции, ярко выраженный наднациональный характер международных межправительственных организаций интеграции, предпочтение правовых методов регулирования при сохранении политических, включение населения государств-членов в реализацию целей интеграции и создание органов народного представительства (которые вряд ли можно назвать наднациональными), — все это придает значительное

своеобразие этому типу международной организации⁹⁹. И в этом случае региональные интеграционные экономические объединения принимают самую жесткую правовую форму — международной межправительственной организации с наличием полномочий, делегированных государствами-членами, четкой организационной структурой и процедурами принятия обязательных к исполнению решений. Это и есть западноевропейская модель регионального сотрудничества. Она отличается предельной формальной определенностью, стройной системой органов управления с международной бюрократией, прописанными процедурами принятия решений и разрешения споров. Если сравнить такую модель с азиатскими объединениями, то мы увидим, что последние строятся на принципе межгосударственного сотрудничества с преобладанием политико-дипломатических средств достижения своих целей¹⁰⁰.

Теоретические подходы, отождествляющие понятия «региональных интеграционных экономических объединений» и «региональной организации экономической интеграции», закономерно приходят к концепции интеграционного права¹⁰¹. В итоге региональная экономическая интеграция остается в рамках представлений о нормативно-правовых моделях, созданных на рубеже XX и XXI вв., заимствованных различными регионами мира: МЕРКОСУР, Евразийское экономическое сообщество, Африканское экономическое сообщество.

И такая модель прекрасно работала до 2008 года, когда впервые дал о себе знать мировой финансово-экономический кризис. В этих условиях государства, вынужденные спасти свои национальные экономики, стремились максимально использовать свой государственно-властный потенциал для стабилизации внутренних рынков и социально-экономических систем. Для этого потребовалась сконцентрировать свои

⁹⁹ Капустин А.А. Международные организации в глобализирующемся мире: монография. РУДН, 2010. С. 207.

¹⁰⁰ АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, А.А. Капустин [и др.]. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 256 с.; Саммит АТЭС: правовые механизмы региональной интеграции / И.И. Шувалов, А.А. Капустин, Т.Я. Хабриева [и др.]. М.: Издательство «Статут», 2012. 392 с.

¹⁰¹ Кашкин С.Ю. Философия интеграционного права / С.Ю. Кашкин // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2(99). С. 43–50. DOI: 10.17803/1994–1471.2019.99.2.043–050

полномочия и выработать новые механизмы международного взаимодействия в экономической сфере. При этом происходило осознание рисков глобализации экономических процессов и крах осознания невозможности найти консенсус на универсальном уровне. Организационным свидетельством усиления государств и отхода от жестких процедур многостороннего регулирования международных экономических отношений явилось функционирование «Большой двадцатки». Эта международная конференция межгосударственного характера имеет координирующую роль и не вправе принимать юридически обязательные решения. Таким образом, государства начали искать новые формы экономического сотрудничества, которые позволили бы им сохранить контроль над процессом принятия решений и не связывать себя международно-правовыми обязательствами. И такая задача была решена путем обращения, во-первых, к региональному уровню международных отношений, во-вторых, к переосмыслению содержания понятия «интеграция» применительно к межгосударственным отношениям.

Если раньше интеграция рассматривалась как делегирование прав принятия решений органам международной организации, то теперь интеграция рассматривается как такое делегирование прав международной организации, которое должно как минимум учитывать государственные интересы и право контроля решений организации со стороны государства. В правовой практике этот процесс проявил себя через усиление национальных органов конституционного контроля и надзора. Например, в статью 79 Конституции Российской Федерации были внесены изменения о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹⁰². В Германии Конституционный суд ФРГ реализовал на практике зарезервированное им еще в 1974 году право конституционного контроля нормативных актов Европейского союза и признал целый

¹⁰² Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. С обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина / С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский, Н.Н. Черногор [и др.]: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2021. 368 с.

ряд нормативных актов Европейского центрального банка (ЕЦБ) *ultra vires*, т. е. принятыми с очевидным превышением полномочий и поэтому не подлежащих применению на территории Германии. Помимо этого, он посчитал принятым с превышением полномочий полученное им в ответ на свой запрос преюдициальное заключение Суда ЕС и отказался ему следовать¹⁰³. Это примеры изменения содержания понятия «интеграция» на национальном уровне. При этом важную роль в этом играют национальные судебные органы.

Сами термины «интеграция», «интеграционный» и производные от них должны толковаться исходя из текста учредительных документов. Общего определения этих слов нет и быть не может, поскольку современное международное право имеет согласительную природу и не предполагает выработку единого и универсального определения понятия «интеграция». Например, Устав Содружества Независимых Государств 1993 года к целям Содружества относит всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственную кооперацию и интеграцию (статья 2), однако при этом сферы совместной деятельности государств-членов СНГ реализуются «...на равноправной основе через общие координирующие институты в соответствии с обязательствами, принятыми государствами-членами в рамках Содружества» (статья 4). Получается, в СНГ интеграция рассматривается как цель, которая достигается посредством координации. Таким образом, можно констатировать, что в праве международных организаций «интеграция» может быть реализована не только посредством наделения межгосударственных органов государственными полномочиями, но и посредством межгосударственной координации. Такой вывод обогащает научное представление о праве международных организаций как о механизме реализации принципа сотрудничества государств в эпоху кризиса принятия решений на многостороннем уровне.

¹⁰³ Исполинов А.В. Casus belli: Как запрос КС ФРГ в Суд ЕС перерос в войну судов. URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/14/casus_belli_kak_zapros_ks_frg_v_sud_es_pereros_v_vojnu_sudov (дата обращения: 30.03.2023).

Можно утверждать, что для международно-правового дискурса термин «интеграция» может означать баланс полномочий между межгосударственным объединением и государствами-членами в согласованной государствами сфере экономического сотрудничества или, другими словами, как процесс принятия решений. При этом интеграция может рассматриваться и как цель, и как процесс. В любом случае содержание интеграции всегда является продуктом согласования волеизъявлений государств и не может составлять самостоятельный слой нормативно-правового регулирования международных экономических отношений. Современной тенденцией можно назвать переход интеграции к межправительственной модели от надгосударственной. Это вполне объяснимо тем, что государства пока не готовы передавать международным организациям право принятия стратегических решений в сфере формирования общих контуров международной экономической системы.

Классической международно-правовой формой «интеграции» выступает международная организация. Однако сегодня можно встретить и такое понятие, как «интеграция интеграций»¹⁰⁴. Международно-правовая концепция этого политического феномена представляет собой перспективную научную задачу. Не случайно речь идет именно о политическом феномене, поскольку объективные экономические процессы еще не выработали институциональные подходы к организационному оформлению такого процесса. Сегодня трудно сказать, какую юридическую модель примет интеграция интеграций. В настоящее время речь идет только о построении политического диалога такого грандиозного объединения.

Примером такого интеграционного проекта можно назвать Большое евразийское партнерство. Суть идеи «всеобъемлющего евразийского партнерства», озвученной в 2016 г., — усилить интеграционное взаимодействие между Евразийским экономическим союзом и го-

¹⁰⁴ «Именно эта идея качественного интеграционного роста, «интеграции интеграций» заложена в российскую инициативу по формированию большого евразийского партнерства с участием всех без исключения стран Азии и Европы. Она сугубо прагматична и сейчас становится еще более актуальной», Владимир Путин выступил с видеообращением на пленарном заседании юбилейной, 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/64074> (дата обращения: 30.03.2023).

сударствами Азиатско-Тихоокеанского региона, соответствующими международными организациями и прочими интеграционными объединениями в регионе. В итоге должна быть создана региональная зона свободной торговли и свободная инвестиционная зона с участием ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС. Главным нормативным регулятором этого процесса выступают международные договоры и мягкое право, и сама направленность такой интеграции объясняется созревшим международным правосознанием и происходящей перестройкой современного международного правопорядка¹⁰⁵.

Очевидно, что идея «интеграция интеграций» задействует гораздо больше нормативных регуляторов и участников процесса. И в этом аспекте интеграция уже может перерасти свой международно-правовой формат. Таким образом, деятельность региональных интеграционных экономических объединений это уже не просто международно-правовое регулирование, а международно-правовое регулирование, поставленное в центр целой системы норм, структур и интересов правительственного и неправительственного характера, двустороннего, субрегионального, регионального, мегарегионального и глобального уровней. Можно выдвинуть идею о том, что термин «региональное интеграционное экономическое объединение» имеет не только узкое понимание как межгосударственная организация, но и широкое понимание как комплекс правительственных и неправительственных механизмов и органов. И в последнем случае объем полномочий и содержание компетенции объединений получит совершенно другую институционально-правовую модель (конечно, в первую очередь такая модель должна быть экономически эффективной, но в международных отношениях взаимосвязь политики и экономики отличается от национальных отношений, поэтому критерий экономической эффективности не будет единственным для такой модели).

¹⁰⁵ Шумилов В.М. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнерства в свете международного права (Часть 1) / В.М. Шумилов, М.Р. Салия. Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 2. С. 66–78. DOI 10.24866/1813–3274/2021–2/66–78; Шумилов В.М. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнерства в свете международного права (Часть 2) / В.М. Шумилов, М.Р. Салия // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 3. С. 111–123. DOI 10.24866/1813–3274/2021–3/111–123.

Понятие «региональное интеграционное экономическое объединение» мы считаем шагом вперед в научном понимании международно-правовых форм международных экономических отношений. На наш взгляд, оно адекватно отражает разнообразие подходов к институционализации мировой экономики. Это понятие выступает как родовое по отношению к международным организациям интеграционного типа, международным экономическим конференциям, параорганизациям и прочим форматам согласования государствами своих экономических интересов и выработки прав и обязанностей. Региональное интеграционное экономическое объединение может получить развитие как политико-правовая основа (платформа) к более широким формам международного общения, включая таких участников, как предпринимательские круги и гражданское общество. В этом случае международное право выступит как центральная нормативно-правовая система, взаимодействующая уже не только с национальным законодательством государств-членов (государств-участников), но и с иными нормативными комплексами, регулирующими международные экономические отношения в эпоху поиска новых параметров международного экономического правопорядка. В любом случае, слово «интеграция» всегда будет иметь специальное значение, которое придадут ему государства в организационной структуре своего политико-экономического диалога.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ПРАКТИКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Д.Э. Кицмаришвили

Введение

Тема заключения, толкования, применения и реализации международных договоров как источников международного права бесконечна. Все эти вопросы входят в отрасль «права международных договоров», опирающегося главным образом на нормы двух Венских конвенций: о праве международных договоров (1969)¹⁰⁶, о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (1986).

Количество действующих международных договоров, как можно предположить, превышает несколько десятков тысяч; большинство из них — это договоры двусторонние. Традиционным аспектам права международных договоров посвящено огромное количество правовой научной и прикладной литературы. В ней освещены все значимые стороны данной темы: понятие международного договора; классификация договоров; их структура, содержание; порядок заключения и прекращения; способы толкования; проблематика юрисдикции, коллизий и т. п.¹⁰⁷. Понятно, что и проблемы международно-правового характера, порождаемые столь обширной и разнообразной практикой, неисчислимы и разнообразны.

Вместе с тем целесообразно более внимательно рассмотреть практику заключения и применения международных договоров с точки зрения вопросов, не очень часто встречающихся в учебниках и монографиях.

¹⁰⁶ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 03.11.2022).

¹⁰⁷ Шумилов В.М. Международное право: учебник / 3-е изд. М.: Юстиция, 2016. С. 59 и след.

Проблема самоисполнимости договоров

Известно разделение международных договоров на две категории: правообразующие (нормативные) и договоры-сделки, которые называют также самоисполнимыми договорами¹⁰⁸. Под самоисполнимыми договорами понимают договоры, нормы которых не требуют дополнительных действий со стороны государств, в частности актов имплементации: обязательства, заложенные в них, реализуются, как правило, прямым одноразовым действием, скажем, поставкой определенного объема согласованных товаров. Поскольку товары поставлены, договор прекращается. Являются ли самоисполнимые договоры источниками международного права, находятся ли они в сфере действия принципа добросовестного выполнения международных обязательств; могут ли национальные суды применить норму самоисполнимого договора, если она не имплементирована во внутреннее право; есть ли в таких договорах что-то ценное для международного правосознания — такие вопросы часто возникают на практике.

Если государство не имплементирует нормы несамоисполнимого договора во внутреннее право, то тем самым не исполняет договор, нарушает принцип *pacta sunt servanda*. Этот принцип в равной степени обязателен для обоих типов договоров, будут ли применены нормы самого договора или же нормы акта имплементации. В то же время в ряде стран от статуса международного договора (самоисполнимый или несамоисполнимый) зависит, как будет решаться коллизия между нормой внутреннего закона и нормой договора: самоисполнимым нормам отдается приоритет.

Самоисполнимые договоры также несут права и обязанности, также находятся в сфере действия принципов международного права, включая принцип *pacta sunt servanda*, и также являются источниками международного права.

¹⁰⁸ Осминин Б.И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // Журнал российского права. № 6. 2012. С. 80–90.

Проблема коллизии последовательно заключенных договоров

Самые большие проблемы, связанные с правом международных договоров, доставляют коллизии между отдельными нормами международных договоров или между нормой международного договора, с одной стороны, и нормой внутреннего законодательства — с другой стороны. Остро стоит вопрос, например, о соотношении договоров, заключенных в разное время по одному предмету¹⁰⁹.

Один из аспектов состоит в том, что положения заключенного договора могут противоречить нормам предыдущего действующего договора, регулирующего тот же предмет. Член Комиссии международного права ООН Х. Лаутерпахт, ставший в последующем судьей Международного суда ООН, считал¹¹⁰, что «...принцип, согласно которому контракт, заключенный сторонами в нарушение прежних договорных обязательств, является недействительным, должен рассматриваться как общий принцип права»¹¹¹. При этом представляется, что в международно-правовой сфере признание этого принципа более важно, чем в частноправовой, так как количество международных договоров очевидно меньше, чем частных контрактов.

Из практики известно, что государствам иногда приходилось расторгать соглашения, которые противоречили ранее принятым договорам. Так, германо-австрийское соглашение о таможенном союзе (1931) предусматривало ликвидацию таможенных границ и было заключено в нарушение ранее заключенных договоров. Вопрос обсуждался в Лиге Наций и был передан на заключение Постоянной палаты международного правосудия (ППМП). В своем консультативном заключении ППМП решила, что Таможенный союз противоречит ранее взятым Австрией обязательствам¹¹². Германия и Австрия вынуждены были отказать от соглашения.

¹⁰⁹ Договор как общеправовая ценность: монография / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко и др.; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2018. С. 48–60.

¹¹⁰ См.: Yearbook of the International Law Commission 1953. Vol. II. P. 156.

¹¹¹ Там же.

¹¹² См.: Summaries of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the Permanent Court of International Justice. ST/LEG/SER.F/1/Add.4. Pp. 227–232.

Проблема применения последовательно заключенных договоров также тесно взаимосвязана с вопросом правопреемства обязательств по договорам.

Когда государство прекращает свое существование и/или на указанной территории появляются новые страны, неизбежно возникает вопрос о правопреемстве обязательств, возникших из кредитных, торговых, инвестиционных и иных соглашений. В Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (1983)¹¹³ содержатся нормы, которые регулируют переход долгов и активов от государства-предшественника к государству-преемнику. Однако эта Конвенция не вступила в силу, и государства на практике регулируют вопросы правопреемства самостоятельно, путем заключения двусторонних и/или многосторонних договоров. При этом в отсутствие общих принципов правопреемства, обязательных для стран, конечно же, возникали проблемы, к примеру, как в случае с СССР.

С распадом СССР 10 государств, объявивших себя правопреемниками, подписали международный договор о правопреемстве (1991)¹¹⁴, который регулировал вопросы перехода прав и обязательств к государствам-преемникам в части долгов, а также разделения активов СССР, находящихся за рубежом. Однако Договор не подписали Азербайджан, Молдова, Литва, Латвия, Туркменистан, Узбекистан и Эстония, что существенно осложнило урегулирование проблемы правопреемства. После официального распада СССР (1991) все бывшее союзное имущество автоматически перешло в собственность России, что не устраивало остальные республики. Поэтому было принято решение подписать еще одно соглашение, подтверждающее права всех республик бывшего СССР на долю в имуществе за рубежом, а также на выплаты по внешнему долгу.

¹¹³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/succession_archives.pdf (дата обращения: 15.12.2022). Конвенция не вступила в силу.

¹¹⁴ Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР от 04 декабря 1991 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901777444?section=status> (дата обращения: 18.12.2022). Договор действующий, но не был опубликован в официальных источниках.

Несмотря на принятие Соглашения глав Содружества Независимых Государств (1991), у сторон все равно возник ряд вопросов относительно раздела имущества, в частности резиденций, используемых под дипломатические представительства. Неясно было и как делить выплаты по внешним долговым обязательствам. В конечном счете из-за сложной экономической ситуации в странах бывшего СССР было принято политическое решение, что взамен отказа от своей доли собственности, причитающейся пропорционально каждой республике бывшего СССР, Россия оплатит их доли общего внешнего долга.

Проблема пробелов и неполноты международных договоров

Еще одна проблема, связанная с международными договорами, это проблема многочисленных пробелов, существующих в разных сферах правоотношений и видах договоров. Такие пробелы существуют в двух основных проявлениях: либо в форме отсутствия нужных договоров/норм, либо в форме неясности договорных положений, неполноты самих международных договоров. Трудно определить, какая из разновидностей пробелов наиболее проблемна. Отсутствие необходимой нормы восполняется рано или поздно дополнением к договору или заключением нового договора. А неясность/неполнота договорных положений может вызывать трудности долговременные и обычно восполняется путем толкования договора, его статей.

В качестве примеров можно сослаться на двусторонние договоры России с рядом государств по вопросам кредитования и реструктуризации долгов. Для многих договоров такого рода характерна их лаконичность, что часто мешает эффективному исполнению договоров. По сути, часть норм договоров можно назвать мягкими нормами — мягким правом: они не содержат деталей, конкретных формулировок прав и обязанностей, мер ответственности, условий возврата, разрешения споров; их положения — это своеобразные политические нормы. Использование в двусторонней международной договорной практике России мягкого права — это большая проблема.

Так, в кредитном договоре с Сербией на сумму до 172,5 млн евро имеется всего 14 коротких статей; при этом половина из них посвящены процедурным вопросам: уполномоченным органам сторон, поряд-

ку вступления договора в силу и прочее¹¹⁵. Примечательно, что в статье о порядке разрешения споров (ст. 11 договора) предусмотрены лишь консультации и переговоры: «любые разногласия решаются Сторонами путем проведения двусторонних консультаций и переговоров»¹¹⁶. Аналогичные структура и содержание текстов присутствуют и в других кредитных соглашениях России (с Беларусью¹¹⁷, Республикой Бангладеш¹¹⁸ и многими другими государствами).

В этом смысле практика России со сравнительно-правовой точки зрения проигрывает основательной практике кредитных соглашений, заключенных Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). Эти соглашения также предусматривают предоставление кредитов под инфраструктурные проекты, но детализация и порядок реализации договоров прописаны очень конкретно. Например, в Соглашении о предоставлении Украине кредита в размере 175 млн евро для строительства высоковольтной линии электропередачи к Запорожской АЭС¹¹⁹ содержится четкий перечень обязательств сторон, детальные условия отсрочки платежей, начисления неустойки, хотя, впрочем, и тут нет пунктов об урегулировании возможных споров.

Зато в дополнение к этому кредитному соглашению, как бы восполняя пробелы, ЕБРР заключил с Украиной финансовое соглашение¹²⁰, которое регламентирует все процедурные вопросы: порядок и сроки предоставления отдельных траншей, комиссии и компенсации, а глав-

¹¹⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации (РФ) и Правительством Республики Сербии о предоставлении Правительству Республики Сербии государственного экспортного кредита (от 19 октября 2019) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 7. С. 82–89.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о предоставлении Правительству Республики Беларусь государственного финансового кредита (от 30 августа 2017) // Бюллетень международных договоров. 2017. № 12. С. 69–73.

¹¹⁸ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Народной Республики Бангладеш о предоставлении Правительству Народной Республики Бангладеш государственного экспортного кредита для финансирования строительства атомной электростанции на территории Народной Республики Бангладеш (от 26 июля 2016) // Бюллетень международных договоров. 2017. № 3. С. 83–89.

¹¹⁹ Кредитна угода (Проект «Будівництво повітряної лінії 750 кВ Запорізька АЕС — Каховська») між Україною та Європейським банком реконструкції та розвитку. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/en/985_020/convp#Text (дата обращения: 07.11.2022).

¹²⁰ Фінансова угода між Україною та Європейським інвестиційним банком (Проект «Будівництво повітряної лінії 750 кВ Запорізька АЕС — Каховська»). URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/en/971_009#Text (дата обращения: 07.11.2022).

ное — порядок и очередность возврата долга, в случае возникновения дефолта и разрешения споров со множеством возможных кредиторов. В частности, в ст. 7 финансового соглашения указано, что обязательства Украины «будут не ниже, чем *pari passu* со всеми другими текущими и будущими необеспеченными обязательствами по любым внешним долговым инструментам...»¹²¹. В случае наступления дефолта и невозможности выплат по кредиту ЕБРР обязал Украину «не осуществлять никаких платежей в отношении любого другого такого внешнего долгового инструмента без одновременной уплаты или резервирования на определенный счет суммы, равной сумме в той же пропорции к сумме неоплаченного долга по настоящему соглашению...»¹²².

Регистрация международных договоров в ООН

Согласно статье 102 Устава ООН, на государствах-членах ООН лежит юридическая обязанность регистрировать свои международные договоры в Секретариате ООН. Секретариат публикует тексты договоров в виде сборников. Целью такого правила является обеспечение прозрачности внешней политики и дипломатии, открытости внешнему миру. Публикации производятся на языках подлинников с переводом на английский и французский языки. Все тексты зарегистрированных договоров на всех языках считаются равно аутентичными.

При этом сам факт регистрации документа в Секретариате ООН не является признанием за соответствующим текстом статуса международного договора. Так, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975) не стал рассматриваться участниками как договор, его не стали регистрировать в ООН. А если регистрировали бы, то это не означало бы признания текста договором.

Данные стороны договорной практики государств порождают много проблем сущностно-юридического и юридико-технического свойства. В частности и прежде всего вопрос: какова юридическая сила незарегистрированных в ООН международных договоров? В действительности, таких договоров довольно много, государства передают

¹²¹ Там же. Ст. 7.01 (*pari passu* приоритет).

¹²² Там же.

на публикацию в ООН очень избирательно, многие договоры носят закрытый, секретный характер, и таковых становится все больше.

Если на вопрос о юридической силе следует ответить, что юридическая сила международного договора сохраняется вне зависимости от факта регистрации в Секретариате ООН, то реальная практика заключения закрытых договоров и их содержание также остаются вполне закрытыми — все такие договоры, по сути, исключаются из обобщенного опыта правотворческой работы государств. Тайные, закрытые положения множества международных договоров создают собственную часть правового поля в международно-правовой системе. Дополнительных исследований требует и вопрос о соотношении факта регистрации/нерегистрации международных договоров в ООН и зафиксированного в российском законодательстве права государства не «становиться участником международного договора».

В России также имеется система регистрации международных договоров, утвержденная Законом РФ о международных договорах (раздел III), занимается регистрацией МИД России.

Известна в международно-правовой практике и проблема несоблюдения аутентичности текстов на разных языках в международном договоре¹²³, которая имеет значение и для толкования, и для применения договоров.

Среди других проблем заключения, толкования и реализации международных договоров следует назвать практику:

- заключения временных договоров или временного применения договоров, рассчитанных на длительный срок действия;
- заключения международных договоров в не совсем обычной, стандартной форме (в форме обмена нотами, письмами);
- заключения межведомственных договоров и др.

¹²³ Карлов В.П. Проблемы аутентичности перевода текста международного договора. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 4. С. 134–140; *Примащев Н.М.* Проблемы обеспечения аутентичности текстов международных соглашений Республики Казахстан и Российской Федерации с зарубежными государствами в области налогообложения // Юрист. 2021. № 9.

Воздействие норм международных договоров на частноправовые отношения внутри государств-участников

Еще одна проблема применения международных договоров уходит своими следствиями во внутреннее право государств. В широком плане речь идет о взаимодействии норм международного права и национального права — о правах и обязанностях субъектов разного уровня правоотношений. Однако в действительности современные международные договоры настолько глубоко охватывают своим воздействием субъектов внутреннего права, что может показаться, будто бы международно-правовые нормы и нормы национального права сливаются.

Примечательна в связи с этим практика заключения и применения межгосударственных договоров о реструктуризации долгов, которые образуются на международном рынке государственных ценных бумаг; покупателями этих ценных бумаг являются частные — в том числе зарубежные — банки, транснациональные корпорации/банки (они становятся кредиторами), поэтому государства, решая между собой проблему образовавшегося долга, вольно или невольно затрагивают интересы и права таких кредиторов (частных лиц). Обычно государства используют для этого подход, который получил название «оговорки о коллективных действиях». Смысл «оговорки» заключается в том, что реструктуризация долга осуществляется или может осуществляться в порядке, согласованном не со всеми кредиторами, а с большинством кредиторов (в таком случае игнорируются интересы/голос меньшинства). Государство, которое стоит за спиной кредиторов, в итоге получает списание/уменьшение долга в виде уменьшения обязательных выплат по государственным ценным бумагам. Все отношения между большинством кредиторов и меньшинством кредиторов решаются между самими кредиторами в судебном или несудебном порядке — без участия государств-участников договора¹²⁴. В данной комбинации международно-правовые отношения договаривающихся государств находятся в тесном взаимодействии с частноправовыми отношениями: государства принимают решения с учетом интересов своих частных лиц, а частные лица, выходяцы из этих государств, принимают решения

¹²⁴ Gelpert A. Russia's Contract Arbitrage // Georgetown Law Faculty Publications. Paper. No. 2014. 1448. P. 8–9.

с учетом того, о чем договорились государства. Два среза правового регулирования одной проблемы (реструктуризация долга) находятся в тесной корреляции¹²⁵.

В практике долговых отношений подобного рода (например, между США и Аргентиной) к судебным разбирательствам пытались привлечь и государство-должника, но оно вправе использовать принцип иммунитета от юрисдикции иностранного суда. Экономическим/финансовым следствием победы государства-должника в процессе реструктуризации и списания долга бывает, как правило, снижение его возможностей брать новые кредиты на рынке ценных бумаг, а политически — снижаются возможности проведения независимой финансовой политики. Таким вот образом связана реальность международных отношений с ее правовым обеспечением и, наоборот, связано право с управлением государствами экономической и политической реальностью международных отношений.

¹²⁵ К примеру, так было в случае с Грецией в 2012 г., принявшей закон, который *post factum* позволил включить САС в соглашения о реструктуризации греческих бондов, выпуск и обращение которых регулировались греческим правом. Придание «обратной силы» САС позволило Греции в ускоренном режиме провести реструктуризацию долгов, договорившись с большинством кредиторов. При этом миноритарные кредиторы решили отстаивать свои права и обратились в свои национальные суды. К примеру, частные кредиторы из Германии, владеющие греческими облигациями общей стоимостью в 168 000 евро, отказались от предложения греческого правительства об обмене (свопе) бондов и требовали возмещения средств в полном объеме. Несмотря на то что немецкий суд отказал истцам в удовлетворении требований, вопрос урегулирования греческого долгового вопроса затянулся.

Глава 6

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС

М.Р. Салия

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) был создан для объединения экономического потенциала государств, выхода на новый уровень экономического развития и создания благоприятного климата для формирования нового *экономического правопорядка*. В материалах, посвященных десятилетию Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), региональная экономическая интеграция определяется как «процесс объединения экономического потенциала двух и более государств за счет создания емкого внутреннего рынка путем устранения национальных экономических барьеров и гармонизации национальных законодательств в целях создания условий для экономического развития и повышения конкурентоспособности экономик стран объединения на мировом рынке»¹²⁶. Цели ЕАЭС закреплены в статье 4 Договора о Евразийском экономическом союзе, основными целями являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

В период с 2015 года по настоящее время Евразийский экономический союз преодолел немалый путь в развитии региональной экономической интеграции. Каждый дальнейший шаг сопровождается новыми

¹²⁶ ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a09/1.-CHto-takoe-ekonomicheskaya-integratsiya.pdf>.

вызовами и *проблемами* в обеспечении стабильности регионального экономического *правопорядка*.

Основопологающим документом, содержащим курс в развитии интеграции в рамках ЕАЭС, являются «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.»¹²⁷. В настоящем документе предусмотрено:

- завершение формирования единого экономического пространства;
- определение возможности совместного урегулирования возникающих вопросов в целях минимизации изъятий и ограничений во взаимной торговле и недопущения возникновения барьеров;
- расширение перечня сфер экономического интеграционного взаимодействия;
- определение подходов к отраслевым политикам;
- укрепление международной правосубъектности Союза и его авторитет в мире;
- определение системы ответственности членов коллегии и должностных лиц ЕЭК за соблюдение ими права Союза и исполнение актов органов Союза¹²⁸.

Реализация каждого стратегического направления встречает на пути те или иные *проблемы экономического правопорядка*. Можно выявить перечень насущных *проблем*, который включает, в частности, следующие аспекты: создание правовой базы для единых рынков, выявление и устранение барьеров; расширение компетенции ЕЭК и суда ЕАЭС; обеспечение единообразия в толковании и применении норм права ЕАЭС; реализация международного сотрудничества в условиях современных реалий; реагирование на климатическую повестку и перспективы «зеленой» экономики, а также исполнение цифровой повестки.

¹²⁷ Решение ВЕЭС от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.».

¹²⁸ Там же.

Институциональные аспекты функционирования ЕАЭС

В «Стратегических направлениях» предложено достаточно идей по усовершенствованию работы ЕЭК. Наиболее существенным видится положение по наделению Коллегии ЕЭК правом обращаться в суд Союза при неисполнении решений органов Союза в части, касающейся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза (п. 9.1.3) и правом обращаться в ВЕЭС в случае неисполнения решения суда Союза по вопросам, касающимся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка, с целью принятия необходимых мер (п. 9.1.4). В перспективе наделение ЕЭК данными компетенциями позволит устранить *проблемы* в механизме реализации норм права ЕАЭС государствами-членами. На сегодняшний день в соответствии со статьей 39 Статута Суда ЕАЭС, суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению государства-члена и хозяйствующего субъекта. То же правило действует в случае неисполнения решений суда: согласно статье 114 Статута Суда ЕАЭС в случае неисполнения решения суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением; по статье 115 Статута Суда ЕАЭС в случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Делегирование данных полномочий означает, что государства будут привлекаться к ответственности за нарушение права ЕАЭС не только со стороны самих государств-членов, но и со стороны интеграционного объединения в лице ЕЭК. Готовы ли государства-члены ЕАЭС на подобный шаг? Ответ остается открытым.

Осуществление международного сотрудничества ЕАЭС в современной геополитической обстановке

Международное сотрудничество — обязательный элемент в механизме полноценного функционирования интеграционного объединения. Как удастся лавировать Евразийскому экономическому союзу в условиях *проблем*, связанных с нескончаемым потоком односторонних ограничительных мер, санкционного режима? На очередном заседании Высшего евразийского экономического совета в 2022 г. были утверждены «Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2023 год»¹²⁹. Данный документ является основополагающим в сфере международного сотрудничества ЕАЭС. Стоит обратить внимание на приоритетные направления:

- активизация взаимодействия с СНГ;
- развитие системного диалога с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Европейским союзом (ЕС), странами БРИКС и другими заинтересованными государствами и объединениями в Центральной Азии и на Ближнем Востоке в целях расширения экономического сотрудничества в контексте идеи Большого Евразийского партнерства (далее — БЭП);
- развитие сотрудничества с международными организациями, региональными интеграционными объединениями и третьими странами, перспективными с точки зрения формирования новых кооперационных и логистических цепочек, ускорения транзита товарных потоков, развития системы международных расчетов и решения других задач, которые будут способствовать внутренней экономической устойчивости государств-членов;
- содействие реализации экспортного потенциала государств-членов, в том числе за счет выхода на новые рынки товаров и услуг и расширения использования национальных валют во взаимных расчетах;

¹²⁹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 9 декабря 2022 г. № 17 «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2023 год» // ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01437185/err_12122022_17.

- оказание содействия государствам-членам в укреплении взаимодействия с ключевыми финансово-кредитными центрами государств — членов АСЕАН и стран Азии;
- идентификация новых возможностей, открывающихся для бизнес-сообществ государств-членов, в условиях меняющейся глобальной экономики, оказание содействия в преодолении барьеров для их деятельности в связи с нарушением транспортно-логистических цепочек и ограничениями функционирования финансовых расчетов в международной торговле и на рынках капиталов в условиях трансформации глобальной экономики;
- проведение системной работы по позиционированию Союза в качестве одного из ключевых региональных экономических интеграционных объединений в мире¹³⁰.

Таким образом, ЕАЭС сохраняет в приоритете сотрудничество с СНГ, региональными интеграционными объединениями, такими как ШОС, АСЕАН, поддерживает идею создания Большого Евразийского партнерства. В свете *проблематичных* отношений с рядом западных стран проект БЕП видится весьма актуальным для ЕАЭС. Стоит напомнить, что БЕП рассматривается не только как обширная зона свободной торговли, но и свободная инвестиционная зона с устранением торговых барьеров. Кроме того, новые условия *экономического правопорядка* послужили толчком для появления новых возможностей для бизнеса, выхода на новые рынки, формирования новых кооперационных и логистических цепочек.

Развитие цифровых технологий и цифровой повестки в рамках ЕАЭС

Цифровая повестка, согласно Основным направлениям реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2015 г., включает в себя круг актуальных для Союза *вопросов* по цифровой трансформации в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства

¹³⁰ Там же.

и углубления сотрудничества государств-членов¹³¹. Среди проблем, выявленных в результате совместного исследования Всемирного банка и ЕАЭС, указывалось различие в национальных инициативах относительно программных приоритетов в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ)¹³². Кроме того, был отмечен недостаточный уровень проникновения цифровых технологий в экономику¹³³. На основе выявленных проблем было предложено поставить во главу угла цифровой повестки ЕЭК «запуск национального плана обеспечения ШПД [широкополосного доступа в Интернет], реформирование рынка труда и трансграничная интеграция»¹³⁴. Позже Межправительственный совет ЕАЭС принял Распоряжение «О создании условий для развития цифровой экосистемы торговли в Евразийском экономическом союзе», где ставилась задача разработать «дорожную карту» для развития цифровой экосистемы в ЕАЭС, а именно по направлению развития цифровых трансграничных услуг, формированию цифровых активов Союза, развитию каналов цифровой торговли между государствами-членами, стимулированию экспорта товаров и услуг из государств-членов в третьи страны, развитию инфраструктуры цифровой торговли (п. 1)¹³⁵.

Какова динамика развития цифровой повестки с момента ее принятия? Распоряжением Коллегии ЕЭК в декабре 2021 г. была создана сформирована Рабочая группа высокого уровня по вопросам цифровой трансформации в ЕАЭС¹³⁶. Как отмечается, «...к концу 2024 г. ожидается увеличение (до 70) числа общих процессов Евразийского экономического союза, по которым будет осуществляться информационный

¹³¹ ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/9ed/resh+12+kop.pdf>.

¹³² Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/5bb/Обзор%20ВВ.pdf> С. 11.

¹³³ Там же. С. 12.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 6 «О создании условий для развития цифровой экосистемы торговли в Евразийском экономическом союзе» // ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/60c/ico_06052019_6.pdf.

¹³⁶ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 21 декабря 2021 г. № 2918 «О рабочей группе высокого уровня по вопросам цифровой трансформации в Евразийском экономическом союзе» // ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/608/err_24122021_218.pdf.

обмен между странами ЕАЭС»¹³⁷. В том числе цифровизация коснется и климатической повестки. Правовая база уже сформирована на внутригосударственном уровне, остается устранить пробел на уровне ЕАЭС. Стоит рассмотреть вопрос подробнее.

Так, в соответствии со статьей 8 ФЗ от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» государственный учет выбросов парниковых газов осуществляется в форме ведения реестра выбросов парниковых газов, который является государственной информационной системой, в соответствии с настоящим Федеральным законом, законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации и иными нормативными правовыми актами (п. 3)¹³⁸. Информация о выбросах парниковых газов, содержащаяся в реестре выбросов парниковых газов, является общедоступной информацией в соответствии с п. 1 ст. 12 ФЗ. По Постановлению Правительства РФ от 14 марта 2022 г. «О критериях отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к регулируемым организациям» предоставлять отчетность будут крупные промышленные предприятия с выбросами парниковых газов, эквивалентными более 150 тыс. т углекислого газа в год¹³⁹. А полномочиями в области регулирования выбросов парниковых газов согласно Постановлению от 9 марта 2022 г. были наделены Минприроды, Минтранс, Минэнерго, Минэкономразвития, Минпромторг, Минсельхоз, Минстрой, Росгидромет и Рослесхоз¹⁴⁰.

¹³⁷ Общие процессы в рамках ЕАЭС — операции и процедуры, регламентированные (установленные) международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов, которые начинаются на территории одного из государств-членов, а заканчиваются (изменяются) на территории другого. ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://digital.eaeunion.org/extranet/news/?ELEMENT_ID=11796.

¹³⁸ Федеральный закон от 02.07.2021 N 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть I), ст. 5124.

¹³⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 марта 2022 г. № 355 «О критериях отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к регулируемым организациям». См. официальный сайт Правительства РФ: <http://static.government.ru/media/files/g1cBTQ6yezY2XCjOvDAE DhVrmYLUscmw.pdf> (дата обращения: 1.04.2022).

¹⁴⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 310 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части определения федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области ограничения выбросов парниковых газов». Официальный сайт Правительства РФ: <http://static.government.ru/media/files/WRJo67E7ILJ7otMscCUYR5mN9pbmLzSS.pdf> (дата обращения: 1.04.2022).

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 была принята Государственная программа «Цифровой Казахстан»¹⁴¹. Как отмечается в документе, сфера охраны окружающей среды нуждается в оперативной, достоверной и полноценной информации. В связи с этим вопросы автоматизации имеют важное стратегическое значение, так как в дальнейшем результаты деятельности в области охраны окружающей среды будут складываться в зависимости не только от состояния материальной базы, квалификации персонала, но и достоверности и оперативности представления всей экологической информации (п. 3.1). Для реализации национальной стратегии устойчивого развития планировалось создание «Единой государственной системы мониторинга окружающей среды и природных ресурсов» (п. 5.2)¹⁴². В соответствии со статьей 152 Экологического кодекса Республики Казахстан данная система включает в себя информационную систему «Национальный банк данных о состоянии окружающей среды и природных ресурсов Республики Казахстан»¹⁴³. Система «Национальный банк данных...» должна обеспечивать интеграцию и автоматизированный обмен данными¹⁴⁴:

- 1) банков данных систем, подсистем и видов мониторинга, включенных в структуру Единой государственной системы мониторинга окружающей среды и природных ресурсов;
- 2) государственных кадастров природных ресурсов;
- 3) государственного кадастра отходов;
- 4) государственного климатического кадастра;
- 5) государственного углеродного кадастра;
- 6) государственного кадастра потребления озоноразрушающих веществ;
- 7) регистра выбросов и переноса загрязнителей Республики Казахстан;

¹⁴¹ См.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 1.04.2022).

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI «Экологический кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 27.12.2021).

¹⁴⁴ Планировалось ввести в эксплуатацию в июне 2021 года, сайт по состоянию на 03.04.2022 г. не работает: <https://qazgeology.kz/elementor-13879/> (дата обращения: 3.03.2021).

- 8) государственного реестра экологических разрешений и деклараций о воздействии на окружающую среду;
- 9) реестра субъектов предпринимательства в сфере управления отходами;
- 10) государственного реестра объектов исторического загрязнения (статья 155).

24 сентября 2021 г. Кабинет Министров Кыргызской Республики издал Распоряжение № 201-р по утверждению Плана мероприятий по реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О мерах по обеспечению экологической безопасности и климатической устойчивости Кыргызской Республики» от 19 марта 2021 года № 77, где, в частности, предусмотрено разработать и обеспечить функционирование информационной онлайн-платформы по климатической информации и знаниям, создать базы данных проектов в сфере изменения климата и разработать и внедрить онлайн-платформы по экологическим нарушениям к IV кварталу 2023 г. (п. 23 и 24 табл.)¹⁴⁵.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы¹⁴⁶. В документе предусматривается выполнение мероприятий по созданию современной информационно-коммуникационной инфраструктуры. Прогнозируется, что комплексная цифровая трансформация процессов государственного управления поможет достигнуть целей устойчивого развития, в том числе в сфере обеспечения экологической устойчивости населенных пунктов.

В программе Правительства Республики Армения на 2021–2026 гг. Цифровизация также предусмотрена¹⁴⁷: «...создание современной циф-

¹⁴⁵ Распоряжение Кабинета Министров КР от 24 сентября 2021 года № 201-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О мерах по обеспечению экологической безопасности и климатической устойчивости Кыргызской Республики» от 19 марта 2021 года № 77». Сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/218675/10>.

¹⁴⁶ См. сайт Министерства связи и информации Республики Беларусь <https://www.mpt.gov.by/ru/news/04-02-2021-6992>.

¹⁴⁷ Утверждена постановлением Правительства Республики Армения № 1363-А от 18 августа 2021 года. См. сайт Правительства Республики Армения: <https://www.gov.am/files/docs/4736.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).

ровой среды имеет стратегическое значение для Армении, поскольку считается эффективным инструментом управления, производства, продвижения»¹⁴⁸. В рамках климатической повестки предусматривается совершенствование единой системы контроля и мониторинга охраны окружающей среды, внедрение единых и современных систем разрешений, лицензий, скоординированное управление первичной информацией, совершенствование системы оценки воздействия на окружающую среду и экспертизы на основе принципа предупреждения путем внедрения действенных механизмов, направленных на повышение качества экспертизы¹⁴⁹.

С учетом положений статьи 6¹⁵⁰ Парижского соглашения¹⁵¹, а также статей 52¹⁵², 79¹⁵³, 86¹⁵⁴ Договора о ЕАЭС¹⁵⁵ представляется, что государства-члены могли бы наделить ЕАЭС соответствующей компетенцией в области реализации климатической повестки. Стоит вспомнить проект «О формировании Евразийского Союза Государств» 1994 г. (далее — ЕАС)¹⁵⁶, где еще в те времена предлагались такие механизмы, как формирование фонда по экологии при Совете глав государств ЕАС, реализующего экологические программы и финансируемого всеми государствами-участниками, координация действий с международными организациями по снижению степени экологического загрязнения и др. Данная идея, как никогда, кажется весьма актуальной и необходимой. Подобные меры будут способствовать многостороннему ин-

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Стороны признают, что некоторые Стороны используют добровольное сотрудничество при осуществлении своих определяемых на национальном уровне вкладов, с тем чтобы создать возможности для повышения амбициозности их действий по предотвращению изменения климата и адаптации и поощрения устойчивого развития и экологической целостности.

¹⁵¹ См. текст на русском языке на официальном сайте Рамочной конвенции ООН об изменении климата: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf.

¹⁵² О разработке и принятии технических регламентов, нацеленных на защиту окружающей среды, обеспечение энергетической эффективности и ресурсосбережения.

¹⁵³ Об обеспечении эффективного использования топливно-энергетических ресурсов.

¹⁵⁴ О снижении вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека.

¹⁵⁵ См.: Аналитический доклад «О международных подходах к разработке и внедрению принципов, мер и механизмов «зеленой» экономики» Департамента макроэкономической политики ЕЭК. С. 22–23: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/939/Doklad_Zelenaya_ekonomika_PDF_sayt.pdf.

¹⁵⁶ См. выдержки из документа на официальном сайте ЕАЭС: <http://www.eaeunion.org/#about-history>.

тегрированному уровню сотрудничества по стандартизации, обороту углеродными единицами и иным сферам отношений, касающихся климатической повестки.

Участие ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС в решении проблемы контроля в отношении климата

Евразийский экономический союз и государства-члены задействованы, среди прочего, в решении еще одной крупной *проблемы*, влияющей на состояние международного правопорядка, а именно на обеспечение устойчивого климата на планете — контроле в отношении процесса глобального потепления.

Понятно, что изменение климата существенно повлияет и на международный *экономический* правопорядок. Так, регулирование климата затронет правовые режимы в значимых секторах национальной экономики: электроэнергетической, нефтегазовой, горнодобывающей, металлургической, химической, обрабатывающей промышленности (в части производства цемента, извести, гипса и кирпича и т. п.), что, в свою очередь, приведет к подвижкам в международной торговле с необходимыми корректировками в международно-правовом регулировании на всех уровнях; последствия скажутся в бюджетной сфере государств — в регулировании платежных балансов.

Международно-правовой основой «зеленой» повестки является Парижское соглашение 2015 г., поставившее целью удержание прироста глобальной средней температуры в атмосфере Земли (ст. 2)¹⁵⁷. Государства-члены должны добиться углеродной нейтральности (нулевого уровня выбросов парниковых газов), разработать правовые механизмы регулирования¹⁵⁸. Соответствующие программы, подготовленные государствами-членами ЕАЭС, были представлены в секретариат Парижского соглашения¹⁵⁹.

¹⁵⁷ РКИК ООН // Парижское соглашение [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf. — Загл. с экрана.

¹⁵⁸ ЦБ РФ // Глоссарий терминов в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cbr.ru/develop/ur/faq/>. — Загл. с экрана.

¹⁵⁹ РКИК ООН // перечень ОНУВ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/Pages/All.aspx>. — Загл. с экрана.

Однако и на этом пути выявились более конкретные *проблемы* нормативного и институционального свойства. Во-первых, как оказалось, в ЕАЭС отсутствовали необходимые структуры, которые скоординированно решали бы задачу, поставленную Парижским соглашением. Во-вторых, законодательство государств-членов ЕАЭС в части «зеленых» технологий и защиты окружающей среды настолько разнородно, что на его унификацию требуются время и значительные усилия. В-третьих, такая унификация наталкивается на противоречивые интересы государств-членов.

Решение этих *проблем* началось с принятия Советом ЕЭК распоряжения «о плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (2021)¹⁶⁰. Во исполнение распоряжения была создана Рабочая группа высокого уровня, которая занялась выработкой предложений по сближению позиций государств-членов ЕАЭС в рамках климатической повестки¹⁶¹.

На преодоление разнородности законодательства были направлены, в частности, такие акты ЕАЭС, как: Заявление Высшего Евразийского экономического совета (2021) об экономическом сотрудничестве государств-членов ЕАЭС; в нем государств-члены ЕАЭС декларировали намерение сближать подходы к мониторингу и верификации выбросов и поглощения парниковых газов, двигаться в направлении взаимного международного признания механизмов обращения углеродных единиц¹⁶². Позднее премьер-министры стран ЕАЭС одобрили «дорожную

¹⁶⁰ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4 «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «Гарант»: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400674454/>.

¹⁶¹ Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 сентября 2021 года № 150 «О рабочей группе высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки» // <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ffc/Rasporyazhenie-150.pdf> Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20 августа 2021 года № 10 «О формировании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки» // <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d1d/3.-Rasporyazhenie-10-EMPS.pdf>.

¹⁶² ЕЭК // Заявление об экономическом сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ec0/Zayavlenie-ramka-.pdf>.

карту» по сотрудничеству в рамках климатической повестки (2022)¹⁶³, включившей ряд направлений: анализ национального законодательства; разработку предложений по формированию совместных рыночных и нерыночных механизмов углеродного регулирования; координацию в сфере международных торговых отношений по вопросам климатической повестки¹⁶⁴ и т. п.

Разнородные подходы государств-членов, отраженные в законодательстве, касаются, в частности, следующих вопросов: понятийный и терминологический аппарат; статус нормативных актов; установление стандартов и нормативов загрязнения воздуха; ответственность за нарушение нормативов¹⁶⁵; объем и содержание полномочий соответствующих государственных органов в области охраны атмосферного воздуха; участие или неучастие государств-членов ЕАЭС в дополнительных соглашениях, в частности об охране озонового слоя; национальные системы кадастров выбросов, квотирования выбросов, инвентаризации парниковых газов; учет поглощающей способности лесов и других экосистем; формы отчетности операторов; организация информационных систем, в том числе в сфере энергосбережения.

Во всех государствах-членах ЕАЭС предусмотрен приоритет норм международного права над положениями национального законодательства, в том числе в климатической сфере. Это означает, что, координируя унификацию подходов и законов по данной проблематике, государства-члены ЕАЭС должны исходить из приоритета и первоочередного учета норм Парижского соглашения. Эта ситуация напоминает ситуацию с унификацией внутреннего законодательства государств-членов ЕАЭС в связи с Соглашением об учреждении ВТО: государства ЕАЭС признали отдельным соглашением приоритет норм права ВТО и на этой базе унифицировали внутренние правовые системы.

¹⁶³ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16529412/strany-eaes-budut-sotrudnichestvo-klimaticheskoi-povestke>

¹⁶⁴ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.alt.ru/ts_news/94435/

¹⁶⁵ Закон Республики Армения от 1 ноября 1994 года № ЗР-121 «Об охране атмосферного воздуха» // Официальные ведомости Республики Армения. 1994. № 21. Ст. 365.

Подытожив все вышеизложенное, можно сказать, что спектр *проблем регионального экономического правопорядка* на уровне ЕАЭС весьма широк, не все аспекты нашли свое место в рамках настоящей публикации, однако их важность в связи с этим не умалается. Союз активно работает над их преодолением. В завершение стоит отметить, что, по словам председателя Коллегии ЕЭК Михаила Мясникова, в условиях ограничений, санкций и карантинных мероприятий пандемии Евразийский экономический союз доказал свою состоятельность¹⁶⁶.

¹⁶⁶ ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/mikhail-myasnikovich-v-usloviyakh-ogranicheniy-sanktsiy-i-pandemii-eaes-dokazal-svoyu-sostoyatelnost/>. — Загл. с экрана.

Глава 7

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ ИНСТИТУТОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (СНГ, СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛОРУССИИ, ЕАЭС)

С.В. Комендантов

1. Содружество Независимых Государств (СНГ)

Общая картина современного международного экономического правопорядка со всеми ее интеграционными процессами будет неполной без внимания к Содружеству Независимых Государств (СНГ), Союзному государству России и Белоруссии, Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), составляющих основу евразийского цивилизационного пространства. В условиях трансформации международной системы и, как следствие, международно-правовой системы значение евразийского полюса складывающегося мироустройства возрастает.

Вопрос о месте и роли СНГ в обеспечении международного экономического правопорядка на современном этапе представляет научный и практический интерес. Как известно, с созданием Содружества Независимых Государств было прекращено существование Советского Союза (1991). Международно-правовую базу появления и деятельности СНГ составили: Соглашение о создании СНГ, протокол к нему (1991), Устав СНГ (1993). В Содружество вошли: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина. Изначально подчеркивалось, что Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями. СНГ получило статус наблюдателя в ГА ООН и в ЮНКТАД (1994).

В последующем Грузия прекратила членство в СНГ (2008); Туркменистан заявил, что будет участвовать в Содружестве в качестве ассоциированного члена (2005); Украина (не ратифицировавшая Устав)

начала процедуру выхода из СНГ (2014) и де-факто прекратила участие в работе органов Содружества. Таким образом, одна из проблем, сопровождавших деятельность СНГ, связана с качеством членства в организации, со статусом государств-участников, с юридическим оформлением (или с отсутствием юридического оформления) различных форм участия государств в СНГ.

Связана с этим проблема эффективности управления деятельностью Содружества, достаточности полномочий/компетенции его органов. Соглашением о координационных институтах СНГ (1991) определено, что высшими органами Содружества являются Совет глав государств (СГГ) и Совет глав правительств (СГП), что закреплено и в Уставе СНГ. Решением СГГ (1996) утверждены правила процедуры этих органов. Они уполномочены координировать деятельность государств-участников Содружества в сфере их общих интересов, принимать решения по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики.

Координационная функция — главный инструмент управления деятельностью Содружества, что само по себе предполагает мягкое воздействие на государств-членов и, как следствие, не всегда достаточную эффективность нормативного регулирования взаимодействия государств-членов.

Из основополагающих актов вытекает *предмет* регулирования отношений в рамках СНГ. С нормативной точки зрения, в рамках СНГ активно используются как акты мягкого права, так и международные договоры. Примерами первой категории актов могут служить: Концепция дальнейшего развития СНГ и План основных мероприятий по ее реализации (2007); Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (2008)¹⁶⁷.

Примерами международных договоров, которые обозначали определенные этапы и проекты в развитии Содружества, являются, в частности: Соглашение об обмене экономической информацией (1992);

¹⁶⁷ <https://cis.minsk.by/page/18764> (дата обращения: 16.03.2023).

Договор о создании Экономического союза (1993)¹⁶⁸; Договор о зоне свободной торговли СНГ (2011)¹⁶⁹ и др.

В *предмет* регулирования в рамках СНГ подпадает очень широкий круг отношений, который постепенно — от решения к решению — расширяется, только в экономической сфере регламентируются:

- формирование общего экономического пространства товаров (перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы);
- проведение экономических реформ;
- дальнейшее развитие взаимной торговли;
- либерализация условий и отмена действующих ограничений и изъятий из режима свободной торговли;
- поощрение и взаимная защита инвестиций;
- кредитно-финансовая политика;
- энергетическое сотрудничество, в т. ч. энергосбережение;
- транспортное взаимодействие;
- продовольственная безопасность;
- развитие нанотехнологий;
- миграция;
- работа по стандартизации и сертификации промышленной продукции и товаров;
- правовая охрана интеллектуальной собственности;
- развитие общего информационного пространства;
- осуществление совместных природоохранных мероприятий;
- оказание взаимной помощи в ликвидации последствий экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций;
- осуществление совместных проектов и программ в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры и спорта и др.

Сфера взаимодействия государств-членов СНГ распространяется также на социальную область: в сферу молодежной политики, разработки совместных социальных программ.

¹⁶⁸ <https://cis.minsk.by/page/334> (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁶⁹ https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2019-06/03/Договор%20о%20зоне%20свободной%20торговли.docx (дата обращения 16.03.2023).

Реализация многих международных договоров осуществляется через соответствующие органы государств-членов; часто — на межведомственном уровне. Возникают проблемы взаимодействия национальных органов различных государств друг с другом, достаточности и полноты их компетенций. Министерства и ведомства государств СНГ обмениваются информацией, издают необходимые нормативные акты. Чтобы облегчить эту работу создан Статистический комитет Содружества. Тем самым нормативная сторона деятельности СНГ в необходимых случаях обеспечивается институциональной инфраструктурой, и все это вместе подвигает государства к унификации внутреннего законодательства.

Зона межведомственных правовых отношений расширяется за счет правового регулирования связей на уровне предпринимательских структур, формирования совместных предприятий, банков, межрегионального и приграничного сотрудничества.

Упомянутая выше Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (2008) сыграла важную координирующую роль для укрепления межгосударственных экономических отношений. Можно сформулировать закономерность: чем глубже нормативное регулирование экономических отношений между государствами-членами, тем выше роль и значимость СНГ в целом в сложившейся системе международного экономического правопорядка.

Стратегия также дополнительно расширила предмет взаимодействия государств-членов СНГ и конкретизировала многие аспекты. Благодаря ей государства Содружества несколько смягчили последствия финансово-экономических кризисов 2008–2009 и 2014–2015 годов, а также затронувшей весь мир пандемии COVID-19.

Согласно Стратегии-2020 в расширившийся предмет регулирования отношений в рамках СНГ попали: химическая и нефтехимическая промышленность, автомобилестроение, энергетическое машиностроение, область цифровизации. Были сформированы общие рынки мясомолочной продукции, сахара, овощей и фруктов. В сфере транспорта государства сосредоточились на развитии международных транспортных коридоров, системе транспортной безопасности. Продолжалась

работа по совершенствованию тарифной политики СНГ, направленной на привлечение дополнительных объемов перевозок железнодорожным транспортом, включая установление конкурентоспособных сквозных ставок на перевозки грузов. Стороны не оставили без внимания топливно-энергетический комплекс, имея в виду параллельно работающие энергосистемы, совместное развитие ядерной энергетики и возобновляемых источников энергии.

Осуществлялось поэтапное формирование интегрированного валютного рынка, фондового и страхового рынков на пространстве СНГ, развивалось сотрудничество налоговых и таможенных органов, взаимодействие в сферах антимонопольной и конкурентной политики. Достигнуты значимые результаты в формировании общего рынка труда и регулировании миграции, развитии социально-гуманитарных связей.

Понятно, что при таком широком диапазоне регулируемых отношений проблемы во взаимодействии государств могут носить реальный характер, связанный с экономикой, с государственными интересами, но в значительной степени они связаны также с недостаточностью или с неэффективностью нормативного регулирования. Именно там, где недостаточно или неэффективно нормативное регулирование, наиболее остро проявляются проблемы в реальной жизни. Наиболее яркий пример — область трудовой миграции.

По окончании действия Стратегии-2020 решением Совета глав правительств СНГ (2020) была утверждена Стратегия экономического развития СНГ на период до 2030 года¹⁷⁰. Нормы мягкого права из этой стратегии налагаются на базовые международно-правовые принципы: взаимной выгоды, равноправия, учета интересов друг друга, что придает определенную иерархичность нормативному регулированию внутри СНГ и устойчивость этого регулирования.

В Стратегии-2030 были обозначены проблемы наступившего периода: турбулентность и неопределенность мировой экономики, замедление мирового экономического роста, усиление структурных дисбалансов в мировой финансовой системе и волатильности на основных то-

¹⁷⁰ <https://www.bc-cis.com/docs/strategy-2030.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).

варных и валютных рынках, ощутимо затронувшие государства СНГ. Подобные проблемы в идеале следовало бы решать всем комплексом нормативных и институциональных мер, принимая твердые решения, создавая необходимые органы и организации. Именно этого инструментария в СНГ и не хватает, в том числе по причине главенствующего ориентира на разноуровневую и разноскоростную интеграцию. Такая политика объективно закрепляет за СНГ действующее качество и правовой инструментарий взаимодействия государств-членов. Можно предположить, что значение мягкого права как средства нормативного регулирования будет увеличиваться.

Проблем добавляется из-за несогласованности между СНГ и ЕАЭС — между правовыми режимами, действующими в организациях. Количественно контуры интеграции на различных организационно-правовых уровнях имеют несколько «рваные» очертания: в зоне свободной торговли СНГ участвуют 9 государств; в Евразийском экономическом союзе — 5 государств. Многие сферы отношений подвергаются нормативному регулированию одновременно в каждой из этих структур, причем с разной степенью. Речь идет, например, о производственно-технологической и научно-технической кооперации, гармонизации технического регулирования. Очевидно, что СНГ в конкуренции между двумя организациями с интеграционными характеристиками продолжит оставаться вторым кольцом интеграции на евразийском пространстве.

2. Союзное государство России и Белоруси

Еще одним ключевым звеном евразийского полюса в международном экономическом правопорядке является Союзное государство (СГ) России и Белоруссии, созданное соответствующим Договором 1999 года. Из трех организационно-правовых форм интеграции на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС, Союзное государство) именно Союзное государство нацелено на самые глубокие связи в реальности и на наиболее продвинутое правовое обеспечение таких связей. Речь идет фактически о слиянии потенциалов двух государств, прежде всего в экономической, социальной, интеллектуальной сферах на базе общих механизмов и принципов.

Многие проблемы нормативного регулирования всего спектра отношений, которые очевидны в рамках СНГ или ЕАЭС, сняты внутри Союзного государства. Международно-правовой режим взаимодействия двух государств — России и Беларуси — использует технологию, свойственную конституциям федеративных государств, — разграничения предметов ведения. С этой точки зрения Союзное государство можно рассматривать как некую конфедерацию с чертами международной организации — ядро будущего евразийского полюса. Нормы Договора о создании СГ, а также актов, принимаемых органами СГ, образуют своего рода «право СГ».

К исключительному ведению Союзного государства относятся, например: создание единого экономического пространства и правовых основ общего рынка, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы в пределах территорий государств-участников, равные условия и гарантии для деятельности хозяйствующих субъектов; единая денежно-кредитная, валютная, налоговая и ценовая политика; единые правила конкуренции и защиты прав потребителей; единая торговая и таможенно-тарифная политика в отношении третьих стран, международных организаций и объединений; единое законодательство об иностранных инвестициях.

В Союзном государстве, согласно договору, действует унифицированное, а затем и единое законодательство, регулирующее хозяйственную деятельность, в том числе гражданское и налоговое законодательство. Государства-участники проводят единую торговую политику в отношении третьих стран, международных экономических организаций и экономических объединений, применяют единые ставки ввозных и вывозных таможенных пошлин, единые таможенные режимы и единый порядок таможенного оформления и контроля, унифицируют законодательство о государственном регулировании внешнеторговой деятельности и о защите экономических интересов государств-участников при осуществлении внешней торговли.

Одна из главных проблем на сегодняшний день видится в несколько устаревшем предмете регулирования отношений в рамках СГ: реальные отношения во многих сферах ушли вперед. И вторая, связанная с первой проблема: несогласованность международно-правовых режи-

мов внутри Союзного государства и внутри ЕАЭС; во многих вопросах международно-правовой режим отношений государств-членов внутри ЕАЭС глубже и детальнее, чем внутри Союзного государства. «Право СГ» не согласовано с «правом ЕАЭС».

В 2012 году стороны СГ подписали Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией (орган ЕАЭС) и Постоянным комитетом Союзного государства России и Беларуси (2012)¹⁷¹.

Меморандум скоординировал предметы регулирования, куда вошли: торговая политика и упрощение торговых процедур; техническое регулирование, стандартизация и обеспечение единства измерений; транспорт и перевозки; энергетическое сотрудничество; межгосударственные программы в промышленности и агропромышленном комплексе; миграционная политика; конкурентная политика и политика в области ценообразования.

К сожалению, ускоренной унификации внутренних правовых систем России и Белоруссии пока все еще препятствует разница в уровне экономического развития двух стран. Чтобы снять эту экономико-правовую проблему Россия и Белоруссия заключили Программу действий (2019) по реализации положений Договора о создании Союзного государства, состоящую из 28 союзных программ. На заседании Высшего Госсовета Союзного государства президенты двух стран подписали Декрет № 6 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» (2021)¹⁷². Декрет утвердил все союзные программы. Таким образом, в предмет правоотношений в рамках Союзного государства попали следующие области:

- сближение макроэкономической политики;
- гармонизация денежно-кредитной политики и макропруденциального регулирования;
- гармонизация валютного регулирования и валютного контроля;
- гармонизация требований в области обеспечения информационной безопасности в финансовой сфере;

¹⁷¹ https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0054189/ms_20052013 (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁷² <https://etalonline.by/document/?regnum=ad2100022> (дата обращения: 15.03.2023).

- гармонизация норм регулирования кредитных и некредитных финансовых организаций, а также финансового рынка в целом, включая обеспечение создания единых принципов страхования вкладов;
- гармонизация требований в области противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и финансового терроризма (ПОД/ФТ) для финансового сектора;
- интеграция платежных систем в области национальных систем платежных карт, систем передачи финансовых сообщений и расчетов, внедрения международного стандарта финансовых сообщений ISO 20 022, системы быстрых платежей, развития финансовых технологий, гармонизированных подходов в области надзора и наблюдения за платежными системами;
- гармонизация требований в области защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов, а также предотвращения недобросовестных практик на финансовом рынке;
- интеграция информационных систем государственных контролирующих органов по прослеживаемости товаров;
- интеграция информационных систем по маркировке товаров;
- гармонизация налогового и таможенного законодательства и сотрудничество в таможенной сфере;
- интеграция информационных систем государственных контролирующих органов в части ветеринарного и карантинного фитосанитарного контроля;
- интеграция информационных систем транспортного контроля государственных контролирующих органов;
- унификация регулирования транспортного рынка;
- формирование объединенного рынка газа;
- формирование объединенных рынков нефти и нефтепродуктов;
- формирование объединенного рынка электрической энергии;
- развитие атомной энергетики;
- формирование единой аграрной политики;
- формирование единой промышленной политики;
- введение единых правил доступа к государственному заказу и государственным закупкам;

- единые правила в области защиты прав потребителей;
- единые правила конкуренции;
- унификация требований к организации и осуществлению торговой деятельности;
- формирование единых принципов функционирования единого рынка связи и информатизации;
- унификация регулирования бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности;
- унификация законодательства в сфере туристской деятельности;
- проведение согласованной политики в социально-трудовой сфере.

Если реальные отношения, как правило, развиваются быстрее, чем их правовое регулирование, в случае с планами в Союзном государстве принятый декрет, наоборот, нормативно опережает сложившиеся реалии и как бы стимулирует к развитию реальные отношения.

Вместе с тем проблема видится в правовой необеспеченности реализации самого декрета, в нехватке (в недоиспользовании) правового инструментария и соответствующих актов. По Договору о создании Союзного государства (ст. 58) предусмотрено принятие органами СГ, помимо декретов, также еще и законов, основ законодательства и др. — с учетом разграничения предметов ведения. Декреты и законы после опубликования подлежат прямому применению. Следует обратить внимание, что в рамках своей правотворческой компетенции органы СГ недоиспользуют данный потенциал, и, как итог, на территории России и Белоруссии до сих пор не сформировано полноценное и всеохватное единое правовое пространство.

3. Евразийский экономический союз (ЕАЭС)

Глобальные интеграционные процессы, охватившие мир и все континенты, в наиболее зримой форме проявляются сегодня на постсоветском пространстве в создании и деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который представляет собой экономическую основу евразийского полюса в международной системе. ЕАЭС, по сути, оформил и закрепил цивилизационное единство близких друг другу государств.

В связи с этим не случайно к ЕАЭС и праву ЕАЭС усиливается внимание со стороны международно-правовой науки.

История интеграции с участием России и бывших советских республик началась с СНГ и последующих договоров, которые постепенно вели интеграцию к образованию ЕАЭС. В 1995 году было подписано Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Затем к Таможенному союзу присоединились Республика Казахстан и Кыргызская Республика (1996). Позднее был подписан Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, к которому присоединился Таджикистан. В 2000 году указанные государства заключили Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества — ЕврАзЭС: был взят курс на создание Таможенного союза и Единого экономического пространства, закрепленный в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве.

Формирование Таможенного союза (ТС) означает образование единой таможенной территории и, как следствие, движение в сторону свободной торговли товарами. В соответствии с Договором о Таможенном союзе (2007) была учреждена Комиссия Таможенного союза, ставшая позднее Евразийской экономической комиссией (2011).

Уже на этом пути Таможенный союз и государства-члены столкнулись с проблемой параллельного формирования международных правовых режимов: на глобальном уровне — в рамках ВТО; на региональном уровне — в рамках нового Таможенного союза. Встала задача — совместить эти режимы, построить региональное международно-правовое регулирование торговли в глобальный международный торговый правопорядок. Эта задача была юридически оформлена Декларацией о Евразийской экономической интеграции (2011). В связи со вступлением России в ВТО был подписан Меморандум о взаимодействии между Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссией по вопросам ВТО (2014). Россия стала 156-м членом ВТО и первым представителем государств-членов ТС и ЕЭП в этой организации.

Вторым главным направлением взаимодействия государств-участников ТС стало движение в сторону создания Единого экономического

пространства (ЕЭП). Президенты России, Беларуси и Казахстана утвердили (2009) План действий по формированию ЕЭП, включавший разработку соответствующих международных договоров. Таким образом, основным нормативным инструментарием для решения задачи создания ТС и ЕЭП изначально были избраны международные договоры. С созданием ЕЭП (2014) необходимость в ЕврАзЭС с его недостаточными компетенцией и предметом регулирования отпала.

В 2014 году был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза¹⁷³ (ЕАЭС) на базе Таможенного союза и ЕЭП. Договор вступил в силу с 1 января 2015 г. Сегодня в ЕАЭС участвуют: Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Кыргызстан. Куба, Молдова и Узбекистан имеют в ЕАЭС статус наблюдателя. ЕАЭС обладает полной международной правосубъектностью и заключил ряд соглашений о свободной торговле с третьими странами: Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, Ираном (временное соглашение).

Рабочий проект Договора о создании ЕАЭС первоначально начинал разрабатывать международный научный коллектив трех стран; от России (примечательный факт) — коллектив юристов-международников Всероссийской академии внешней торговли МЭР РФ. Затем подготовленный проект был передан для дальнейшей проработки в органы государств и на переговорную площадку. Договор о ЕАЭС, в отличие от Договора о создании Союзного государства России и Белоруссии, не предусматривает разграничения компетенции между Союзом и государствами-членами.

В договоре юридически по-прежнему закреплены два направления межгосударственного взаимодействия: функционирование Таможенного союза и Единого экономического пространства. Таможенный союз функционирует на основе Единого таможенного тарифа ЕАЭС и единого Таможенного кодекса ЕАЭС¹⁷⁴. Все необходимые нормы для осуществления международной торговли товарами в рамках ЕАЭС созданы. В приложении № 31 к Договору со ссылкой на Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой

¹⁷³ https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁷⁴ https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 15.03.2023).

системы (2011) закреплён приоритет норм ВТО по сравнению с нормами права ЕАЭС.

Предмет регулирования в рамках Союза делится на три группы:

- сфера единой политики (с унификацией правового регулирования);
- сфера согласованной политики (с гармонизацией правового регулирования);
- сфера скоординированной политики (сотрудничество на основе общих подходов).

Единой политикой осуществляется управление Таможенным союзом; посредством согласованной политики — управление Единым экономическим пространством; скоординированная политика используется в иных сферах, например в сфере энергетики, и т. п.¹⁷⁵.

Применение такого сложного механизма управления Союзом и сфер его деятельности порождает внутри международно-правового режима ЕАЭС множество дифференцированных режимов, опирающихся на разные группы норм Договора и национальных правовых систем. Механизм перегружен и тяжёл.

Наряду с этой проблемой очевидны также и некоторые другие проблемы, так или иначе связанные с «правом ЕАЭС», как оно сложилось сегодня.

Так, например, правовое поле ЕАЭС содержит в себе множество пробелов и нестыковок. За его пределами находятся, в частности, некоторые товарные рынки, особенно чувствительные для государств-членов, — отсюда множество исключений из общего режима свободной торговли. Таможенное регулирование требует дальнейшего совершенствования. Оставляет желать лучшего уровень унификации законодательства государств-членов, кодификации международных договоров, составляющих правовую базу ТС. Часто переданная Союзу (ЕЭК) компетенция не стыкуется с компетенциями соответствующих органов и инстанций в государствах-членах. Общая проблема — слабая правовая дисциплина государств-участников.

¹⁷⁵ Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифищ И.М. Правовые новеллы Договора о ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4. С. 88–100.

Особую категорию проблем составляют взаимоотношения между ЕАЭС и ВТО, государствами-членами ЕАЭС и ВТО. В этой сфере также можно усмотреть множество образованных де-факто дифференцированных режимов: между Россией и ВТО; между другими государствами-членами ЕАЭС и ВТО; между государствами-членами, не являющимися сторонами ВТО, с одной стороны, и самой ВТО — с другой; между ЕАЭС и третьими странами в контексте правил ВТО. До сих пор ВТО квалифицирует меры, вводимые ЕАЭС, преимущественно как меры, введенные государством — членом ЕАЭС (в частности, Россией), а не меры ЕАЭС как международной интеграционной организации.

Упомянутый выше Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (2011) предусматривает, что с даты присоединения любой из сторон договора к ВТО обязательства, взятые в качестве условия ее присоединения к ВТО, становятся частью правовой системы Таможенного союза. При этом первая присоединяющаяся к ВТО сторона договора обязана информировать другие государства-участники о взятых обязательствах и координировать с ними соответствующие действия. Данное положение, разумеется, отражается на политике регулирования ставок Единого таможенного тарифа ТС. При последующем присоединении к ВТО другого государства-члена ЕАЭС его обязательства перед ВТО также становятся частью правовой системы ТС. Такой конструкцией взаимоотношений, касающихся обязательств по праву ВТО, созданы предпосылки для умножения международно-правовых режимов государств-членов ЕАЭС в части соблюдения ими правил ВТО.

В заключение можно добавить, что ЕАЭС по-прежнему остается единственной организацией интеграции, которая служит цивилизационным достоянием всего евразийского пространства. Перспективы усиления ее роли и места в международном экономическом правопорядке тесно увязаны с возможностью создания Большого евразийского партнерства¹⁷⁶.

¹⁷⁶ Шумилов В.М., Салия М.Р. Идея Всеобщего (Большого) евразийского партнерства в свете международного права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1–2.

Глава 8

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО РЕЖИМА В ЕС

Н.Г. Ищенко, Н.Н. Мазаева, Е.Н. Монокин

Европейский правопорядок, являясь частью международного правопорядка, под воздействием различных факторов переживает процесс трансформации. Миграционный и энергетический кризисы, высокая инфляция, экологические вызовы, сокращение обрабатывающей промышленности негативно сказываются на экономике Европейского союза, оказывая, в свою очередь, влияние на экономический правопорядок ЕС.

Иммиграционная политика в праве ЕС

Одной из ключевых проблем в Европейском союзе является проблема массовой миграции. Воздействие миграции на развитие интеграционных процессов в ЕС противоречиво, а воздействие вынужденной миграции порождает негативные эффекты. Рост расходов на интеграцию беженцев (не только из бюджетов государств-членов, но и из бюджета ЕС), на противодействие нелегальной миграции, конкуренция за рабочие места, рост теневого сектора — это лишь часть проблем, которые влияют на экономику как государств, так и Европейского союза в целом. Если трудовая миграция при определенных условиях может оказать влияние на экономический рост¹⁷⁷, то массовая миграция связана с долгосрочными негативными последствиями, как экономическими, так и социально-культурными. Кроме того, массовая миграция в страны Европейского союза может оказывать дезинтеграционный эффект, учитывая до сих пор сохраняющиеся серьезные разногласия между государствами-членами.

В 2014–2016 гг. Европейский союз столкнулся с наиболее серьезным со времен Второй мировой войны миграционным кризисом. По данным Евростата, с ходатайством о предоставлении убежища

¹⁷⁷ См.: Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы // под ред. О.Е. Трофимовой. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 45.

в 2014–2015 гг. обратилось почти 1,7 млн человек. Основная часть вынужденных мигрантов прибыла из африканских стран и с Ближнего Востока, что было обусловлено политической дестабилизацией и усугубившимися социально-экономическими условиями. Миграционный кризис выявил проблемы, связанные с отсутствием эффективной правовой базы и отсутствием единого подхода к приему мигрантов у государств-членов ЕС. В 2022 г. количество украинских граждан, въехавших на территорию ЕС, составило около 8 млн человек, превысив в несколько раз количество мигрантов, въехавших во время последнего кризиса. Несмотря на то что национальное законодательство государств-членов ЕС в миграционной сфере сегодня частично гармонизировано, общеевропейская политика в сфере миграции находится в процессе адаптации к новым реалиям.

Правовое регулирование миграции относится к совместной компетенции Европейского союза и его государств-членов, что подразумевает право государств-членов осуществлять свою компетенцию в той мере, в которой Союз ей не воспользовался (пар. 2 ст. 2 Договора о функционировании Европейского союза [далее — ДФЕС]). Политика в отношении пограничного контроля, предоставления убежища и иммиграции осуществляется в рамках так называемого пространства свободы, безопасности и правосудия. Несмотря на то что ЕС реализует общую иммиграционную политику (в соответствии со ст. 79 ДФЕС), Договор не ограничивает права государств-членов устанавливать квоты на въезд граждан третьих стран, принимать дополнительные меры национально-правового регулирования. Кризис 2014–2016 гг., как было отмечено, обнажил проблемы, связанные с разным подходом государств-членов к приему и распределению мигрантов, так как государства предпочитали принимать меры на национальном уровне, что часто вызывало противоречия. Представленный Европейской комиссией в 2016 г. План действий по интеграции граждан третьих стран¹⁷⁸ был направлен на принятие комплекса мер по интеграции мигрантов и уделял особое внимание подготовке к интеграции еще до въезда этих

¹⁷⁸ Europe: Integration Action Plan of Third-Country Nationals launched. URL: <https://europe-integration-action-plan-third-country-nationals/> | European Website on Integration (europa.eu) (дата обращения: 2.02.2023).

лиц в Евросоюз. В целом следует отметить, что на национальном уровне основной тенденцией было ужесточение иммиграционных правил.

Помимо учредительного договора (ДФЕС), в котором декларируется осуществление Евросоюзом общей иммиграционной политики, ядро иммиграционного законодательства Евросоюза составляют следующие акты: Шенгенское соглашение 1985 г. и Конвенция о применении Шенгенского соглашения 1990 г., Шенгенский визовый кодекс, принятый Регламентом Европейского парламента и Совета ЕС 810/2009, Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 604/2013 (Дублин-III), Кодекс ЕС о режиме пересечения людьми границ, принятый Регламентом Европейского парламента и Совета ЕС 2016/399 (Шенгенский кодекс о границах) и ряд директив¹⁷⁹.

Директивой 2011/95/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 13 декабря 2011 г. по стандартам определения граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве бенефициаров международной защиты, о едином статусе беженцев и лиц, имеющих право на дополнительную защиту, а также о содержании предоставляемой защиты¹⁸⁰ введена новая категория — «лица, имеющие право на дополнительную защиту». Такими лицами могут быть признаны мигранты, которые не рассматриваются в качестве беженцев, но в отношении которых установлены факты о том, что в государстве их проживания им грозит причинение серьезного вреда, в том числе в результате неизбирательных актов насилия в условиях международных или внутригосударственных вооруженных конфликтов (ст. 15 директивы). Именно эти обстоятельства и привели к массовому исходу индивидов из государств происхождения, однако государства-члены ЕС, имея возможность для применения положений директивы о предоставле-

¹⁷⁹ Directive 2008/115/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals // OJ L 348, 24/12/2008, p. 98–107. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection grants (recast) // OJ L 337, 20.12.2011, p. 9–26.

¹⁸⁰ Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection grants (recast) // OJ L 337, 20.12.2011, p. 9–26.

нии дополнительной защиты указанным лицам, не слишком активно использовали этот механизм для урегулирования ситуации вокруг миграционного кризиса 2014–2016 гг.¹⁸¹

Эффективность приема и распределения мигрантов, которые попадали в Европу, используя как балканский маршрут через Грецию и Венгрию, так и оба средиземноморских маршрута через Италию или Испанию в 2014–2015 гг., была крайне низкой. Стоит отметить, что в соответствии со ст. 25–35 Шенгенского кодекса о границах¹⁸² в случае серьезной угрозы общественному порядку или внутренней безопасности государство-член вправе восстановить пограничный контроль на внутренних границах на период до 30 дней либо на предполагаемый срок действия серьезной угрозы. В соответствии с п. 4 ст. 25 Шенгенского кодекса срок восстановления пограничного контроля на внутренних границах ЕС не может превышать шести месяцев, а в исключительных обстоятельствах (ст. 29) максимальный срок составляет 2 года. Однако введение такого контроля целым рядом государств-членов (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Дания, Норвегия, Словения и Швеция) могло поставить под удар Шенгенское соглашение, ограничивая свободу передвижения лиц внутри Европейского союза, подразумевающую свободу передвижения работников (и членов их семей), свободу передвижения неработающих лиц (студентов и пенсионеров), безвизовое движение лиц в Шенгенском пространстве, свободу передвижения граждан третьих стран. Более того, были выявлены недостатки Дублинской процедуры, в соответствии с которой убежище должно быть предоставлено первым государством, в которое попадало лицо, пересекавшее границу с ЕС. В сентябре 2017 г. Европейская комиссия предложила новую схему распределения беженцев, подразумевавшую введение квот. Против предложенного Еврокомиссией плана выступали члены Вышеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), ссылаясь на более слабую экономику и неподготовленность к решению

¹⁸¹ См.: Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: дис. ... доктора юрид. наук. М., 2017. С. 317.

¹⁸² Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Shengen Borders Code) // OJ L 77, 23.3.2016, pp. 1–52.

подобного рода задач¹⁸³. В результате разногласий между государствами-членами и их нескоординированными действиями план расселения был выполнен лишь частично.

В 2018 г. состоялся саммит ЕС, на котором обсуждалась проблема миграции. Несмотря на то что к 2018 г. поток беженцев по сравнению с 2015 г. сократился на 90 %, последствия неэффективных действий институтов Союза и разногласий между государствами-членами создали предпосылки для серьезного политического кризиса. «Миграционная сделка», к которой пришли главы 27 государств-членов, подразумевала отказ от обязательных квот и прием мигрантов государствами исключительно на добровольной основе. Планом предусматривалось введение процедуры по быстрому распределению мигрантов на экономических мигрантов и потенциальных беженцев, т. е. тех, кто имеет право получить убежище. Кроме того, планировалось «укрепление» внешних границ ЕС и выделение средств таким государствам, как Турция и Марокко, с целью предотвращения допуска нелегальных мигрантов на территорию ЕС с их территории. Государства-члены договорились и о необходимости принятия всех необходимых законодательных и административных мер на национальном уровне по недопущению пересечения мигрантами внутренних границ ЕС. Однако новый миграционный кризис, начавшийся в 2022 г., отчетливо продемонстрировал, что Евросоюз пока не смог выстроить общую иммиграционную политику, включая вопрос реализации общей европейской системы предоставления убежища.

Украинские граждане, въехавшие на территорию ЕС, в основном получают статус временной защиты, который отличается от статуса беженца. 4 марта 2022 г. Совет ЕС проголосовал за активизацию Директивы Совета ЕС 2001/55/ЕС от 20.07.2001 г. о минимальных стандартах для предоставления временной защиты в случае массового притока перемещенных лиц и о мерах, обеспечивающих баланс усилий государств-членов при приеме таких лиц и в отношении последствий

¹⁸³ См.: Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы // под ред. О.Е. Трофимовой. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 48–49.

их приема (далее — Директива о временной защите)¹⁸⁴. Директива была активирована впервые с 2001 г. (после событий в Югославии), ее действие распространяется на территорию всех государств-членов ЕС, кроме Дании. Директива предназначена для использования в исключительных случаях, когда система предоставления убежища не в состоянии справиться в связи с большим наплывом мигрантов. Статус временной защиты предоставляет право на проживание и трудоустройство, социальную и медицинскую помощь, школьное образование. Статус предоставляется на срок не менее одного года и может быть продлен. Перемещенные лица, находящиеся под защитой, могут проживать в любой стране ЕС, в которой был получен соответствующий статус. Временная защита предоставляется практически сразу после прибытия лица на территорию ЕС после предоставления необходимых документов. Статус же беженца оформляется до 6 месяцев, в течение которых действует запрет на трудоустройство. После пересечения границы Европейского союза ищущие убежище лица должны оставаться на территории ответственного государства (т. н. «государства первого приема»), на которое Дублинский регламент возлагает ответственность за первичное пребывание и проведение процедуры признания статуса беженца. Таким образом, лица, ищущие убежище и уже получившие статус беженца, не могут выбирать страну проживания. Несмотря на то что миграционный кризис, начавшийся в 2022 г., тяжелее кризиса 2014–2016 гг., мигранты, бежавшие в результате военного конфликта из Сирии или из других государств, небезопасных для проживания с учетом продолжающихся там конфликтов, тоже могли бы рассчитывать на активизацию в их отношении Директивы о временной защите. Но Европа, которая не была готова к приему мигрантов с Ближнего Востока и из Северной Африки, задействовала для нормализации ситуации в 2014–2016 гг., как было отмечено выше, другие инструменты. Очевидна двойственность в подходе Евросоюза к решению миграционного вопроса.

¹⁸⁴ Directive 2001/55/EU of the Council of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member States in receiving such persons and bearing the consequences thereof // OJ L 212, 7.8.2001, p. 12–23.

23 сентября 2020 г. Европейская комиссия приняла новый пакт по вопросам миграции и предоставлению убежища, заменивший одноименный пакт 2008 г. Принятие нового пакта ознаменовало собой начало реформы всей иммиграционной политики Европейского союза. Основной целью реформы является устранение противоречий между государствами-членами, восстановление уровня их солидарности перед новыми вызовами. Новый пакт по вопросам миграции и предоставлению убежища включает несколько основных направлений для совершенствования миграционной политики. Отметим те из них, которые представляют наибольший интерес.

Во-первых, декларируется идея «обязательной, но гибкой солидарности», которая подразумевает, что, если государство не желает принимать мигрантов на своей территории, то оно может этого не делать, но обязано финансировать реадмиссию мигрантов. Вместо не оправдавшей себя системы квот вводится система расселения мигрантов с учетом размера ВВП и численности населения государства-члена.

Во-вторых, пакт подразумевает реформу Дублинской системы. Критерий ответственности «государства первого въезда» не отменяется, однако лицам, запрашивающим убежище, будет предоставлено право запрашивать его и в тех государствах-членах ЕС, с которыми у них есть «осмысленные связи». Так, например, убежище можно запросить в том государстве-члене, где проживают родственники лица, ищущего убежище; где лицо проживало ранее, но срок документов истек; где было получено образование.

В-третьих, вводится процедура по ускорению оформления прибывающих мигрантов и депортации тех лиц, которым будет отказано в предоставлении статуса беженца. В рамках данного направления будет усовершенствована система миграционного учета лиц с помощью дактилоскопии (программа Евродак [Eurodac]). 19 января 2022 г. Европейское Бюро по вопросам предоставления убежища [European Asylum Support Office EASO]) было преобразовано в Агентство Европейского союза по вопросам убежища [European Union Agency for Asylum (EUAA)]. Агентство наделяется дополнительными полномочиями, что должно повлечь увеличение финансирования данной службы, работа которой в последнее время подвергалась обоснованной критике.

В частности, «решения о высылке незаконно пребывающих на территории ЕС мигрантов исполняются только на 30 %»¹⁸⁵.

В-четвертых, пактом предусматривается заключение соглашений о реадмиссии с государствами происхождения мигрантов с целью предотвращения миграционных потоков посредством финансирования различных целевых программ. В рамках данной группы мер учреждается должность представителя ЕС по сотрудничеству с государствами, с территории которых прибывают мигранты, в Европейском пограничном агентстве.

Ряд инициатив, изложенных в пакте, подвергается критике со стороны государств-членов. Прежде всего критикуется вторая группа мер, направленная на реформу Дублинского регламента. Главный камень преткновения на пути к выстраиванию согласованной политики государств-членов — это принцип ответственности страны первого въезда. Несмотря на предложенные Еврокомиссией дополнительные возможности для подачи заявления на получение статуса беженца в государствах, с которыми имеются т. н. осмысленные связи, основное бремя ответственности так и продолжит оставаться на пограничных государствах. Кроме того, в рамках третьего направления мер по совершенствованию миграционной политики вводится понятие «безопасной третьей страны», под которой понимается государство-участник универсальной Конвенции о статусе беженцев 1951 г., в котором высылаемое лицо может не опасаться за свою безопасность. Но сама возможность высылки в безопасную третью страну автоматически ведет к тому, что лица, направляющиеся в ЕС из «безопасных третьих государств», могут быть в принципе не допущены на территорию Союза и не будут иметь возможности подать ходатайство на получение статуса беженца. Ожидалось, что в 2020 г. законодательные институты Союза приступят к реализации нормотворческих процедур для принятия соответствующих актов, необходимых для внедрения механизма «обязательной, но гибкой солидарности». Планируется принятие Регламента по вопросам предоставления убежища и управления миграцией, Регламента по регулированию вопросов миграции и предоставлению

¹⁸⁵ См.: Карпович О.Г., Зверева Т.В. Общая миграционная политика ЕС: новый старт? // Международная жизнь. 2021. № 7. С. 94–103.

убежища в кризисных и форс-мажорных обстоятельствах, реформа Регламента Дублин III, внесение изменений в Регламент о создании системы Евродак¹⁸⁶. Однако разразившийся в Европе новый миграционный кризис мешает претворению этих планов в жизнь, во всяком случае, в изначально обозначенные сроки. По-разному реагируют на инициативы Еврокомиссии и в государствах-членах Европейского союза. В сентябре 2022 г. депутаты Европейского парламента обозначили принятие пакта в качестве одного из главных приоритетов для Парламента и Совета Европейского союза, подчеркнув необходимость завершения процесса к февралю 2024 г. Европейские нормотворческие институты понимают необходимость интенсификации работы по принятию пакта еще и в связи с тем, что в 2024 г. заканчивается пятилетний срок легислатуры парламента. Проект Европейской комиссии — это, бесспорно, важное направление в политической повестке ЕС. Вместе с тем перспективы принятия этого документа на фоне острого миграционного кризиса затруднены, а сам проект направлен, скорее, на достижение политического консенсуса между государствами-членами, чем на более надежные гарантии права на защиту для лиц, ищущих убежище.

Итак, в 2022 г. ЕС столкнулся с самым серьезным за всю историю миграционным кризисом. Произошло слияние миграционных потоков — беженцев, лиц, находящихся под временной защитой, легальной и нелегальной, экономической и гуманитарной миграции. Евросоюз, как было показано выше, избирательно подходит к решению этих проблем, в том числе и к правовому регулированию, в зависимости от типа миграции и от происхождения потока. Можно утверждать, что сегодня вопрос миграции — ключевой как для внутренней, так и для внешней политики ЕС. Интересно, что одновременно с попыткой усовершенствовать общую европейскую систему предоставления убежища ЕС задействует фактор миграции и для реализации климатической

¹⁸⁶ Regulation (EU) 603/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the establishment of 'Eurodac' for the comparison of fingerprints for the effective application of Regulation (EU) 604/2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person and on requests for the comparison with Eurodac data by Member States' law enforcement authorities and Europol for law enforcement purposes, and amending Regulation (EU) 1077/2011 establishing a European Agency for the operational management of large-scale IT systems in the area of freedom, security and justice // OJ L 180, 29.6.2013, pp. 1–30.

внешней политики. Одним из аргументов для активного продвижения «зеленой сделки ЕС» (The European Green Deal) и, соответственно, достижения «климатической нейтральности» является угроза появления миллионов так называемых климатических беженцев. Согласно отчету Всемирного банка¹⁸⁷, к 2050 г., если продолжатся процессы глобального потепления, 216 млн человек, будут вынуждены сменить место жительства в поисках работы, продовольствия и воды. В результате основной категорией международных мигрантов станут именно климатические беженцы, которые начнут пересекать границы в поисках лучшей жизни, а Европейский союз вновь может принять на себя основной удар, связанный с приемом лиц, покидающих свои страны из-за меняющихся климатических условий.

Климатическая повестка в праве ЕС

Климатическая повестка сегодняшнего дня, нацеленная на обеспечение лучшей жизни в государствах-членах ЕС, так же, как и миграционные процессы, находится в фокусе правового регулирования институтами Европейского союза. И, как уже было отмечено выше, решение проблем, связанных с охраной окружающей среды, Европейский союз осуществляет как комплексно, в системе устойчивого развития, так и избирательно — в зависимости от происхождения проблемы, последствий, источников экологических угроз: для решения стоящих перед Союзом и мировым сообществом в целом экологических задач ЕС принимает как акты общестратегической направленности, затрагивающие экологическую повестку, так и специализированные, предназначенные для регулирования конкретных природоохраняемых направлений.

Согласно ст. 3(3) Договора о ЕС (далее — ДЕС) Союз старается обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, наличие в высокой степени конкурентоспособной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу, а также высокий уровень охраны и улучшения качества окружающей среды.

¹⁸⁷ Climate Change Could Force 216 Million People To Migrate Within Their Own Countries By 2050. URL: [https://Groundswell Report \(worldbank.org\)](https://Groundswell Report (worldbank.org)) (дата обращения: 10.03.2023).

Окружающая среда, будучи сферой совместной компетенции ЕС и государств-членов (ст. 4(2)(е) ДФЕС)¹⁸⁸, таким образом неразрывно связана с принципом устойчивого развития (ст. 21(2)(d),(f) ДЕС). Именно поэтому природоохранный аспект так или иначе присутствует в политической и правовой деятельности ЕС, в т. ч. связанной с социальной и экономической сферами функционирования Европейского союза (ст. 11 ДФЕС)¹⁸⁹.

Например, в основополагающих тематических документах — заявлениях № COM(2019) 640 final (11.12.2019; п. 2.1.1) и № COM(2021) 550 final (14.7.2021; п. 1 и 4), принятых во исполнение Парижского соглашения (2015 г.), Комиссия устанавливает цель снизить выбросы парниковых газов до 55 % к 2030 г. (от уровней 1990 г.) и довести их до нуля к 2050 г. (от аналогичных уровней), придя к т. н. климатической нейтральности. Для достижения этой цели комиссия выступает с соответствующими законодательными инициативами¹⁹⁰.

Новая стратегическая повестка Европейского совета для ЕС на 2019–2024 гг. от 19.06.2019 закрепляет стратегические интересы и цели Евросоюза. В то же время для нормотворчества, включая законодательные инициативы ЕС, основополагающим актом на аналогичный период является политическое руководство кандидата в председатели комиссии на 2019–2024 гг. «Союз, который стремится к большему: моя повестка дня для Европы» — оно устанавливает 6 неизменных приоритетов деятельности комиссии. В документах комиссии — Письме председателя о намерениях председателям Совета и Европейского парламента (13.09.2022), речи председателя «О состоянии Союза на 2022 г.» (14.9.2022), заявлении № COM(2022) 548 final «Рабочая программа Комиссии на 2023 г.: ЕС, остающийся твердым и единым» (18.10.2022) определяется работа по таким приоритетам на 2023 г.

¹⁸⁸ Aron Buzogány, Tanja Börzel. Compliance with EU environmental law. The iceberg is melting // *Environmental Politics*. 2019. № 28(2). P. 315–341.

¹⁸⁹ Eckard Reh binder. The power of environmental law — 30 years of European environmental law: developments and perspectives. *Elni Review*. 2021. № 21. P. 1–10.

¹⁹⁰ Kirsty Souter, Michael Coxall. Environmental Law and Practice in the European Union: Overview // Thomson Reuters Practical Law. 1.11.2021; Simon Tilling. Environment & Climate Change Laws and Regulations The European Green Deal — New Horizons in Environmental Policy and Regulation 2022–2023 // *ICLG*. 23.3.2022; Alicja Sikora. European Green Deal — legal and financial challenges of the climate change // *ERA Forum*. 2021. № 21. P. 681–697.

Во всех вышеуказанных документах одной из центральных тем выступает охрана окружающей среды, продиктованная изменениями климата. Ее актуальность обусловлена большим влиянием Евросоюза, как объединения 27 государств, на окружающую среду: например, он ответственен за 8 % мировых выбросов углекислого газа¹⁹¹.

Решение 2022/591 об общей программе ЕС в области окружающей среды до 2030 г. нацелено на повышение качества жизни граждан стран-членов ЕС посредством многоаспектного улучшения состояния окружающей среды: усиление адаптации к изменениям климата, защиту экосистемы и биоразнообразия, достижение к 2050 г. климатической нейтральности и экономики замкнутого цикла. Для этого планируется деятельность не только на уровне ЕС, но также на региональном и местном уровне: например, эффективное исполнение природоохранного законодательства и стратегий (с использованием рекомендаций и руководств; ст. 3a), устранение социального неравенства в политиках по климату (в т.ч. достижение гендерного равенства; 3g), упразднение субсидий для ископаемого топлива (ст. 3h), принятие директивы по оздоровлению почвы (ст. 3m), внедрение подхода «One Health»¹⁹² в принятие решений (ст. 3o), применение количественных показателей эффективности природоохранной деятельности (ст. 3r), финансирование (выделение 7,5 % Многолетнего финансового рамочного плана ЕС на 2021–2027 г. для защиты биоразнообразия (ст. 3i), привлечение Европейского инвестиционного банка; ст. 3u–v), привлечение гражданского общества (в т. ч. посредством дебатов; ст. 3ab). Ежегодный мониторинг, оценка и отчет об исполнении решения осуществляется комиссией, Агентством по окружающей среде и Европейским агентством по химикатам (ст. 4).

Заявление № COM(2022) 221 final «О стратегии ЕС по солнечной энергетике» (18.05.2022) — относительно новый, недавно принятый документ, акцент на который Евросоюзом сделан из-за большого потенциала солнечной энергетики и дешевизны ее среди иных источни-

¹⁹¹ Overview of EU actions in the Arctic and their impact: final report / Hoel A.H. [et al.]. EPRD consortium (Office for economic policy and regional development ltd.). Kielce, June 2021. P. 9.

¹⁹² Мультисекторальный подход в борьбе с угрозами здравоохранения с учетом взаимосвязи здоровья людей, животных и окружающей среды (ст. 2 (5) Регламента 2021/522).

ков возобновляемой энергетики¹⁹³. Будучи принятым во исполнение заявлений № COM(2022) 108 final (8.3.2022; п. 2.2.1) и № COM(2022) 230 final (18.05.2022; п. 3), предусматривающих повышение энергобезопасности и энергонезависимости ЕС, экономию энергии и ускоренный переход на возобновляемую энергетику, рассматриваемый документ ставит целью удвоение объемов солнечной генерации в ЕС к 2025 г. и утроение к 2030 г., в т. ч. для энергосбережения (сокращение потребления ископаемого топлива). Среди основных мер по достижению такой цели можно выделить Европейскую инициативу по солнечным панелям на крышах (обязательная установка таких панелей на крышах государственных, коммерческих и жилых зданий в 2027–2029 гг.; п. 2, 2.3), промышленные альянсы (производство солнечных панелей внутри ЕС, налаживание цепочек поставок; п. 3.3), крупные государственно-частные партнерства (государственная помощь, централизованные госзакупки, обучение работников в рамках программы «Erasmus+»; п. 2.1), тарификация (введение дневных и ночных тарифов; п. 2.2), финансирование (общий объем 26 млн €, посредством программ «InvestEU» и «LIFE», Фонда восстановления и устойчивости, Фонда сплочения, Инновационного фонда, Модернизационного фонда, Фонда соединения Европы; п. 2), научные исследования (в рамках программы «Horizon Europe»; п. 3.1)¹⁹⁴, проекты актов (упрощение выдачи разрешений, стандартизация проектирования и обязательная маркировка солнечных панелей; п. 2.1, 3.1), международное сотрудничество (с США, Индией, Вьетнамом, Японией, Африканским союзом, странами Латинской Америки и Карибского бассейна; п. 4).

Европейский союз активно занимается модернизацией действующего законодательства в сфере охраны окружающей среды на секторальном уровне, в частности, Европейской комиссией подготовлен ряд инициатив.

¹⁹³ Также включает ветряную, водную, геотермальную энергетику, энергию биомассы и окружающей среды (ст. 2(1) Директивы 2018/2001).

¹⁹⁴ Čavoški Aleksandra. Science and Law in Environmental Law and Policy: The Case of the European Commission // Transnational Environmental Law. 2020. № 9(2). P. 263–295.

Предложение № COM(2022) 304 final по регламенту о восстановлении природы (22.06.2022), разрабатываемое во исполнение Заявления № COM(2020) 380 final (20.05.2020; п. 2.2.1), направлено на восстановление деградированных экосистем. Оно предполагает четкие и количественные, привязанные к срокам цели восстановления различных экосистем: морских (ст. 5) и прибрежных районов (ст. 4), рек (ст. 7), лесов (ст. 10), сельскохозяйственных угодий (ст. 9), городских районов (ст. 6). Страны-члены должны будут подать на утверждение комиссии планы по восстановлению экосистем до 2050 г., пересматривать их каждые 10 лет и ежегодно отчитываться об исполнении перед комиссией (ст. 11–15, 17–18). Комиссию предполагается наделить полномочиями по принятию делегированных и исполнительных актов (ст. 20–21), а применение регламента планируется оценить до 31.12.2025 (ст. 22). В совокупности меры регламента по восстановлению должны охватить минимум 20 % наземных и морских районов ЕС к 2030 г. и 100 % к 2050 г. (ст. 1).

Предложение № COM(2022) 586 final по регламенту о стандарте «Euro 7» для автомобилей, двигателей и технических узлов, в отношении их выбросов и долговечности аккумуляторов (10.11.2022), составляемое во исполнение Заявления № COM(2019) 640 final (11.12.2019; п. 2.1.5), призвано заменить стандарты «Euro 6» и «Euro VI», повысив требования к экологичности автотранспорта для производителей и надзорных органов стран-членов (ст. 8, 10–12). Конечной целью регламента является улучшение качества воздуха. Используя для ее достижения метод гармонизации, регламент объединяет в себе требования для легкого и тяжелого автотранспорта (ст. 2). Новеллами стандарта «Euro 7» станут требования к кибербезопасности (ст. 4), долговечности аккумуляторов (ст. 5–6), экологичности тормозных колодок и покрышек (ст. 14 (3)–(4), 15, прил. III), регулирование выбросов аммиака, формальдегидов и оксидов азота (помимо выбросов углекислого газа; прил. I). Страны-члены будут обязаны отчитываться перед комиссией (ст. 18), которая, в свою очередь, сможет принимать делегированные акты (ст. 16).

Среди предложенных комиссией актов отдельного внимания заслуживает предложение № COM(2021) 564 final по регламенту об установ-

лении механизма корректировки углеродной пошлины (14.07.2021), разрабатываемое во исполнение Заявления № COM(2021) 550 final (14.07.2021; п. 2.2.1, 4). Оно предусматривает введение для импортеров из третьих стран платного сертификата, соотносящегося с вкладом их промышленности при производстве ввозимых товаров (цемент, электричество, удобрения, железо, сталь, алюминий; ст. 20–25, прил. I) в выбросы парниковых газов.

Интересен вопрос соответствия регламента нормам ВТО (в частности, принципу недискриминации), а также способ, которым ЕС намерен добиться такого соответствия¹⁹⁵. Он связан с системой торговли уступками на выброс парниковых газов (Директива 2003/87/ЕС)¹⁹⁶ и предполагает одновременное, постепенное уменьшение бесплатных уступок (в ЕС) и пропорциональное увеличение стоимости сертификата (для импортеров из третьих стран; ст. 31–32). Тем не менее об эффективности такого подхода и соблюдении принципа недискриминации можно будет говорить лишь по результатам правоприменительной практики регламента¹⁹⁷.

Из недавних инициатив по пересмотру актов ЕС можно выделить пересмотр директив 2008/50/ЕС и 2004/107/ЕС. Предложенные изменения № COM(2022) 542 final/2 от 26.10.2022 направлены на повышение качества и чистоты окружающего воздуха. Для этого планируется объединение вышеуказанных директив, разработка национальных планов к 2030 г. (ст. 19) и достижение нулевого загрязнения воздуха к 2050 г. для защиты окружающей среды и здоровья людей (ст. 1), доступ граждан к правосудию и право на компенсацию (ст. 27–28), опора на документы ВОЗ (Рекомендации по качеству воздуха до 2050 г.; ст. 3, 8, 13), более активное моделирование странами-членами изменений (ст. 5, 11), объединение мест забора проб (ст. 10), право комиссии принимать исполнительные акты (ст. 23).

¹⁹⁵ Trade Related Aspects of a Carbon Border Adjustment Mechanism. A Legal Assessment // European Parliament. Briefing. 14.04.2020. P. 5–12.

¹⁹⁶ Gerard Kelly. The quest for coherent climate governance and the importance of linking emissions trading schemes // Environmental Law Review. 2022. № 24 (2). P. 85–92.

¹⁹⁷ André Sapir. The European Union's carbon border mechanism and the WTO // Bruegel. 19.07.2021.

Пересмотр Регламента № 1005/2009 об озоноразрушающих субстанциях (в предложении № COM(2022) 151 final от 5.4.2022) призван ужесточить контроль за использованием старого оборудования (ст. 11), автоматизировать систему его лицензирования (ст. 16–19), ввести обязанность стран-членов и предприятий отчитываться об исполнении регламента (ст. 25–26), установить принцип соразмерности и превентивности национальных штрафов (ст. 27).

Пересмотр директив 2000/60/ЕС, 2006/118/ЕС, 2008/105/ЕС (в предложении № COM(2022) 540 final от 26.10.2022), разрабатываемый во исполнение Заявления № COM(2021) 400 final (12.05.2021; п. 2.2), направлен на поддержание чистоты водных объектов (затрагивает внутреннее, прибрежные, грунтовые воды). Он подразумевает расширение перечня водных загрязнителей (прил. I, VII), обязательство стран-членов сотрудничать по предупреждению и устранению загрязнения¹⁹⁸ (ст. 3, 12), упрощение отчетности (ст. 5), право комиссии принимать делегированные акты (ст. 8а, 20а).

Пересмотр директив 2010/75/EU о промышленных выбросах и 1999/31/ЕС о свалках (в предложении № COM(2022) 156 final от 05.04.2022), разрабатываемый во исполнение Заявления № COM(2020) 98 final (11.03.2020; п. 2.3, 6.2), направлен на развитие экономики замкнутого цикла. Предлагается расширить перечень промышленности, загрязняющей воздух, землю и воду (добавить добычу руды, крупное производство батарей, скотоводство; ст. 70а–70i, прил. I), добавить требование к операторам промышленных установок об энергоэффективности (ст. 9, 11, 14а), ужесточить наказание за несоблюдение экологических требований (ст. 8), установить принцип соразмерности и превентивности национальных штрафов (ст. 79), усилить сотрудничество стран-членов при трансграничных инцидентах (ст. 7, 26), предоставить гражданам доступ к правосудию и право на компенсацию (ст. 24–25, 79а), учредить Инновационный центр по промышленной трансформации и выбросам (ст. 27–27с), обязать компании разработать к 2030 г. планы трансформации (ст. 27d), предоставить комиссии право принимать делегированные акты (ст. 74).

¹⁹⁸ Новелла обусловлена экологической катастрофой на р. Одер летом 2022 г.

Систематизируя принятые ЕС за последнее время документы и действующие обновляемые правовые акты, можно выделить следующий перечень экологических проблем, требующих нормативного регулирования в Европейском союзе:

- охрана окружающей среды в связи с изменением климата (например, снижение выбросов парниковых газов и загрязнителей);
- экономическое развитие в контексте экологических факторов (солнечная энергетика, корректировка углеродной пошлины и др.);
- социальная активность в решении экологических задач (привлечение к решению экологических проблем гражданского общества (в т. ч. посредством дебатов), обучение работников в рамках программы «Erasmus+»);
- научные исследования;
- международное сотрудничество.

Также можно выявить две взаимосвязанные тенденции развития экологического права ЕС на современном этапе. Первая тенденция и направление регулирования — уменьшение и обнуление выбросов парниковых газов к 2030 и 2050 гг. соответственно (с опорой на возобновляемую энергетику и экономику замкнутого цикла). Вторая тенденция и направление регулирования — борьба с загрязнением. При этом все рассмотренные так или иначе документы приняты в контексте заявлений № COM(2019) 640 final (11.12.2019) и № COM(2021) 550 final (14.07.2021), определяющих направления нормотворчества ЕС в области устойчивого развития. Поэтому в совокупности рассмотренные документы вносят целостный вклад в достижение Евросоюзом более здоровой окружающей среды и общества, устойчивой и климатически нейтральной экономики.

Помимо рассмотренных в настоящей главе направлений, Европейский союз уделяет особое внимание таким сферам правового регулирования, как цифровизация экономики, реформа налогообложения, повышение конкурентоспособности с акцентом на малые и средние предприятия, развитие невозобновляемой энергетики (укрепление энергобезопасности и энергонезависимости), реформа общей полити-

ки безопасности и обороны. Представляется, что определенные проблемы в правовом регулировании указанных направлений обусловлены сдерживающими развитие ЕС факторами, в том числе и не в последнюю очередь проводимой Европейским союзом антироссийской санкционной политикой.

Глава 9

ПРОБЛЕМА ПРОБЕЛОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ГЛОБАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

С.В. Никифоров

Введение

Одной из главных проблем международного права и, соответственно, складывающегося на его основе международного правопорядка является проблема пробелов. Особенно ясно она проявляется в относительно новых сферах межгосударственных отношений, в которых ощущается общий недостаток международных договоров, в частности, в областях научно-технических и социальных отношений (цифровая, телекоммуникационная, энергетическая, экологическая сферы, генная инженерия, искусственные материалы, автоматизация производства на базе электроники, создание искусственного интеллекта и т. п.).

Пробелами в международно-правовом регулировании следует считать недостаточность (отсутствие) отдельных норм международного права, неполноту и/или неясность таких норм. Сегодня проблематика пробелов в международном праве обостряется трансформацией всей международной системы. Очевидна связь между наличием, объемом пробелов и состоянием правопорядка. Восполнение пробелов — необходимая составляющая развития международного права и глобальной нормативной системы.

Вопросами пробелов в международном праве и их восполнения занимались известные российские ученые: В.В. Лазарев¹⁹⁹, В.Н. Лиха-

¹⁹⁹ Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения: [монография] / В.В. Лазарев. Репр. изд. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. 183 с. — Текст: непосредственный.

чев²⁰⁰, Д.И. Фельдман²⁰¹, А.В. Дмитрачкова²⁰², Е.С. Зайцева, П.В. Козловский²⁰³, А.А. Петров, Е.Ю. Тихонравов²⁰⁴, С.А. Дробышевский²⁰⁵, С.Р. Бекишиева²⁰⁶.

Межгосударственный уровень регулирования

Вполне закономерно, что наиболее пробельными зонами межгосударственного общения оказались сегодня цифровая сфера и связанные с ней сферы передовых кибертехнологий: создание искусственного интеллекта; геномная инженерия, функционирование глобальных интернет-сетей, клонирование, борьба с транснациональной преступностью в киберсфере. Именно здесь необходима разработка комплекса проектов международных договоров глобального и/или регионального уровня, поскольку научно-технический прогресс вносит серьезные изменения в устоявшиеся отношения и ставит важные вопросы построения будущего.

Совокупность норм и принципов, действующих (или которые сложатся в будущем) в технологической сфере межгосударственных отношений, составляют международно-правовой институт, или даже отрасль, *«международного технологического права»*. Этот нормативно-правовой комплекс не является обособленным от прочих институтов/отраслей международного права, а пронизывает их, наслаивается на все прочие нормы.

²⁰⁰ Лихачев В.Н. Пробелы в современном международном праве / В.Н. Лихачев. Казань: Издательство Казанского университета, 1985. 86 с. — Текст: непосредственный.

²⁰¹ Фельдман Д.И. О понятии пробелов в современном международном праве / Д.И. Фельдман, В.В. Лазарев, В.Н. Лихачев. — Текст: непосредственный // Советский ежегодник международного права. 1980 / Советская Ассоциация международного права. М.: Наука, 1981. С. 127–139.

²⁰² Дмитрачкова А.В. Этапы восполнения и устранения пробелов в праве. — URL: <https://elib.bsu.by/bits/tream/123456789/227554/1/240–243.pdf> — Текст: электронный.

²⁰³ Зайцева Е.С., Козловский П.В. Устранение, восполнение и преодоление пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве. — Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 236–239.

²⁰⁴ Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве: учеб. и науч.-практ. пособие / А.А. Петров, Е.Ю. Тихонравов. М.: Проспект, 2017. 80 с. — Текст: непосредственный.

²⁰⁵ Дробышевский С.А. Способы восполнения пробелов в праве / С.А. Дробышевский, Е.Ю. Тихонравов. М.: Норма, 2018. 174 с. — Текст: непосредственный.

²⁰⁶ Бекишиева С.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения и преодоления, 2021. URL: https://bekishieva.blogspot.com/2021/03/blog-post_96.html. — Текст: электронный.

Совокупность международно-правовых норм и принципов, по которым живет и функционирует глобальная цифровая сфера, образует *«международное цифровое право»*. Когда передовые технологии основаны на использовании электроники, компьютерных достижениях, налицо некое соединение и столкновение *международного технологического права и международного цифрового права*. Этот симбиоз и составляет особенность нормативного регулирования тех групп отношений, о которых пойдет речь.

Уже видны некоторые зарождающиеся принципы *международного технологического права*: например, ограничение разработок технологий искусственного интеллекта и отказа от его применения в военных целях. Очевидна необходимость в модельной конвенции о робототехнике, вводящей новые юридические концепции наподобие «суверенитета человеческого тела». С российской стороны подготовлены проекты резолюций ООН, регулирующих отношения в киберпространстве. Имеются договоры, регулирующие развитие технологий клонирования живых организмов, устанавливающие запрет на клонирование человека в репродуктивных целях, однако все они нуждаются в актуализации.

Документ мягкого права (ЮНЕСКО, 1997) «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» явился первым актом, в котором ставится вопрос о признании прав человека за эмбрионом, в то же время данный документ неполон, противоречив и также требует дальнейшей работы международно-правовой мысли по данному аспекту, особенно в части унификации этого подхода в национальных правовых системах государств мира.

Среди вызовов научно-технического прогресса выделяются проблемы международно-правового регулирования киберпространства, защиты персональных данных, национальной безопасности и цензуры в Интернете, правового статуса организаций и образований, претендующих на различную субъектность в Глобальной сети, статуса криптовалют, угроз со стороны искусственного интеллекта, робототехники и массовой киборгизации, клонирования живых организмов. Часть указанных вопросов так или иначе, пусть и в начальной стадии, уже регулируется национальным законодательством на уровне отдельных

государств. В то же время такое регулирование касается лишь достаточно узких групп отношений (робототехника в Республике Корея), или осуществляется на частном локальном уровне самими интернет-компаниями (штат Калифорния, США).

Международные договоры, которые затрагивали ли бы проблематику новых сфер научно-технического прогресса на стыке с цифровой сферой, пока единичны. Примером может служить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. Среди крупных актов регионального значения можно назвать резолюцию Европейского парламента о нормах гражданского права по робототехнике (2017). Она примечательна тем, что формализовала законы робототехники, сформулированные когда-то знаменитым фантастом А. Азимовым. Единственным на сегодня международным договором по регулированию киберпространства, претендующим на универсальность, остается Будапештская конвенция о компьютерных преступлениях 2001 г., принятая на региональном уровне (Советом Европы).

В рамках ООН различными структурами и инстанциями продолжается экспертное обсуждение международно-правового регулирования разработки передовых — в том числе цифровых — технологий. Такая же работа ведется разного рода общественными организациями/ассоциациями: результатом подобной работы являются так называемые Азиломарские (Асиломарские) принципы искусственного интеллекта²⁰⁷ и Билль о правах киборгов²⁰⁸.

Россия, КНР, Индия, многие развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки выдвигают идею о принятии на площадке Генеральной Ассамблеи ООН универсального международного договора, который бы учел недостатки Будапештской конвенции (2001). Ключевым отличием нового договора должно стать наличие в нем кон-

²⁰⁷ Принципы работы с ИИ, разработанные на Асиломарской конференции. Институт будущего жизни, 2017. URL: <https://futureoflife.org/ai-principles-russian/>. — Текст: электронный.

²⁰⁸ Билль о правах киборгов (The Cyborg Bill of Rights). Сайт НКО Cyborg Foundation. URL: <https://www.cyborgfoundation.com>. — Текст: электронный.

кретного механизма разрешения спорных вопросов между странами по отношению к обеспечению кибербезопасности и соответствующих международных обязательств. Данные идеи уже отчасти сформулированы как в разрабатывающихся проектах договора, так и в отдельных резолюциях и иных документах ООН, например, в докладах профильных комитетов по данной повестке.

В то же время западные страны (США, Великобритания, Германия, Франция и др.) выступают против принятия нового — актуализированного — универсального международного договора по киберпреступлениям. В заявлениях США подчеркивается, что США не желают в принципе видоизменять национальную стратегию США путем обновления международно-правовой базы. США последовательно отказываются от заключения двустороннего договора с Россией в области кибербезопасности; недавняя инициатива по этому вопросу исходила от Президента Российской Федерации (2020).

Этика и право в цифровых технологиях

Своеобразной этической проблемой, стоящей перед международным правом, является проблема разработки и реализации технологий, превращающих человека в придаток цифровой сферы. Речь идет о внедрении в мозг и тело человека различных устройств, с помощью которых можно управлять как окружающим пространством, так и самим человеком, его телом. Подобные исследования активно ведутся, в частности, командой Илона Маска в компании «Нейролинк»²⁰⁹. В связи с этим возникает вопрос о необходимости регулирования доступа к подобным усовершенствованиям, а также выработки международно-правовых принципов ведения деятельности компаний и государств в сфере данных разработок.

Использовать подобные инновации можно как во благо, так и во зло. Результаты и последствия для человека, общества, государств могут быть неоднозначными. Так, например, обостряется вопрос

²⁰⁹ Илон Маск запускает Neuralink, проект, способный объединить человеческий мозг с искусственным интеллектом (Elon Musk launches Neuralink, a venture to merge the human brain with AI). URL: <https://www.theverge.com/2017/3/27/15077864/elon-musk-neuralink-brain-computer-interface-ai-cyborgs>. — Текст: электронный.

о равном доступе людей к новейшим достижениям науки и технологий; стимулируется расслоение общества на национальном и глобальном уровнях. Равноправие как принцип человеческого общежития, как равенство возможностей окончательно исчезает. Материальное неравенство перерастает в неравенство биологическое, социотехногенное. На межгосударственном уровне правопорядок, основанный на равноправии, заменяется острой конкуренцией государств, разрушающей и равноправие, и сотрудничество. Борьба за новейшие технологии, превращающие человека в придаток машины, в управляемую часть цифровой сферы, потенциально ведет мир к установлению цифрового концлагеря, где о правах человека можно забыть, а также к перераспределению выгод и обязательств, прав и рисков в международной системе в пользу наиболее технологичных государств. Система зависимостей одних групп государств от других групп государств вновь приобретает колониальную форму эксплуатации, только в наиболее изощренном виде.

Еще одно последствие (и проблема) цифрового неравенства заключается в отношениях собственности. Если авторы книг, фильмов и других объектов интеллектуальной собственности являлись и пока еще являются в обыденной жизни полноценными собственниками прав на свою интеллектуальную собственность, то, будучи заведенными в Интернет, указанные продукты интеллектуальной деятельности превращаются в часть виртуального пространства, которым управляют интернет-компании. В таких условиях авторы из собственников превращаются в пользователей, как обычные люди — читатели или зрители. А сервисы предлагают оплачивать доступ к данному контенту по подписке.

Другим последствием сращивания человека и технологий может быть проблема юридической ответственности. Пока неясно, кто должен отвечать, если имплантат руки у хирурга дрогнет во время сложной операции или если устройства, заменяющие или укрепляющие жизненно важные органы человека, перестанут функционировать из-за ошибки, произошедшей в другой части света, где находился удаленный офис, обеспечивающий их работу через Глобальную сеть. Непонятно, где может быть ошибка, а где злой умысел. Существует

и угроза несанкционированного взлома устройств-имплантатов злоумышленниками.

Ведущая российская компания киберпротезирования «Моторика» совместно со специалистами «Лаборатории Касперского» в ходе специального эксперимента с бионическими протезами неожиданно обнаружила определенные уязвимости, позволяющие потенциальным злоумышленникам получить доступ к системе управления устройством, (ручному протезу) и к пользовательским данным²¹⁰.

Нормативное регулирование киборгизации в частноправовой сфере

Главная проблема всего современного глобального цифрового пространства заключается в том, что в нем заправляют частные предприятия, организации, транснациональные корпорации, причем происходящие из стран Запада, преимущественно из США. В результате упорядоченность отношениям в цифровой сфере придают правила, установленные самими частноправовыми субъектами. Государства часто становятся лишь «просителями», потребителями, клиентами транснациональных корпораций и не в силах заставить корпорации соблюдать национальное право. Доля государственного и межгосударственного регулирования в огромном цифровом пространстве пока еще незначительна.

Стратегические интересы частноправовых субъектов в цифровой сфере не совпадают со стратегическими государственными интересами, а часто они противостоят друг другу. Есть опасность, что разработки искусственного интеллекта, киборгизация человека и тому подобные новшества, если их оставить в руках частноправовых субъектов, могут обернуться большим злом для человечества. Все это направление деятельности получило название «трансгуманизм», который квалифицируется российскими учеными как «дорога в рай нечеловеческого» (Федор Гиренок).

²¹⁰ «Лаборатория Касперского» исследовала уязвимости бионических технологий. URL: <https://motorica.org/laboratoriya-kasperskogo-issledovala-uyazvimosti-bionicheskix-texnologij>. — Текст: электронный.

Тем не менее в частноправовой сфере идут активные разработки нормативных актов. Примером своеобразного мягкого нормативного акта, воздействующего на цифровую среду, может служить разработанный некоммерческой организацией «Фонд киборгов» документ под названием «Гражданские права киборгов» (Cyborg Civil Rights)²¹¹. Главный постулат: киборг является человеком.

Проект меморандума о правах киборгов предложили и отечественные эксперты из российской компании «Моторика», производящей современные имплантаты²¹². В проекте предлагается некий терминологический аппарат; даются определения отдельным терминам:

- киборг — это человек, тело которого интегрировано с механическим или электронным устройством медицинского или немедицинского назначения; другими словами, киборги — это люди, носящие имплантаты;
- киборгизация — улучшение умственных и физических возможностей человека;
- киберустройство — это механическое или электронное устройство медицинского или немедицинского назначения, предоставляющее человеку способность не только восстановить недостающие функции своего организма и тела, но и расширить его возможности²¹³.

В список киберустройств предлагается включить: функционирующие протезы верхних и нижних конечностей; инвазивные нейроимпланты; кохлеарные и сердечные импланты; желудочный стимулятор; инсулиновые помпы; кардиостимулятор; импланты костей, суставов и других внутренних органов; интегрируемые в тело человека медицинские устройства по анализу, сбору данных и поддержке нормальной работы процессов внутренних органов; устройства для телеметрии, аутентификации, платежей; любые сертифицированные технические элементы и устройства, вживленные в человека.

²¹¹ «Гражданские права киборгов» (Cyborg Civil Rights). URL: <https://www.cyborgfoundation.com>. — Текст: электронный.

²¹² Проект меморандума о правах киборгов. URL: <https://habr.com/ru/company/motorica/blog/419153/>. — Текст: электронный.

²¹³ Там же.

В Российском меморандуме установлены, в частности, следующие положения:

- «1. Человек имеет право улучшать и модернизировать свое тело, используя сертифицированные киберкомплектующие и медицинские устройства.
2. Киборг имеет право при любых обстоятельствах сохранять киберустройства и медицинские устройства, необходимые для его комфортной жизни и развития. Исключением является ситуация, когда эти комплектующие или устройства были интегрированы незаконно, не сертифицированы или представляют опасность окружающим людям.
3. Киборг имеет право на незлоупотребление со стороны производителей и поставщиков киберустройств. Он также имеет право на определенную долю владения этим комплектующим, которое интегрировано или имплантировано в его тело.
4. Киборг имеет приоритетное право управления над деятельностью внутри своего организма и тела, будь то постоянное или временное вмешательство третьих лиц. Иными словами, он принимает решение о любом виде медицинского вмешательства.
5. Киборг имеет право на отсутствие дискриминации со стороны власти и общества. Например, при устройстве на работу»²¹⁴.

Отдельно оговариваются права и обязанности компаний-разработчиков и медицинских учреждений, предоставляющих услуги киборгизации.

«Компании и медицинские учреждения имеют право:

1. Развивать технологии, позволяющие киборгам жить полноценно и реализовывать себя.
2. Двигать прогресс и развитие технологий.
3. Понимать ответственность за технологии, которые создаются и внедряются в тело человека.
4. Создавать уникальную культуру людей со своими особенностями и быть достойным основоположником этой идеи.

²¹⁴ Проект меморандума о правах киборгов. URL: <https://habr.com/ru/company/motorica/blog/419153/>. — Текст: электронный.

Компании и медицинские учреждения обязаны:

1. Информировать о последствиях использования киберкомплектующих, их сроке службы, гарантии и предоставлять все данные, которые влияют на процесс использования киберкомплектующего.
2. Информировать об опасности неправильного использования комплектующих.
3. Проектировать комплектующие, исходя из наилучшего варианта для пользователя. Если таких вариантов несколько, предложить выбор пользователю.
4. Учитывать пожелания пользователя и особенности его здоровья»²¹⁵.

Проблемы правового регулирования полноценных биологических имплантатов тесно переплетаются с вопросами клонирования на фоне синтеза генетики и кибернетики (создание биологических искусственных машин и т. п.)

Усиление международно-правового регулирования как задача

Итак, в международных отношениях и отношениях международно-го характера, касающихся научно-технических новшеств в соединении с цифровыми технологиями, задействованы такие системы регулирования, как: национальное право; международное право; мягкое право и нормативное регулирование транснациональных корпораций (частноправовых субъектов) — то, что называется транснациональным правом. При этом нормы международного технологического права тесно переплетаются с нормами международного цифрового права, в то же время в глобальной цифровой сфере преобладает транснациональное регулирование. Именно в таком сплетении нормативных блоков оказались отношения по поводу искусственного интеллекта, цифровизации человеческого сознания, клонирования и генной инженерии, а также киборгизации.

Проблему обеспечения нормативного порядка (и международного правопорядка) в таких условиях можно решить только путем усиления

²¹⁵ Проект меморандума о правах киборгов. URL: <https://habr.com/ru/company/motorica/blog/419153/>. — Текст: электронный.

роли международного права и национального права. Национальные правовые системы государств в идеале должны постепенно унифицироваться под воздействием соответствующих международных договоров. Международное право должно поставить под контроль транснациональные корпорации и их деятельность в части новейших технологических и цифровых разработок.

Вместе с тем, когда сообщество государств находится на этапе смены однополярного мироустройства на многополярное, добиться универсальности для многих международно-правовых норм не представляется возможным. Противопоставить универсальные международно-правовые нормы технологическим и нормативным разработкам транснациональных корпорации пока не под силу государствам западных полюсов нового мироустройства. А это означает, что проблема пробелов в международно-правовом регулировании отношений в технологической и цифровой сферах отношений будет сохраняться и обостряться.

Глава 10

ПРОБЛЕМНЫЙ (КРИТИЧЕСКИЙ) АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА²¹⁶

В.Л. Толстых

Введение

Проблемный (критический) анализ права предполагает не только рассмотрение вопроса о содержании правовых норм (который в отечественной доктрине чаще всего рассматривается только в контексте наличия/отсутствия пробелов) или вопроса о регулярности и серьезности правонарушений, но гораздо более широкую проблематику, затрагивающую легитимацию и целеполагание права, его развитие, состояние профессиональной корпорации и проч. Феномен права не ограничивается волевым аспектом (соблюдением норм); помимо этого, он имеет ценностное, корпоративное, телеологическое и иные измерения.

Даже поверхностная диагностика этих измерений применительно к международному праву дает основания для констатации кризиса. Речь идет не о политической проблеме, дефекте отдельной отрасли, временной несостоятельности и т. п., речь идет именно о кризисе, т. е. о том, что международное право достигло критической (завершающей) стадии развития и ему предстоит тотальная трансформация²¹⁷. Действительно, его структуры, выработанные на предшествующем этапе, перестали функционировать должным образом (т. е. в соответствии со своим предназначением) и не могут быть использованы для ответа на новые вызовы (т. е. полностью исчерпали свой креативный потенциал).

Симптоматика кризиса международного права может быть сведена к следующим основным проявлениям.

²¹⁶ Данная глава составлена на основе статьи: Толстых В.Л. Кризис международного права: диагноз // Закон. 2022. № 12. С. 122–133.

²¹⁷ См.: Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 8.

1. Нарушения запрета применения силы

Нарушение запрета применения силы (агрессия) не может рассматриваться в одном ряду с другими нарушениями: в отличие от последних оно делает невозможным само существование международного права.

Во-первых, уничтожает презумпцию, на которой основывается международное право: общественного договора, основной нормы, мирного сосуществования и проч. Запрет применения силы является главным пунктом либеральной концепции международного права; его нарушение делает невозможной реализацию всех иных пунктов: защиты собственности, свободы торговли, прав человека, представительной демократии и проч.

Во-вторых, прекращает существующие договоры (за исключением тех, которые регулируют военные действия) и делает невозможным заключение новых (за исключением мирных договоров). Иными словами, война означает конец международного права в отношениях между воюющими. Современная доктрина занимает более дифференцированную позицию²¹⁸, которая, однако, едва ли соответствует природе войны: «введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет собой полнейший абсурд»²¹⁹.

В-третьих, особенностью современной войны является ее дискриминационный характер: противник определяется не как равный оппонент (*justus hostis*), но как враг рода человеческого (*hostis humani generis*); целью войны является его уничтожение (а не защита права); противостояние носит тотальный характер. Главной ставкой такой войны является само существование субъекта права; победоносная война в этом смысле разрушает международное сообщество (сужает круг его субъектов)²²⁰.

²¹⁸ См.: Проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, подготовленные КМП в 2011 г.

²¹⁹ Клаузевиц К. О войне. М.: АСТ, 2018. С. 18–19.

²²⁰ Вплоть до начала XX в. война представляла собой разрешенную практику, которая не только не исключала, но даже в значительной степени обосновывала существование международного права, считаясь санкцией за его нарушение: на этой догме строили свои теории многие поколения ученых — от Ф. Витории до Г. Кельзена и Ж. Сселя. Запрет войны был закреплен только в 1928 г. (Пакт Бриана-Келлога) и приобрел универсальный характер только в 1945 г. (Устав ООН).

В-четвертых, война внутри сообщества цивилизованных наций представляет собой нечто большее, чем парное противостояние, в отличие от колониальных войн она образует матрицу, проецируемую на универсальный порядок²²¹. Это может быть объяснено и тем, что европейский порядок является убедительным примером для внешних по отношению к нему стран, и тем, что он является гарантом универсального порядка (его стержнем).

В начале XXI в. стало очевидно: запрет применения силы, закрепленный в Уставе ООН, не обеспечивается необходимыми гарантиями: для его обеспечения требуются радикальная перестройка существующего порядка и выработка новых политологических теорий.

2. Неэффективность международного права

Неэффективность международного права может пониматься в двух смыслах: как неспособность международного права обеспечить действие его норм и как неспособность международного права достичь его целей. *Первый* смысл обычно раскрывается ссылкой на отсутствие централизованного механизма принуждения и снимается контраргументом, в соответствии с которым вертикально-организованное общество не является единственной возможной средой действия правовых норм. Последние также могут действовать в горизонтальном сообществе, члены которого на первом этапе договариваются о применении силы для защиты нарушенного права, а на втором — учреждают международные суды, разрешающие международные споры до обращения к силе.

После принятия Устава ООН эта логика уже не работает: *во-первых*, отдельное государство не вправе применять силу для защиты нарушенного права, за исключением случаев прямой физической агрессии (ст. 51 Устава ООН); *во-вторых*, оно, как правило, не имеет возможности отстоять свои права в международных судах, юрисдикция которых

²²¹ «Европейское международное право периода с XVI по XX век рассматривало христианские нации Европы как творцов и носителей порядка, который надлежит установить для всей Земли. «Европейским» в это время именовался воспринимавшийся как норма статус, претендовавший также и на то, чтобы быть определяющим и для неевропейских частей Земли» (*Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 74).

носит согласительный характер²²²; *в-третьих*, даже если ему представится такая возможность, декларируемая обязательностью судебного решения, не будет обеспечена: идея привлечения Совета Безопасности ООН к исполнению решений международных судов (ст. 94 (2) Устава ООН) не была реализована; *в-четвертых*, единственное доступное средство защиты — невоенные контрмеры — является неэффективным, если речь не идет о сверхдержавах и их союзниках.

Таким образом, порядок, созданный Уставом ООН, гарантирует соблюдение норм международного права в меньшей степени, чем предыдущие режимы, и представляет собой «ухудшение качества международного права по сравнению с классическим правом»²²³.

Второй смысл мало затрагивается доктриной: речь идет о том, что международное право, несмотря на постоянное развитие его теории, источников и практики, не обеспечивает сколько-нибудь заметного социального прогресса; скорее наоборот — многие проблемы, которые оно пытается решить, усугубляются²²⁴. Характерный пример — запрет применения силы: после Второй мировой войны была предложена программа действий, направленных на «неповторение Освенцима»²²⁵; несмотря на это в начале XXI в. агрессия Запада против Юга стала регулярным явлением, а конфликт между Россией и Украиной имеет признаки начала мировой войны.

Другой пример — экологическое право, которое будучи наиболее динамичной и инновационной отраслью, не достигает позитивных результатов: каждый год исчезает 160 тыс. кв. км лесов; депопуляция

²²² Отзыв Францией (1974 г.) и США (1985 г.) заявлений о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН ознаменовал утрату надежды на то, что международные суды станут регулярным инструментом защиты нарушенных прав.

²²³ Carty A. *Philosophy of International Law*. Edinburgh University Press. 2007. P. 122.

²²⁴ Ч. Мьевиль замечает: «Я не считаю международное право слабой силой, которая не действует между государствами... Я являюсь отрицателем в альтернативном смысле... в котором я не вижу перспектив какого-либо системного прогрессивного политического проекта или эмансипирующего развития, идущих от международного права» (Miéville Ch. T. *The commodity-form theory of international law // International Law on the Left: Re-examining Marxist Legacies* / Ed. by S. Marks. CUP. 2008. P. 130).

²²⁵ Ю. Хабермас пишет: «Преодоление фашизма образует особую историческую перспективу, из которой следует понимать постнациональную идентичность, сформированную на универсалистских принципах правового государства и демократии» (Хабермас Ю. *Политические работы* / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Практикс, 2005. С. 141).

животного мира с 1970 по 2016 г. составила 68 %²²⁶, 99 % людей живут в местах, где уровень загрязнения воздуха превышает лимиты ВОЗ²²⁷. Аналогично экономическое право, обладающее дифференцированным набором инструментов, не решает проблемы бедности, неравенства, кризисов, государственного долга и неокOLONиализма.

Возможное объяснение состоит в том, что динамика усугубления социальных проблем опережает динамику развития международного права (в связи с чем необходимо развивать международное право более интенсивно); более иррациональное объяснение состоит в том, что эти проблемы обостряются по мере их решения. Оба этих объяснения выглядят неудовлетворительными. Следовательно, диагнозы и рецепты, которые предлагает международное право, не верны.

Возможно, международное право не просто бессильно, но, как минимум, является инструментом сублимации, позволяющим избегать решения указанных проблем, а как максимум — их непосредственной причиной.

3. Разрушение оснований легитимности

Международное право заимствует базовые идеи национального права, используя их как критерий признания и как основу международного порядка (так называемая домашняя аналогия). Центральной политической идеей Нового времени является идея общественного договора, заключенного ради безопасности его участников и преодоления угрозы частной войны, исходившей от феодальных институтов (Т. Гоббс). После разрушения феодализма легитимность государства оказалась «повешенной в воздухе»: отчуждая естественные права и используя человеческий ресурс, государство оказывается неспособным предоставить адекватное вознаграждение и вынуждено искать новые формы компенсации, внося изменения в общественный договор.

Первая такая модификация была осуществлена Дж. Локком, в версии которого общественный договор закрепляет лишь передачу права наказывать за нарушения, оставляя нетронутыми остальные есте-

²²⁶ WWF. 2020. Living Planet Report — 2020: Bending the curve of biodiversity loss. WWF, Gland, Switzerland.

²²⁷ <https://www.who.int/data/gho/data/themes/air-pollution/ambient-air-pollution>

ственные права, в том числе право саморегулирования — речь, таким образом, идет об идее демократии. Опыт мировых войн, однако, показал, что большинство может поддерживать газовые камеры и ковровые бомбардировки. Другой удар по этой идее нанесли информационные технологии, целенаправленно искажающие политический выбор.

Вторая модификация связана с закреплением новой цели общественного договора — либерального порядка, в рамках которого будут расширены возможности человека и гарантирована всеобщая справедливость и процветание. Это обещание оказалось невыполненным: бенефициарами рыночной экономики и связанных с ней институтов стали узкие слои общества; для всех остальных они означали прогрессирующее отчуждение — экономическое, политическое и культурное.

Третья модификация связана с концепцией государства всеобщего благосостояния (*Welfare State*). Ее ресурс позволил Западу нанести СССР поражение в холодной войне, но сегодня является растраченным: даже развитые страны сталкиваются с дефицитом средств, безработицей, несправедливым распределением и коррупцией.

Четвертой модификацией является апелляция к национальному, позволяющая по крайней мере на риторическом уровне преодолеть врожденный порок государства, связанный с отчуждением человека от родовой жизни. Эта апелляция реанимирует угрозу частной войны, придавая ей современную форму опасности, исходящей от агрессивных меньшинств; консолидируя общество на коротком отрезке, она делает главным смыслом его существования национальный конфликт и тем самым лишает его будущего²²⁸.

Международное право последовательно заимствовало эти идеи и также последовательно отказывалось от их использования. Ст. 2 (4) Устава ООН не обеспечила «вечного мира»: государства не желают от-

²²⁸ Все конфликты на территории бывшего СССР и Югославии развивались по одному сценарию. Международное право требовало, чтобы границы новых государств соответствовали административным границам (*uti possidetis juris*); в результате значительную часть их населения составляли меньшинства. После прихода к власти новые правительства начинали проводить политику унификации, лишая меньшинства статуса титульной нации, их язык — статуса официального; их образования — статуса автономий и т. п. В ответ на это (а иногда и раньше) меньшинства формировали органы власти, проводили референдумы и провозглашали независимость. Другие страны вместо того, чтобы предложить компромисс, вставали на сторону одного из его участников. Результатом такой политики были этнические чистки, замораживание конфликта и иногда — фарс международного уголовного правосудия.

казываться от применения силы и используют права человека и борьбу с тоталитаризмом в качестве новой и безусловной *justa causa*²²⁹. Западная модель демократии с трудом прививается в незападном мире; ее насильственное внедрение может приводить к дезорганизации и падению уровня жизни; гипотеза Т. Франка о возникновении права на демократическое правление, преодолевающего принцип невмешательства, оказалась утопией²³⁰; в последние годы западные страны сами столкнулись с кризисом демократических процедур. Глобальный порядок характеризуется высокой степенью неравенства, а рецепты международных институтов лишь усугубляют его²³¹. Риторика всеобщего благоденствия почти полностью исчезла из международно-правового дискурса; борьба с COVID-19 полностью проигнорировала социально-экономические аспекты. Наконец, апелляция к национальному противоречит глобальному порядку. *Существующие основания международного порядка, таким образом, оказались обесцененными; новым основанием, похоже, становится разрушение и разделение*²³².

Пандемия COVID-19 знаменует переход к этой новой парадигме. *Во-первых*, речь идет об изменении предмета общественного договора: новая модель предполагает отмену широкого спектра прав человека и возложение на суверена единственной обязанности — защиты биологической («голой») жизни. *Во-вторых*, речь идет об установлении нового основания легитимности — *экспертизы*, что, в свою очередь,

²²⁹ Как пишет А.С. Исполинов, «современная практика государств, а также появившиеся международные договоры, открыто разрешающие вооруженную интервенцию без согласия государства, не подтверждают тезис об императивном характере запрета применения силы»; «доктрина оказалась в ситуации глубоких разногласий по ключевым правовым вопросам» (Исполинов А.С. Нормы международного права о применении силы и специальная военная операция России // Закон. 2022. № 8. С. 40).

²³⁰ См.: *Franck Th.M.* The Emerging Right to Democratic Governance // *American Journal of International Law*. 1992. Vol. 86, № 1. P. 46–91.

²³¹ Б. Чимни пишет: «Международное право играет решающую роль в содействии узакониванию и поддержанию неправомерных структур и процессов, которые проявляются в растущем разрыве между Севером и Югом. Действительно, международное право является основным языком, на котором будет выражаться господство в эпоху глобализации» (*Chimni B.S.* Third World Approaches to International Law: A Manifesto // *International Community Law Review*. 2006. № 8. P. 3).

²³² Дж. Агамбен пишет: «Силы, которые борются, на самом деле не имеют никакого спасения и никакой правды, чтобы предложить: только постоянная, надвигающаяся угроза болезни и смерти, ненависть и война каждого ко всем. В этом смысле они находятся в конце, и жестокая планетарная гражданская война, которую они ведут, является формой их конца» (*Agamben G.* *La terza guerra mondiale non è ancora finita*, 5 settembre 2022, <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-la-terza-guerra-mondiale-non-ncora-finita>).

предполагает отказ от демократических процедур, анонимизацию власти, перераспределение полномочий в пользу международных организаций, исключение дискуссии и общественного контроля. В-третьих, речь идет об изменении методов управления: под предлогом общей угрозы государство осуществляет широкое вмешательство в сферу частной жизни (слежки, проверки и ограничения); модус гражданства в этой связи предполагает постоянный страх, готовность претерпеть насилие и отказ от несанкционированной активности.

*Речь идет о введении постоянного чрезвычайного положения, т. е. тотальном отрицании предшествующего порядка и его замещении произволом*²³³.

4. Исчезновение воли

Начиная с XVII–XVIII вв. источником права в целом и международного права в частности признается воля; международное право рассматривается как установленное право, *jus positum*. Идея позитивного права вытекает из концепции суверенитета (Ж. Боден) и концепции общественного договора (Т. Гоббс). Она прослеживается уже у Б. Айалы и А. Джентили, хотя принято считать, что первым ее сформулировал Г. Гроций. Позитивизм отграничивает право от других феноменов и тем самым создает возможность правовой теории. Кроме того, он придает праву словесную форму, благодаря которой оно становится определенным и, как результат, действенным.

Идея позитивного права (идея творящей воли) определяет юридическую технику: позволяет выделить круг источников международного права (в качестве таковых признаются лишь объективированные формы выражения государственной воли — договор и обычай); определяет подходы к толкованию договоров, делая акцент на установлении намерения законодателя; привносит в международное право методо-

²³³ Дж. Агамбен пишет: «Государственная власть, основанная на так называемых демократических законах и конституциях, трансформируется — в результате неукротимого процесса, начавшегося некоторое время тому назад, но только сейчас достигшего своего окончательного кризиса — в аномальное состояние, в котором закон заменяется декретами и мерами исполнительной власти, и чрезвычайное положение становится нормальной формой правления» (Agamben G. Stato e anomia. Considerazioni sull'anticristo, 19 ottobre 2022, <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-stato-e-anomia.-considerazioni-sull-u2019anticri>).

логию частного права, уделяющую большое значение чистоте (отсутствию пороков) воли; обеспечивает ему необходимую легитимность (воля государства определяется как сублимированная воля народа); защищает международное право от критики с позиций чистой рациональности или морали и т. д. В общем, она создает международное право как работающий механизм.

Этот механизм переживает процесс распада. *Во-первых*, кодифицирующие конвенции, вырабатываемые Комиссией международного права и международными конференциями, больше не заключаются; последним документом такого рода стал Римский статут Международного уголовного суда. *Во-вторых*, концепция международного обычая так и не стала целостной²³⁴, столкнулась с практическими трудностями²³⁵, а в последние годы была подменена имитацией, — международные организации создают «обычное право» в отсутствие всеобщего консенсуса²³⁶. *В-третьих*, современные подходы к толкованию часто пренебрегают намерением государств — авторов договора, подчиняя его ценностным соображениям или более широкому контексту. *В-четвертых*, свобода усмотрения государств в ряде сфер (признание, выход из договоров, оговорки) постепенно ограничивается; инструментом ограничений выступают нормы *jus cogens*, действующие по принципу *deux ex machine*.

Упадок классических форм сопровождается введением новых форм («обычаев», создаваемых организациями, и инструментов *soft law*) и увеличением значения вспомогательных форм, в первую очередь об-

²³⁴ Речь идет об отсутствии убедительных ответов на вопрос о связанности обычаями новых государств и государств, не участвующих в его формировании, вопрос о соотношении практики и *opinio juris*, и самое главное — вопрос о природе обычая (договор или правовой поступок). См.: Stern B. Custom at the Heart of International Law // Duke Journal of Comparative & International Law. 2001. Vol. 11. P. 107.

²³⁵ Международные суды в одних случаях устанавливают практику, в других — *opinio juris*, в третьих — постулируют обычай, не утруждая себя его доказыванием. Такое варьирование «сводит на нет текстуальную определенность, содержательную согласованность и общую прозрачность обычного процесса, которые являются одним целым с легитимностью правовых норм» (Chigara B. Legitimacy deficit in custom: a deconstructionist critique. Ashgate, 2001. P. XIX).

²³⁶ Дж. Келли отмечает три момента. *Во-первых*, многие обычаи не основаны на общем консенсусе или признании, которые являются фикциями, оправдывающими универсализацию права. *Во-вторых*, теория обычая не обеспечивает установления содержания норм, способа и порядка их возникновения и круга связанных государств. *В-третьих*, процесс формирования обычаев нарушает принципы демократии: в нем участвуют немногие государства (Kelly J.P. The twilight of customary international law // Virginia Journal of International Law. 2000. Vol. 40, No 2. P. 449–543).

щих принципов²³⁷ и решений судов. Все эти суррогаты не опираются на суверенную волю, т. е. не обладают уровнем легитимности, достаточным для того, чтобы выступать в качестве самостоятельных регуляторов, и не обеспечивают прозрачности и определенности, которые являются необходимыми атрибутами любого права (и позитивного, и естественного).

Результатом является разделение международно-правового дискурса на две части — сферу выхолощенной теории, ориентированной на волю, но представляющую исключительно академический интерес, и сферу практической юриспруденции — живую, динамичную и эффективную, но лишенную онтологической основы и не обладающую строгой методологией. В этом разделении можно увидеть предвестие новой теории международного права, тяготеющей к натурализму; эта перспектива, однако, не выглядит неизбежной.

Таким образом, идея государственной (суверенной) воли, оставаясь фундаментом теории международного права, постепенно вытесняется из международно-правовой практики, которая все больше ориентируется на использование неконсенсуальных механизмов (технологий).

5. Исчерпание дискурса

Современный порядок основывается на рациональной легитимации, предполагающей принятие конкретных решений на основе абстрактных идей, восходящих к понятию общественного договора²³⁸. Дискурс представляет собой набор этих идей и практику их применения; дискурсивный анализ предполагает их рассмотрение за пределами нормативного измерения с акцентом на обстоятельствах их фор-

²³⁷ В особом мнении к Консультативному заключению Международного суда ООН по делу Чагоса от 25 февраля 2019 г. судья Кансаду Триндаде заявил: «Принципиальная позиция международного суда может быть только принципистской (*principiste*), т. е. не предполагающей недолжных уступок государственному волюнтаризму. Правовой позитивизм напрасно стремился преуменьшить значение общих принципов права, — истина в том, что без этих принципов не было бы правовой системы. Данные принципы выражают идею объективной справедливости, прокладывая дорогу применению универсального международного права, нового *jus gentium* нашего времени» (пар. 290).

²³⁸ «Союзы наших дней, прежде всего политические, относятся к типу “легального” господства. Это значит — легитимность приказов обладателя власти основана на рационально сформулированных, согласованных или октроированных правилах, а легитимность формулирования этих правил, в свою очередь, — на базе рационально сформулированной или интерпретированной “конституции”» (Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 66).

мирования и их логической составляющей. Кризис международного права имеет следующие дискурсивные проявления.

1) *Архаичность*. Многие институты, в основе которых лежит принцип эффективности, были разработаны в XIX — начале XX в.; речь идет о признании, преемстве, праве наций на самоопределение, *uti possidetis juris* и т. п.²³⁹. Общая проблема данных институтов — редуцирование понятия государства к идее суверенитета (игнорирование исторических, социальных, экономических и иных факторов). Это образует резкий контраст с развитием других институтов, учитывающих современные вызовы, — например, в сфере экономического или экологического права.

2) *Пробелы*. Международное право характеризуется наличием существенных пробелов, и — что более критично — отсутствием механизмов их устранения; это, в свою очередь, открывает дорогу для произвольных и конфликтующих интерпретаций и судейского активизма (или, наоборот, *non liquet*²⁴⁰). Восполнение пробелов при помощи общих принципов отчасти решает проблему, но противоречит позитивному характеру международного права и принципу определенности.

3) *Цикличность*. Международное право оперирует двумя противоположными идеями (свободы и порядка) и не обладает собственной картиной мира²⁴¹; любая дискуссия в этой связи обращена *вовнутрь*, т. е. предполагает опровержение оппонента, а не приближение к истине; любой спор предполагает заданный набор аргументов и в отсут-

²³⁹ А. Карти пишет: «Принцип эффективности, связанный с порядком и безопасностью, определяет систему и технику международного права. Однако доктрины *failed states*, опыт современной Африки и другие многочисленные и острые неразрешенные конфликты... показывают, что, хотя международное право обеспечивает правовой ответ, оно делает это, основываясь на исторических правовых традициях, которые являются анахроническими и неполными» (*Carty A. Op. cit.* P. 92).

²⁴⁰ Характерный пример — Консультативное заключение от 8 июля 1996 г., в котором Международный суд ООН отказался выносить суждение о правомерности применения ядерного оружия в порядке самообороны.

²⁴¹ М. Коскенниemi пишет: «Современная доктрина постоянно движется от подчеркивания конкретности к подчеркиванию нормативности и обратно, не утверждаясь в какой-либо одной позиции. Результатом является удивительно бессвязная доктрина *ad hoc*... Современная доктрина... использует смесь позитивистских и натуралистских, консенсуалистских и неконсенсуалистских, телеологических, практических, политических, логических и фактических аргументов в некоем счастливом замешательстве, не отдавая себе отчета в их противоречиях» (*Koskenniemi M. From apology to utopia: the structure of international legal argument*. CUP, 2006. P. 65–66).

ствие *ultima ratio* возвращается к своему началу²⁴²; его результат зависит от позиции большинства. Логическая несостоятельность правового дискурса оборачивается дефектом легитимности: риторика, способная лишь опровергнуть оппонента, но не приоткрыть завесу тайны, неизбежно сходит со сцены.

4) *Недостаточность общего права*. Многие инструменты общего права не обеспечивают формально-определенного регулирования: закрепляя обязательства поведения, размытые формулы (ст. 74 и 83 Конвенции по морскому праву), наборы конфликтующих критериев (ст. 6 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г.), они оказываются бесполезными в судебном процессе и с необходимостью предполагают судебный активизм. Этот недостаток может компенсироваться региональным или двусторонним правом; механизм такой компенсации, однако, не разработан.

5) *Закрытость*. Международное право основано на идее общественного договора, сформулированной в XVII в. и предполагающей определенное и уязвимое видение природы человека (стремление к безопасности и др.). Заботясь о самосохранении, дискурс закрывается от альтернатив, способных поставить эту идею под сомнение (не предоставляет им догматического статуса); как результат, он останавливается в развитии и не выдерживает конкуренции в открытом риторическом пространстве.

В целом дискурс международного права выглядит исчерпанным: он не способен генерировать новые смыслы и обеспечивать последовательное, актуальное и эффективное решение современных проблем.

6. Эпистемологический поворот

Классические авторы (Г. Гроций, Э. де Ваттель и др.) выводили законы естественного права, анализируя природные явления, исторические факты, Священное Писание, мнения богословов и античных авторов; функция такого анализа состояла, скорее, в *объяснении* международно-правовой политики, чем в ее регулировании. Позитивисты XIX в.

²⁴² О риторических кликах применительно к тенденции принципиального сопротивления см.: Толстых В.Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 79–89.

(А.В. Гефтер, Г.Ф. фон Мартенс, И.К. Блюнчли и др.) ограничились крутом рассматриваемых фактов проявлениями государственной воли и разработали самодостаточную (схоластическую) систему правовых понятий; как и их предшественники, они видели свою задачу только в описании и объяснении. Следующее поколение ученых (Т. Ассер, Дж. Вестлейк и др.) поставило перед собой задачу содействия либеральным реформам, предполагающую участие в правотворчестве и урегулировании споров²⁴³. Это означало отказ от метода Гроция: вместо того чтобы изучать прошлое, юрист должен изменить будущее — привести его в соответствие с международным правосознанием (*legal conscience of the civilized world*). Первая мировая война вызвала кризис этого реформаторского понимания и потребовала переориентации доктрины.

Новая методология сделала акцент на анализе двусторонних отношений (в ущерб многосторонним); в отсутствие собственного инструментария были заимствованы методы национальных юристов, работающих в сфере частного права. Манифестом нового подхода стала работа Г. Лаутерпахта — *Private Law Sources and Analogies in International Law* (1927). Теоретическое осмысление международных отношений и выдвижение политических проектов стало уделом политологов и социальных философов; установление фактов было доверено международным организациям и СМИ. Деятельность юриста стала прикладной и ориентированной на состязательность; его рабочими методами стали лингвистический анализ, выявляющий «подлинное» намерение законодателя; сравнительно-правовые исследования, направленные на установление обычаев и общих принципов; толкование абстрактных норм с целью их адаптации к конкретным ситуациям и т. п.

Судебное (состязательное) измерение предполагает редуцирование любой международной ситуации к крупным, юридически значимым фактам, т. е. *пренебрежение ее широким социальным контекстом*. Оно же исключает *личное и вовлеченное отношение*: судебный юрист должен воспринимать любую ситуацию с двух сторон (обвинителя

²⁴³ Отличительной особенностью интернационалистского понимания была не только его реформистская политическая направленность, но также его убеждение в том, что международная реформа может отталкиваться от глубокого понимания общества, истории, человеческой природы или законов развития (Koskenniemi M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960*. CUP. 2004. P. 3).

и защитника), что автоматически делает ее морально нейтральной и неинтересной вне рамок судебного процесса²⁴⁴.

*Дефект методологии порождает дефект регулирования: игнорирование исторической, культурной и иной динамики приводит к тому, что многие международно-правовые решения оказываются неэффективными*²⁴⁵.

7. Деградация научной корпорации

Данная проблема имеет два основных аспекта. *Первый* состоит в отстранении представителей академии от участия в выработке решений. Частными проявлениями этого являются: увеличение числа международных судей и членов Комиссии международного права, имеющих опыт государственной службы (в ущерб судьям с академическим прошлым); ослабевание связей между государственными ведомствами и университетами и возложение основной нагрузки по правовому обоснованию внешней политики на министерства иностранных дел; выполнение экспертных функций в сфере международного права представителями смежных дисциплин и СМИ и т. п. Сегодня сложно представить, чтобы юрист-международник давал советы, к которым бы прислушивались высшие должностные лица, как во второй половине XX в. это делал Р. Филимор (*Phillimore*) в Великобритании или Ф.Ф. Мартенс в России.

Второй аспект связан с внутренними изменениями, переживаемыми академией. Если рисовать типичный портрет влиятельного ученого прошлого века, то перед нами предстанет мужчина 50–60 лет и старше, получивший классическое университетское образование, посвятивший академической карьере большую часть жизни, хорошо знающий общую теорию и излагающий ее на страницах многостраничных трак-

²⁴⁴ Этот поворот отразился в работе судов: если Постоянная палата международного правосудия часто пыталась разобраться в социальной механике конфликта, то Международный суд ООН отказался от такого подхода. См.: Решение Палаты по делу о правах меньшинств в Верхней Силезии от 26 апреля 1928 г.; Консультативное заключение Палаты об обмене греческим и турецким населением от 21 февраля 1925 г.

²⁴⁵ А. Карти справедливо отмечает: «Позитивный результат может быть достигнут только благодаря живой и персональной диалектической вовлеченности (*personal dialectical engagement*). Юрист должен вооружиться инструментами этнографии и культурной антропологии, если он хочет понять вопросы, которые возникают в контексте современных международных противоречий» (*Carty A. Op. cit. P. 16, 18*)

татов, поддерживающий связи с коллегами по всему свету, дорожающий своей репутацией и сохраняющий дистанцию в отношениях со своим правительством. Именно набор этих качеств обеспечивал ученым монополию на выражение *conscience international*.

Сегодня ситуация изменилась: от имени доктрины часто выступают молодые люди, не имеющие серьезного академического прошлого; большинство из них являются экспертами лишь в одной области и не проявляют интереса к вопросам общей теории и политической морали; их публикационная активность ограничивается статьями и постами в Интернете; многие из них открыто обслуживают политическую повестку или отстаивают интересы неправительственных организаций. Проявлений корысти, коррупции и недобросовестности стало намного больше; кроме того, они приобрели публичный характер, нанося огромный урон авторитету корпорации. Важным фактором стало возникновение рынка услуг юристов-международников, стандарты которого вступают в конфликт со стандартами академии и вытесняют последние. Как и любой другой рынок, этот рынок подвержен унификации и монополизации; речь идет о закреплении *общей научной повестки* и стигматизации альтернатив. В краткосрочной перспективе отказ корпорации от независимости и интеллектуальной глубины способствует росту ее благосостояния; *в долгосрочной перспективе он неизбежно приведет к ее исчезновению*; в конце XVI в. из сферы международного права были изгнаны теологи; в начале XXI в. это может случиться с юристами — «*Silete Advocati in munere alieno!*»

Заключение

Общие выводы могут быть сформулированы следующим образом: 1) кризис международного права имеет место; 2) он носит системный характер, т. е. затрагивает все уровни международного права: мифологический, теоретический, дискурсивный, правотворческий, правоприменительный и корпоративный; 3) он не является случайным и спонтанным, но представляет собой закономерный результат исторического процесса — очередную, но, возможно, последнюю стадию в развитии международного права.

За пределами данной главы остались вопросы, касающиеся причин кризиса, его динамики, будущего международного права и проч.

Профессиональная корпорация, объединяющая ученых, дипломатов, судей международных судов, адвокатов и проч., не склонна констатировать кризис международного права: его симптомы определяются как временные затруднения, результат действия враждебных сил или ошибочных интерпретаций и т. п.; они, конечно же, преодолимы, а их преодоление откроет дорогу к новому, счастливому будущему. Такая позиция, независимо от качества аргументов, является результатом *встроенности* в существующий порядок и личной зависимости: человек либо в принципе не способен увидеть что-либо за пределами привычной картины, либо настроен на использование имеющихся структур с целью выживания. С одной стороны, предатель может быть наказан изгнанием, с другой стороны, сама корпорация заинтересована в толике критики, свидетельствующей о ее здоровье, отсюда *симуляция критики и отказ от борьбы*.

Несмотря на это, критические исследования в международном праве развиты в гораздо большей степени, чем в национально-правовом дискурсе. Это обусловлено целым рядом причин: сохранением связи с естественно-правовой традицией (травмирующий опыт становления национального государства в XVI–XVII вв. затронул международное право в меньшей степени, чем право внутреннее); богатством и широтой научного дискурса, в рамках которого взаимодействуют различные национальные школы и авторы, отталкивающие от разных идеологических предпосылок; отстраненностью данного дискурса от проблем внутренней политики и вытекающая отсюда возможность саморегулирования; наконец, особенностью самой научной материи, предполагающей более глубокое, чем это обычно требуется от юриста, изучение вопросов философии, истории, экономики и т. д. Это позволяет надеяться если не на преодоление кризиса, то на его объяснение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ИХ ОСНОВНЫХ ТРУДАХ

Ищенко Н.Г.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

E-mail: Ischenko.natalia@gmail.com.

Наиболее существенные труды автора

1. Ограничение свободы передвижения лиц в Европейском союзе в свете пандемии COVID-19: правовой аспект // Закон и право. 2022. № 4. С. 244–251.
2. Святой Престол — Европейский союз: правовое регулирование отношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 156–165.
3. Свобода предоставления услуг, свобода учреждения и свобода движения рабочей силы в праве Евразийского экономического союза // Закон и право. 2020. № 12. С. 162–171.
4. Правовое регулирование страховых услуг в Европейском союзе: монография. М.: Магистр, 2019. 161 с.
5. К вопросу о подразумеваемых полномочиях Европейского союза // Закон и право. 2019. № 11. С. 25–32.
6. Органы Европейского союза, действующие в сфере регулирования страховых услуг // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8. С. 67–69.
7. Страховое право ЕС: система, источники, основные направления развития // Евразийский юридический журнал. 2015. № 4. С. 59–63.
8. Последствия вступления России в ВТО для страхового законодательства РФ // Закон и право. 2013. № 10. С. 101–105.

Кицмаришвили Д.Э.

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, практикующий юрист, адвокат.

E-mail: kic-david@mail.ru.

Наиболее существенные труды автора*Обзоры для правовых рейтингов*

1. Chambers Fintech Guide 2021 и 2020 (Q&A Russia)

Научные статьи

1. Принципы деятельности Парижского клуба кредиторов и основные механизмы реструктуризации суверенных долговых обязательств (к 60-летию Парижского клуба кредиторов) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 106–110.
2. Международно-правовые аспекты урегулирования долга Украины перед Российской Федерацией // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 179–186.
3. О принципах поощрения ответственной практики суверенного кредитования и заимствования (к 10-летию инициативы ЮН-КТАД) // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 29–32.
4. Юридические аспекты применения смарт-контрактов в цифровой экономике: российский и мировой опыт // Ученые записки Международного банковского института. 2019. № 4 (30). С. 156–180.
5. Понятие, предмет и место международного долгового права в системе международного экономического права // Международное право. 2019. — № 4. — С. 69–80.
6. Fintech and new digital instruments. Post-crisis developments: Russia and Europe // Digital Law Journal. 2020. Vol. 1, no. 4. Pp. 25–37.

Комендантов С.В.

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России, государственный советник Российской Федерации III класса.

Телефон: 8(499)147-35-33.

E-mail: wtolaw@yandex.ru.

Наиболее существенные труды автора*I. Монографии*

1. Проблемы имплементации в Российской Федерации нормативных положений правовой системы Всемирной торговой организации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. 185 с.
2. Валютное право. Курс лекций // под ред. П.Н. Бирюкова. / П.Н. Бирюков, С.В. Комендантов, Н.М. Понедельченко. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. — 256 с.

II. Научные статьи

1. О выполнении некоторых обязательств по соглашению ВТО об упрощении процедур торговли // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 4. С. 27–32.
2. Особенности международно-правового регулирования экономической деятельности СНГ в стратегии обеспечения баланса интересов на постсоветском пространстве // Вопросы новой экономики. 2021. № 3 (59). С. 54–61.
3. Соглашения о свободной торговле ЕАЭС и его государств-членов с третьими государствами: эволюция, реализация и перспективы // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 7. С. 1–8.
4. Российская доктрина международного права о прямом действии положений права ВТО в правовой системе Российской Федерации // Образование и право. 2017. № 11. С. 130–135.
5. К вопросу о возможных международно-правовых последствиях создания Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС / Московский журнал международного права. 2010. № 1 (77). С. 61–71.
6. Международно-правовые и внутригосударственные последствия вступления России во Всемирную торговую организацию / Московский журнал международного права. 2007. № 2(66). С. 123–134.

Лифшиц И.М.

Профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (2011); доктор юридических наук (2020). Тема кандидатской диссертации «Правовое регулирование рынка ценных бумаг в Европейском союзе». Тема докторской диссертации «Теоретические основы взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза». С отличием окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1994 г. Адвокат, партнер практики «Международное финансовое регулирование» Адвокатского бюро «ЭДАС». Руководил проектами по размещению ценных бумаг нескольких эмитентов на российских и зарубежных площадках (РТС, ММВБ, LSE, HSE). Член Российской ассоциации международного права и Европейского общества международного права. Член экспертного совета Федеральной антимонопольной службы РФ по защите конкуренции на финансовых рынках. Аттестованный аудитор с 1995 г. Имеет профессиональную квалификацию «Специалист финансового рынка по проведению организованных торгов и клиринговой деятельности». Внесен в реестр аттестованных лиц Центральным банком РФ. Аттестованный налоговый консультант, член Палаты налоговых консультантов.

Участвовал в рабочей группе по разработке проекта Договора о Евразийском экономическом союзе (2012–2013). Судья, член организационного комитета, автор задач международного студенческого конкурса «Модель ВТО» (2014, 2016, 2018). Судья российских и глобальных раундов международного студенческого конкурса Jessup (2021); тренер команды ВАВТ конкурса Jessup (2021–2022). Консультировал правовой департамент Минэкономразвития России при подготовке позиции Российской Федерации на сессиях Рабочей группы III ЮНСИТРАЛ (2021–2023).

Наиболее существенные труды автора (в том числе в соавторстве)

1. *Лифшиц И., Шаталова А.* Третий лишний? Финансирование третьей стороной в инвестиционных спорах: разработки ЮНСИТРАЛ // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 113–132.
2. *Лифшиц И.М., Шаталова А.В.* 2022. Эпоха COVID-19: ограничительные меры государств и требования иностранных инвесторов // Московский журнал международного права. № 1. С. 113–127.
3. *Лифшиц И.М.* Налог на финансовые транзакции как возможный инструмент развития интеграции в ЕС // Современная Европа. 2020. № 5. С. 165–172.

4. Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 548 с.
5. *Lifshits I., Ponamorenko V.* International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law. *Russian Law Journal*. 2020;8(3):4–31 (в соавторстве).
6. *Lifshits I.* (2021) Cryptocurrencies in the Regulatory Field of International Organizations. In: Ashmarina S., Mantulenko V. (eds) Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 133. Springer, Cham.
7. *Лифшиц И.* Международные договоры государств — членов Европейского Союза с третьими странами в практике Суда ЕС // Международное правосудие. 2019. № 3 (31). С. 84–101.
8. *Лифшиц И.М.* Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности. Московский журнал международного права. 2019;(1):54–67.
9. *Boklan D., Lifshits I.* Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen. *Russian Law Journal*. 2019;7(3):169–193. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-3-169-193>.
10. *Лифшиц И.М.* G-20: спасение от кризиса или кризис легитимности? // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 12. С. 49–58.

Мазаева Н.Н.

Декан международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, доцент кафедры международного права, кандидат юридических наук

E-mail: n_mazaeva2001@mail.ru

Наиболее существенные труды автора

1. Совершенствование деятельности Евразийской экономической комиссии на основе опыта функционирования Европейской комиссии ЕС // Экономическая политика России и цели устойчивого развития. Сборник научных докладов по материалам международной научной конференции. Москва, 2022. С. 123–134.
2. Механизм межинституционального взаимодействия в рамках обычной законодательной процедуры в праве ЕС. В соавт. с Астапенко И.В. // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 1. С. 45–55.
3. Специальная законодательная процедура в праве Европейского союза: сферы регулирования и специфика межинституционального взаимодействия. В соавт. с Астапенко И.В. // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 83–95.
4. Развитие правового регулирования интегрированной политики ЕС по Арктике в заключениях Совета Европейского союза 2016 и 2019 гг. В соавт. с Монокиным Е.Н. // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 12 (76). С. 233–248.
5. Критерии эффективного контракта. В соавт. с Невмывако В.П. // Профессиональное образование. Столица. 2019. № 12. С. 10–12.

Монокин Е.Н.

Кандидат юридических наук.

E-mail: EUArcticPolicy@gmail.com

Наиболее существенные труды автора

1. Современные международно-правовые вопросы арктической политики ЕС: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.5. Международно-правовые науки. МГИМО. Москва, 2023. 312 с.
2. Арктическая политика ЕС: правовое регулирование на современном этапе // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 4. С. 164–175.
3. Арктическая политика Европейского союза и политика России в Арктике: сравнительно-правовой анализ актуальных вопросов регулирования // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 2–3. С. 97–110.

Никифоров С.В.

Преподаватель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, старший преподаватель кафедры истории, теории государства и права и международного права Московского международного университета.

Лауреат премии по поддержке талантливой молодежи, установленной приказом Президента РФ «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» (2013).

E-mail: ursus-arktos@yandex.ru

Наиболее существенные труды автора

1. *Никифоров С.В.* Научно-доктринальные взгляды на проблему пробелов в международном праве и критерии пробельности // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 3. С. 299–302.
2. *Никифоров С.В.* Восполнение имеющихся пробелов в международном праве в контексте развития современного миропорядка // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 153–157.
3. *Никифоров С.В.* Пробелы в международно-правовом регулировании групп отношений в сфере научно-технического прогресса в условиях социально-политической трансформации // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 1. С. 227–231.

4. *Никифоров С.В.* Пробелы и их восполнение в современном международном праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 1. С. 244–248.
5. *Никифоров С.В.* Международно-правовое регулирование новых групп отношений, классифицируемых по технологическому критерию // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 1. С. 75–78.
6. *Никифоров С.В.* Международная правосубъектность в новых группах отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 1. С. 166–171.
7. *Никифоров С.В.* Правовое регулирование и оформление правосубъектности искусственного интеллекта в российском и международном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 1. С. 79–82.
8. *Никифоров С.В.* Международная правосубъектность искусственного интеллекта как социально-политического феномена киберпространства // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 100–105.
9. *Никифоров С.В.* Прогноз формализации международной правосубъектности в новых политических пространствах: воздушные пространства и космос // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 6. С. 197–200.

Салия М.Р.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли, член Российской ассоциации международного права, член редакционной коллегии студенческого юридического журнала «Сфера права».

E-mail: mrsaliya@vavt.ru

Наиболее существенные труды автора (в том числе в соавторстве)

1. *Салия М.Р.* Развитие международного экологического права на современном этапе: обзор мероприятий, международных договоров и судебной практики / М.Р. Салия // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 4(173). С. 79–87. DOI 10.17803/1729-5920.2021.173.4.079-087. — EDN OGLLHM.
2. *Шумилов В.М., Салия М.Р.* Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнерства в свете международного права (Часть 1) / В.М. Шумилов, М.Р. Салия // Азиатско-тихоокеанский реги-

- он: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 2. С. 66–78. DOI 10.24866/1813–3274/2021–2/66–78. — EDN SVXEBR.
3. Шумилов В.М., Салия М.Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнерства в свете международного права (Часть 2) / В.М. Шумилов, М.Р. Салия // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 3. С. 111–123. DOI 10.24866/1813–3274/2021–3/111–123. — EDN FIGTOR.
 4. Салия М.Р. Международные стандарты в теории и практике «права ВТО» / М.Р. Салия. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Прспект», 2019. 128 с. ISBN 978-5-392-29732-0. — DOI 10.31085/9785392297320–2019–128. — EDN GZISOA.
 5. Салия М.Р. Понятие «международный стандарт» в теории международного права / М.Р. Салия // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 187–192. DOI 10.17803/1994–1471.2018.94.9.187–192. — EDN YLQSJN.
 6. Салия М.Р. Понятие «право ВТО»: дискуссия продолжается / М.Р. Салия // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7(92). С. 199–208. DOI 10.17803/1994–1471.2018.92.7.199–208. — EDN XXRZTV.
 7. Салия М.Р. Понятие международных стандартов в «праве ВТО» / М.Р. Салия // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10(71). С. 197–201. DOI 10.17803/1994–1471.2016.71.10.197–201. — EDN XQODQH.
 8. Салия М.Р. Проблемы ответственности государств за стандарты частного сектора в ВТО / М.Р. Салия // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11(60). С. 191–196. DOI 10.17803/1994–1471.2015.60.11.191–196. — EDN UXMHBL.

Смбатян А.С.

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, практикующий юрист в области международной торговли и правового обеспечения доступа на рынки, автор более 70 научных работ по вопросам международного экономического права и международного правосудия.

Телефон: 8(499)147-35-33.

E-mail: anait_smbatyan@mail.ru.

Наиболее существенные труды автора*I. Монографии*

1. Международные торговые споры в ГАТТ/ВТО: избранные решения (1952–2005 гг.). М.: Волтерс Клувер, 2006. 344 с.
2. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012. 270 с.
3. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации. М.: ИНФРА-М, 2017. 448 с.

II. Научные статьи

1. Всемирная торговая организация: мифы и реальность // Корпоративный юрист. 2007. № 1. С. 9–11.
2. Право ВТО в системе международного публичного права // Корпоративный юрист. 2007. № 2. С. 23–24.
3. Механизмы защиты интересов членов ВТО от дискриминации // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С. 10–12.
4. Применение санитарных и фитосанитарных мер: обеспечение безопасности и недопущение протекционизма // Корпоративный юрист. 2007. № 4. С. 18–20.
5. Противодействие демпинговой политике иностранных компаний (Часть I) // Корпоративный юрист. 2007. № 5. С. 9–11.
6. Противодействие демпинговой политике иностранных компаний (Часть II) // Корпоративный юрист. 2007. № 6. С. 8–10.
7. Экспортные риски предприятий в связи с получением государственных субсидий // Корпоративный юрист. 2007. № 7. С. 9–12.
8. Процедура урегулирования международных торговых конфликтов в рамках ВТО // Корпоративный юрист. 2007. № 8. С. 9–12.
9. Применение мер по ограничению импорта в целях защиты отечественной промышленности // Корпоративный юрист. 2007. № 9. С. 10–12.

10. Что нужно знать бизнесу о системе разрешения споров ВТО // Корпоративный юрист. 2007. № 12. С. 5–7.
11. Разрешение споров в системе права Всемирной торговой организации // Журнал зарубежного и сравнительного правоведения. 2008. Вып. №2 (13). С. 37–41.
12. Увеличение числа органов международного правосудия и их влияние на систему международного права // Московский журнал международного права. 2008. № 3 (71). Июль–сентябрь. С. 140–150.
13. Влияние конфликтующего толкования и практики выбора «удобного суда» на единство системы международного права // Российский юридический журнал. 2010. № 1 (70). С. 42–51.
14. Правотворчество органов международного правосудия // Российское правосудие. 2010. № 7 (51). С. 65–76.
15. Органы правосудия в системе международных отношений // Международное право и международные организации. 2011. № 4. С. 131–136.
16. Критерии эффективности органов международного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6. С. 87–93.
17. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 8. С. 74–83.
18. Нужно ли «спасать» систему международного судопроизводства от фрагментации? // Право и политика. 2011. № 9. С. 1509–1513.
19. Проблема параллельного судопроизводства в международном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 6 (декабрь). С. 23–31.
20. Критерии независимости международных судей // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. Вып. № 30 (декабрь). № 35. С. 107–111.
21. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение // Международное публичное и частное право. 2012. № 1 (64). С. 2–5.
22. Всемирная торговая организация: уникальность и адекватность // Право ВТО. 2012. № 1. С. 4–10.

23. Специализированный порядок разрешения международных споров как один из бонусов вступления России в ВТО // Корпоративный юрист. 2012. № 1. С. 58–60.
24. Процессуальные решения в рамках неотъемлемой и подразумеваемой компетенции ОРС ВТО // Международное право и международные организации. 2012. № 2. С. 113–118.
25. Правотворчество международных уголовных трибуналов: опыт МУТБЮ // Право и политика. 2012. № 3. С. 508–514.
26. Обычные нормы международного права и общие принципы как источник судебного правотворчества // Право и политика. — 2012. № 4. С. 745–750.
27. Особые мнения судей и ВТО: упущенные возможности // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 5. С. 78–84.
28. Санитарные и фитосанитарные меры в свете права ВТО // Legal Insight. 2012. № 5 (11). С. 11–27.
29. Влияние судебных предпочтений на решения органов международного правосудия // Современное право. 2012. № 6. С. 143–147.
30. Об алгоритме определения прецедентной нормы в международном праве // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 98–104.
31. Первое решение Суда Евразийского экономического сообщества в копилку авторитета // Право и политика. 2012. № 12 (156). С. 2003–2007.
32. Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия // Международное право и международные организации. 2013. № 1. С. 104–109.
33. Прецедентные решения органов международного правосудия // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58). С. 33–39.
34. Органы международного правосудия: классификация в рамках единой системы // Право и политика. 2013. № 4 (160). С. 541–547.
35. Конфликт юрисдикций органов международного правосудия как отрицание их взаимосвязей // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 26–36.
36. Сдержит ли ВТО «нашествие» тюленей в ЕС? // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6 (61). С. 45–51.
37. Концепция «особости» правопорядка Таможенного союза в решении Суда ЕврАзЭС по прокатным валкам // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8 (63). С. 31–36.

38. Человеческий фактор евразийского правосудия // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12. С. 26–30.
39. Консолидация как средство разрешения нормативных конфликтов и укрепления целостности международного права // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 9. Вып. 2. С. 175–184.
40. Эволюция международного правопорядка: универсализация или фрагментация? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 6.
41. Таможенные споры в практике ГАТТ/ВТО // Таможенное регулирование. 2014. № 2. С. 46–54.
42. Национальный режим регулирования торговли в трактовке Органа по разрешению споров ВТО // Международное правосудие. 2014. № 3. С. 99–108.
43. Решения Суда ЕврАзЭС не вызывают научного интереса? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6 (73). С. 63–68.
44. Классификация мер как причины возникновения споров ВТО (Часть II) // Право ВТО. 2015. № 2. С. 11–27.
45. Редкоземельные металлы как повод задуматься о нормативной ценности правовых позиций Органа по разрешению споров ВТО / А. Смбатян, С. Тымма // Международное правосудие. 2015. № 4 (20). С. 102–117.
46. Эволюционное толкование в практике Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 4 (83). С. 30–34.
47. Классификация мер как причины возникновения споров ВТО (часть II) // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (87). С. 28–33.
48. О взаимосвязях особенностей международного права и навыков юриста-международника // Международное экономическое право. 2016. № 1. С. 18–28.
49. Значение Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния для защиты интересов сторон при разрешении споров в рамках ВТО / Д. Боклан, О. Боклан, А. Смбатян // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 99–113.

50. О некоторых причинах и последствиях ошибочной трактовки вопросов ВТО // *Международное экономическое право*. 2017. № 2. С. 3–15.
51. Диссонанс между конкретностью каждой ситуации и необходимостью обеспечения стабильности и предсказуемости международных договоров // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 9 (124). С. 21–22.
52. *Смбатян А.С., Лифшиц И.М.* Ценность международного права (по итогам Четвертого международного конкурса «Модель ВТО-2018») // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. № 1. С. 7–22.
53. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 в системе многосторонних торговых соглашений ВТО // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. — № 3. С. 7–18.
54. Нормативная ценность правовых позиций международных судов: фактор стабильности или «узурпация» прав суверенов? // *Российский юридический журнал*. 2019. — № 3(126).
55. Толкование правил Всемирной торговой организации в практике Органа по разрешению споров // *Право и государство*. 2019. — № 2 (183). С. 14–24.
56. Международное правосудие как шахматная партия или почему небольшие шаги предпочтительней рывков на дальние расстояния // *Евразийский юридический журнал*. 2019. № 3 (130).
57. Антиформализм v. традиционализма как новый вызов международному праву // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 6. С. 41–62.
58. Каковы перспективы решения третейской группы о законности обнуления по Антидемпинговому соглашению выстоять апелляцию? // *Евразийский юридический журнал*. 2020. № 9 (148). С. 51–53.
59. Новеллы антидемпинговой политики ЕС в свете правил ВТО // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 11. С. 16–35.
60. Международное право не должно превращаться в моральную утопию // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 1 (152). С. 19–20.
61. Решение ВТО в отношении дополнительных пошлин США на китайский импорт // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2021. № 3. С. 38–56.

62. Международные медико-санитарные правила: эволюция и современное состояние // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 38–56
63. Международное право на страже культурного суверенитета России // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 28–30.
64. Возможности и риски поддержки промышленности в свете правил ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 7. С. 7–26.
65. Краткий обзор участия некоторых стран бывшего СССР в спорах Всемирной торговой организации // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 11. С. 13–29.
66. Common Economic Space and Some Thoughts on Protection of the Russian Market against Unfair Trade // Journal of world trade. 39 (5) P. 937–948. 2005.
67. *Abashidze A., Smbatyan A.* Theoretical Considerations of the Interaction of International Arbitrations and Courts in International Law // Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration. Vol. 5. 2015. P. 3–20.
68. *Dudin M., Ivashchenko N., Frolova E., Abashidze A., Smbatyan A.* Innovative Approach to the Development of the Logistics System of Supply of the Arctic Region Space // International Journal of Economics and Financial Issues. Vol. 6, Iss. 4. 2016. P. 1965–1972.
69. *Jemeljanova N., Kartashkin V., Meshcheryakova O., Smbatyan A.* Institutional Aspects of Integration in the EU: Problems and Prospects // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Vol. VIII, Iss. 3 (25). 2017. P. 843–848.

Толстых В.Л.

Доктор юридических наук, профессор, приглашенный профессор Университета Париж XIII (Франция), Университета Ан-Наджах (Наблус, Палестина), Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), стажер Института сравнительного публичного права и международного права им. Макса Планка (г. Гейдельберг, Германия). Член редакционных коллегий «Российского юридического журнала», «Казанского журнала международного права», «Московского журнала международного права» (Россия), «Евразийского ежегодника международного права» (Казахстан).

Лауреат Премии им. Ф.Ф. Мартенса (Российская академия наук, 2016 г.).

Наиболее существенные труды автора

1. Институты международного правосудия // под ред. В.Л. Толстых. М.: Международные отношения, 2015. 504 с.
2. Международные суды и их практика. М.: Международные отношения, 2015. 504 с.
3. Практикум по международному праву // под ред. В.Л. Толстых. М.: Международные отношения, 2021. 552 с.
4. Курс международного права. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2022. 1064 с.
5. Решения международных судов: Третейские суды, Постоянная палата международного правосудия, Международный трибунал по морскому праву. М.: Международные отношения, 2023. 616 с.
6. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 32–47.
7. Пять уровней международно-правовой мифологии. Часть 1 // Электронное приложение к РЮЖ. 2019. № 3. С. 5–18.
8. Пять уровней международно-правовой мифологии. Часть 2 // Электронное приложение к РЮЖ. 2019. № 4. С. 23–38.
9. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 135–151.
10. Проблема *bona fide* в деятельности международных судей // Международное правосудие. 2021. № 1 (37). С. 57–80.
11. Толстых В.Л. Кризис международного права: диагноз // Закон. 2022. № 12. С. 122–133.
12. Толстых В.Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 42–59.

Шулятьев И.А.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и ведущий научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, член Российской ассоциации международного права.

E-mail: iash7@mail.ru

Наиболее существенные труды автора (в том числе в соавторстве)

1. Шулятьев И.А. Система международно-правового обеспечения участия Российской Федерации в международных экономических отношениях // Вопросы экономики и права. 2016. № 93. С. 47–54.
2. Шулятьев И. А., Шкурченко Н.В. Имплементация норм права Евразийского экономического союза в законодательство государств членов ЕАЭС // Международное экономическое право. 2017. № 3. С. 3–13.
3. Шулятьев И.А. Пути реализации Российской Федерацией соглашений ВТО в современных условиях // Вопросы экономики и права. 2018. № 126. С. 31–40. DOI 10.14451/2.126.31.
4. Шулятьев И.А. Кодификация права международных договоров // Современная концепция применения международных договоров / А.Я. Капустин, С.В. Шульга, И.А. Шулятьев [и др.]. — Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. С. 35–53. ISBN 978–5–00156–057–9.
5. Шулятьев И.А. Международное публичное право и коммерциализация космоса // Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, А.А. Головина [и др.]. Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021. С. 216–231. (ИЗиСП). ISBN 978–5–16–016815–9. DOI 10.12737/1241334.
6. Шулятьев И.А. Правила толкования международных торговых и инвестиционных договоров // Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А.Я. Капустина. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 191–211. DOI 10.12737/1839409. ISBN 978–5–00156–208–5 (Норма).

7. Шулятьев И.А. Акты международных экономических организаций в правовой системе России в контексте конституционных преобразований // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 1. С. 82–87.
8. Шулятьев И.А. Имплементация актов международных экономических организаций // Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права: монография / В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулов, С.Б. Бальхаева и др.; отв. ред. А.Я. Капустин. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 274–287. DOI 10.12737/1926368. ISBN 978–5–00156–287–0 (Норма).
9. Шулятьев И.А., Берг Л.А. Регионализация международного торгового права // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2023. В печати.

Шумилов В.М.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Почетный профессор ряда вузов Республики Казахстан (Национальный университет им. Аль-Фараби, Университет им. Д.А. Кунаева, Международный университет информационных технологий). Заведующий кафедрой международного права ВАВТ МЭР РФ. Арбитр МКАС. Эксперт Российской академии наук. Член Союза писателей РФ. Лауреат премии А.Н. Косыгина Петровской академии наук и искусств.

Телефон: 8(499)147-35-33.

E-mail: mezhdekpravo@gmail.com.

Наиболее существенные труды автора

1. Категория «государственный интерес» в политике и праве (системно-теоретические и международно-правовые аспекты) // Международный научный журнал «Право и политика». 2000. № 3. С. 4–17
2. Международное публичное экономическое право: учебное пособие. М.: изд. НИМП, 2001 (с последующими переизданиями).
3. Международное экономическое право в эпоху глобализации. // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С.167–203.
4. Международное право и глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4.

5. Правовая система США: учеб. пособие для вузов. — М.: ДеКА, 2003 (с последующими переизданиями).
6. Международное экономическое право в эпоху глобализации: монография. М.: Международные отношения, 2003.
7. Международное экономическое право: учебник для вузов. Ростов-на-Дону: изд. Феникс, 2003 (с последующими переизданиями)
8. Итальянская доктрина международного права. // Московский журнал международного права. 2005. № 1. С. 22–41; № 2. С. 22–37.
9. Международное финансовое право: учебник для вузов. М.: Международные отношения, 2005 (с последующими переизданиями).
10. Всемирная торговая организация: право и система: учебное пособие для вузов. М.: Проспект, 2006. 203 с.
11. Словарь внешнеторговых терминов // Российский внешнеэкономический вестник, 2008. № 3. С. 50–63; № 4. С. 72–74.
12. Международное право: учеб. для вузов. М.: Велби, 2007/2008. 485 с. (с последующими переизданиями).
13. Внешнеторговая энциклопедия / Коллектив авторов; отв. ред. С.И. Долгов. М.: Экономика, 2011. 448 с. (в соавт.)
14. Право Всемирной торговой организации (ВТО): учебник для вузов. М.: Юрайт, 2013.
15. Словарь международного права. 3-е изд. / отв. ред. С.А. Егоров (в соавт.). М.: Статут, 2014. 495 с.
16. Взгляд на историю международных отношений и международного права в контексте цивилизационного подхода // Московский журнал международного права. 2014. № 3. С. 46–64.
17. Концепция глобального права и Глобальной нормативной системы. // Современный юрист. 2015. № 5. С. 70–87.
18. О глобальном праве как формирующейся правовой суперсистеме // Московский журнал международного права, 2015. № 4. С. 4–17
19. Эволюция современного международного экономического правопорядка. // Евразийский юридический журнал, 2016. № 3. С. 63–71
20. Международный экономический правопорядок // Российский внешнеэкономический вестник, 2016. № 3. С. 85–100.
21. Глобальная нормативная система и ее составляющие // Государство и право, 2017. № 4. С. 72–78.

22. Международная экономическая система и международное право // Социально-политические науки, 2021. № 3.— С. 26–31.
23. Институт наибольшего благоприятствования в современном международном праве: монография / под ред. Е.Н. Пузанковой. М.: ВАВТ-ММА, 2021. 118 с.
24. Международные товарные соглашения и Общий фонд для сырьевых товаров: вопросы функционирования / Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 1. С. 137–145.
25. Триединство принципов недискриминации, наибольшего благоприятствования и национального режима в международном торговом правопорядке.// Публичное право сегодня, 2022. № 3. С. 51–61.

Коллективные труды кафедры

1. Право Всемирной торговой организации (ВТО): учебник / Коллектив авторов; под общ. ред. В.М. Шумилова и И.М. Лифшица. 3-е издание. М.: КНОРУС, 2023. 252 с.
2. Шумилов В.М., Салия М.Р. Идея Всеобъемлющего (Большого) Евразийского партнерства в свете международного права (Части 1 и 2) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 2021. № 2. С. 66–78; № 3. С. 111–123.
3. Шумилов В.М., Мауленов К.С., Гудков И.В., Шумилов Ю.В. Международное экономическое право / 7-е изд. М.: Кнорус, 2020.
4. Шумилов В.М., Лифшиц И.М. Международное финансовое право: учеб. для вузов, 3-е изд., перераб. и доп. // М: Юстиция, 2018. 302 с.
5. Шумилов В.М., Акчурина Т.Ф. Правовая система США: учеб. пособие для вузов / 4-е изд., перераб. М.: Международные отношения, 2019. 624 с.
6. Шумилов В.М., Лифшиц И.М., Егорова В.А., Слюсарева С.А. Правовое регулирование банковской деятельности в Европейском Союзе: учеб. пособие. М.: ВАВТ, 2018. 80 с.
7. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Сб. документов / сост. Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М., Трунк-Федорова М.П., Лосева А.В., Покатилова Е.В. М.: Юстицинформ, 2017. 918 с.
8. Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе // Российский внешнеэкономический вестник, 2015. № 4. С. 88–100.

9. *Мауленов К.С., Шумилов В.М.* (в соавт.). Международное экономическое право, 2-е издание / Под общей редакцией Мауленова К.С. Алматы, 2014. 498 с.
10. *Айдарбаев С.Ж., Шумилов В.М.* (в соавт.). Международное публичное право. Алматы: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, 2012. 432 с.

Научное издание

**Международно-правовые проблемы
современного международного
экономического правопорядка**

*Коллективная монография
кафедры международного права
ВАВТ Минэкономразвития России*

Под редакцией В.М. Шумилова

Подписано в печать 19.12.2023
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Заказ № 1250. Объем 10,23 усл. п.л.

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России.
119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6А

Тел. (499) 143-12-35,
e-mail: info@vavt.ru,
<http://www.vavt.ru>